

Рафаэль Левчин
Юрий Проскуряков

[СТЕНЫ У]

Thus I make my own Golems
that are designed to protect me
from the pogroms of reality...

J.Švankmajer, «Masks and Puppets».

ПРОЛОГ

В древнем городе Меггидо это почувствовал старик Бугенгаген
и заплакал, ибо теперь все его записи и свитки стали ненужными.
Д.Зельцер, «Знамение»

Впервые я встретил Крога в сгоревшем впоследствии клубе «Хромая Лошадь». Он выглядел как человек, который не спал как минимум пару-тройку недель. Речь его казалась бессвязной, часто он прерывался, не досказав фразу, и подолгу сосредоточенно смотрел в одну точку, так как будто видел там нечто, выходящее за грань человеческого понимания. Я подвинул к нему граненый стаканчик, на тонкой ножке, до края наполненный прозрачной водкой, в которой подрагивали блики холодного мрачного света, еще не подозревающего о готовом спалить его огне. Я уже загрузился, и мне в этот вечер надо было улетать в Москву. Круг выпил и, как заправский пьюха, не поднимая глаза, занюхал рукавом. Сморщившись и опустив свою кудлатую голову еще ниже, он неясно, как-то почти и не говоря, поблагодарил и представился: «Ангел!». Я тогда подумал: еще один чокнутый, – и утопив усмешку в уголках губ, переспросил: «Это имя или фамилия?». Круг поднял глаза, которые оказались огромными, голубыми и чистыми, как у лесной нимфы. «Фамилией я бы это называть не стал, скорее это детское прозвище, хотя я теперь и в этом не вполне уверен. А зовут меня Круг», – при этом он протянул мне контрастирующую с его небольшим худым телом огромную ладонь. «Круг? Впервые слышу такое имя», – я пожал протянутую мне руку и представился. Лицо Круга слегка изменилось, изобразив теперь какое-то подобие любопытства: «Мне кажется, мы с вами уже встречались». «Где же это?» – вяло полюбопытствовал я в ответ. «Да, да, – продолжал Круг, – в клубе «Dyagilev ргожект» в самом начале 2006 года. «А, это который сгорел чуть ли не сразу после открытия». «Вот именно», – Круг снова опустил голову, и речь его стала почти неразличимой. «Надо идти», – голос его доходил как через вату. Я протянул ему карточку. Он пробормотал: «Отдать нечем» – и на салфетке, неведь откуда взявшись огрызком косметического карандашика, жирно нацарапал номер московского телефона...

Я стоял на холме в окрестностях Щурова, с ужасом наблюдая, как догорает разворованная база ВМФ. Отравленный неподвижный воздух обжигал легкие. Я отвернулся и пошел наугад через мелкий кустарник и овраг, куда-нибудь, где можно скрыться от этого ужаса, от воплощенного в жизнь конца света. Через три часа я сидел в задымленном, ничего не обещающем Ленинградском вокзале, где обезумевшая толпа с несчастными отупевшими глазами пыталась вырваться из смертельно опасной столицы. Рядом со мной скрипнул стул, и, обернувшись, я вновь увидел Круга. Теперь глаза его бегали и блестели тем лихорадочным блеском, который отличает больных в маниакальной стадии безумия. «Круг?» – «Вот так встреча!». Он заговорил с той же лихорадочностью, но так же почти не слышно, как и при нашей первой встрече. – «Я тогда вам не сказал, я физик и математик, интересовался много лет мультиверсом, некоторое время назад я познакомился с работой Дэвида Дойча, в которой излагается эскиз структуры физической реальности, представляющей собой совокупность взаимодействующих

параллельных вселенных. Дойч пытался описать это в рамках квантовой теории. Я понимал, что справедливое описание может быть получена только в рамках математического аппарата четырехмерной общей теории относительности, описывающей Вселенную как конкретное четырехмерное лоренцево многообразие $BR_4, g(4)_c$, называемое пространством-временем...». Круг остановился и пристально посмотрел куда-то – как мне показалось, в самую глубину моего мозга: «Вы понимаете, о чем я..» – «По правде говоря, не очень». Он безнадежно махнул своей непомерно большой ладонью: «Словом, мне представилась возможность экспериментально проверить наличие параллельных, иных вселенных, являющихся самыми различными четырехмерными псевдоримановыми многообразиями, за счет любого необходимого произвольного увеличения размерности особого Гиперпространства, объемлющего все вселенные... Я провел эксперимент и нашел точку, единственную точку, через которую можно было попасть в бесчисленное число вселенных, сколь угодно подобных нашей или совершенно непохожих на мир, в котором мы живем. Я совершил переход и теперь не знаю, в том ли я мире, из которого переместился или же ваша вселенная – параллельна моей исходной. Единственное, что я понимаю, это...» – он посмотрел в сторону памятника Ленина и чудовищно напрягся. Я проследил его взгляд и увидел, как от выхода на платформы к нам приближаются трое в странных белоснежных развевающихся одеждах. «Спрячьте это!» – Круг сунул мне в руки толстую потрепанную тетрадь и, спотыкаясь о сумки и ноги, огромными скачками рванул к выходу на площадь трех вокзалов. Люди в белых одеждах, не издав ни звука, устремились за ним. Я же остался с тетрадью в руках, на которой большими буквами от руки было написано: «МОИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ МИРА ГНОСТИКОВ». Я сел в экспресс, который через два десятка минут отвалил в сторону Петербурга, и углубился в чтение...

Часть I

[Виртуальная дуэль]

1 [Чтение постепенно превратилось]

...И воздвигнуты стены не семью ль мудрецами?..
«Эпос о Гильгамеше»

– Суета сует... – Страпарол отложил тетрадь. Выключил лампу в проволочном лагерном абажуре. Желтый переплет мрачно блеснул в луче яркого лунного света, пробившегося в разверстую щель стены. Экклесиаст прав – «...идёт ветер к югу и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своём – и возвращается ветер на круги свои...».

Он регулярно, день за днём, прочитывал несколько страниц, наблюдая за тем, как образы текста, образ за образом, растворяются в его сознании, сливаясь и разделяясь, подобно бездушной материи вселенной. Ему смутно хотелось, прочтя, уничтожить прочтенные страницы. Чтобы нельзя было вернуться, перечитать заново, изменить поток образов. Или, еще лучше, сочинить все заново, наподобие плохого перевода. Плохого, зато примитивного и беспощадно ясного.

Чтение постепенно превратилось в странную обязанность, которую неизвестно кто взвалил на него. В какой-то глубине под самым мозжечком шевельнулось: а не сам ли он этот законодатель и одновременно исполнитель закона своего?..

Он посмотрел сам на себя и переместил сознание в другую точку пространства, смутно неудовлетворённый увиденным. Скорчился, сжался в глубине сужающейся серой спирали, но вновь неотвратно оказался в своём собственном о себе рассказе.

Лето, тепло и славно. Воздух, наполненный музыкой насекомых бликов, медленно обтекает руки и поднимается к лицу. Но откуда может взяться снег 13 июля? Нет! Это, конечно бабочки. Снег бабочек, из которых маэстро Феллини слепил свой фантастический снежный городок, в самом центре которого развешается кумачовое полотнище сентиментальной невесты карабинера, мечтающей об американском ковбое...

«Как славно наблюдать за течением мысли, когда взгляд бежит по строчкам, а нечто трогательное, страшное и трепетное блуждает в таких заоблачных высях, которые и во сне не приснятся!

Всё суета. Что пользы этому Адаму от его безумной миссии? Совершают эти люди свои обряды или нет, истязают плоть свою грехом или благочестием, но земля неизменно вращается вокруг солнца, каждой весной зацветает боярышник в саду. Вряд ли это поможет кого-нибудь спасти или наставить на путь истинный... Не лучше ли сразу избавить от страданий. Одним простым движением...».

«Дух грезит в людях...» – кто это сказал, и зачем это было сказано? Но точно, это было сказано о творчестве... А люди... приходят они в это селение или в другое, встречаются или расстаются, радуются или горюют... их чувства никак не влияют на устрашающее постоянство природных циклов, да и самой природы, которая что как не страх, бесконечный, беспредельный страх разума перед непреодолимостью познания...

Он поднял глаза и, выпав из ночи, на мгновение ослеп от сияния кипени белых кружев, столь соблазнительно и очаровательно просвечивающих и смутно

открывающих невысокое рассветное солнце и ветку расцветающего махрового мордовского боярышника, подобного невинному юноше, краснеющему под пристальным взором нашей двусмысленной северной фивиады.

– Это ты?

Прозвенели осколками фарфора её злые смешинки. Тёмный поворот и вихрь пустоты на месте Борисова-Мусатова. – «Это сон. Это печаль. Она, чёрт её подери, не вернется!».

Ночная тьма вновь окружила его, возвратив реальности и безжалостному зрению. Но свет, яркий солнечный свет его мечтательного сознания не хотел уступать своего незаконного места...

– В ярко-голубом кафтане, в сияющем сединой парике я склоняюсь перед тобой, милый образ моего очарования.

– Вот ты сидишь, сложив на коленях руки с букетом таких же голубоватых астр, как те... Ах, эта осень!..

– Я и ты? Или это Бастьен Лепарж подает свой последний умирающий букет смертельно больной Марии Башкирцевой? Мадемовазель Мари! Мария! Машенька! Маша...

Она ползла к нему на коленях, протягивая руки, умоляя:

– Пощадите! Прошу вас, пожалуйста, хотя бы не его, меня...

Тетрадь соскользнула с колен и с мертвенным стуком раскрылась трепету ночного ветра, полного голубизны и печали, насквозь продувавшему его прекрасное полуразрушенное жилье.

«Вот взять этот ветер, – продолжал свои размышления Страпарол. – Кружит, уносит потоки воспоминаний моей и не моей жизни, рождения, смерти и тлетворного пути созревания и увядания, какого-то южного моря, густого тумана смерти, скрывающего неуловимую и поэтому неохватно громоздкую мечту и корабль дураков, нет, тысячи, миллионы, миллиарды таких кораблей, страшящихся шторма, но всё же устремлённых в него, в пучину всемирной чёрной дыры, засасывающей нашу преступную вселенную...».

Мысль его преодолела обломки стёкол веранды, пронеслась над ночным, задыхающимся от аромата садом и развернула свои ночные крылья над великой рекой. Понеслась к его любимому югу и снова к северу, к истоку, к первому толчку встретившихся светящихся, как оспой изрешеченных стен. Возвратилась назад, к дому, и повисла над крутым обрывом холма. Через пробегание темнот в свете одинокого ритмично покачивающегося фонарного блюда была видна каменная плита и на ней фигура лежащего на спине мальчика.

– Он будто грезит в полусне! Это дух в нем грезит!

– Но был ли мальчик? – подумал Страпарол... или это кто-то полушёпотом через кусты и останки веранды... а может быть, закричал громко по-мужички:

– Был ли мальчик?!

Прозрачный двойник его мысли вышел из тела и лёг на каменную плиту, светясь неуловимым, но явственным сиянием. С одной стороны, он здесь, в кресле на веранде, но это только часть его, и, может быть, не самая значительная часть, а другая, трепетная и неуловимая, пытается совместить свою форму с каменным холодным изваянием. Как у него холодно внутри... и ничего... только тьма, глубокая первобытная тьма всепоглощающей медитации...

Но мальчик... а что, если он также думает обо мне. Лежит на своей холодной каменной плите и какой-то частью души пытается переместиться в моё, такое чуждое ему тело со всей его слизью, сосудами, хлябкими тканями и ещё не обглоданными могилой костями. При этой мысли стало как-то не по себе. Как будто кто-то непостижимый и странный, возможно, враждебный, не сводит с него своих сливающихся с ночью глаз.

Страпарол с трудом высвободил из из трехногого, подобранного на свалке кресла затекшее от неудобной позы тело. Подобрал с пола тетрадь, дырявую скатерть, свидетельницу безумных застолий, мгновенно став похожим, не то на гетайра, не то на некое ритуальное изваяние, предмет верований неисчислимых поколений, грубо вырванное из немого фильма Чарли Чаплина.

Ему было не больше тридцати пяти лет, но все почему-то считали его стариком.

В контрастном свете луны голова его шаржировала череп вождя апачей Херонимо, который прославился среди аборигенов своими способностями Великого Шамана. Тем не менее, некая мистическая сила подобно тёмному сиянию распространилась вокруг Страпарола.

Бесшумной тяжёлой походкой он сравнял свой силуэт с внутренней тьмой, погрузился в дурманивший запах её тела, полевых цветов в поллитровой банке, наполовину освещённой косым срезом лунного серебра.

– Не начавшийся день пролетел, как одно мгновение... даже вспомнить невозможно, что было между рассветом и закатом солнца... но тьма, тьма длится вечно...

Страпарол, наконец, переступил порог спальни.

Она спала на спине, запрокинув сладострастно голову, напоминая Лилит из знаменитого стихотворения Набокова в момент наслаждения и предвкушения измены.

«Не насытится мое око зрением», – всплыло откуда-то из тайной глубины сознания. Он сел на полу рядом и положил ей руку на живот. Прохладная ткань кожи, бледная, бледная... «Она лежала на спине, нагие раздвоивши груди...». Сам ли он смотрел на неё, или это каменный мальчик, проникший в его сознание?

Рука на животе начала светиться и отяжелела, стала похожей на раскаленный камень, о котором он когда-то давно читал в древней ирландской надписи на камне. Мальчик на платформе, освещенный воображением Страпарола, пошевелился, и Страпаролу показалось, что в голове его в который уже раз настойчиво мелькнуло: «Надо найти его... он пойдет со мной... должен пойти...».

Всякий раз во время погружения в чтение, когда снился или существовал ветер, существовал этот дом и сад, эта река, и этот ветер... и это желание... и она... и обещание... неисполнимое обещание, когда надо преодолеть... перейти... просто подать руку... руку...

Рука на белом мраморном бархате живота вновь стала мягкой и живой.

Страпарол лёг рядом и закрыл глаза. Но, вместо мальчика, в сознании его засияло берлинской лазурью небо, с огромными кучевыми облаками, и величественный храм на вершине холма с прилепившимися к нему со всех сторон лачугами.

По песчаной тропе, удаляясь от Страпарола, но приближаясь к храму, священник в сутане с бритым теменем и широкой, шире дороги, спиной, вёл, а точнее тащил за собой за руку, упирающуюся босоногую женщину.

Женщина казалось, то еле перебирала ногами, чтобы удержаться на них, то выделывала коленца замысловатого танца.

– Анна! Анна! – закричал Страпарол в необъяснимом всеохватывающем ужасе. – Анна!

«Почему Анна? Её звали иначе... но как... как?..

От собственного крика он проснулся... в лунном сиянии рядом с ним... она! Лицо её, неправильное, но прекрасное, наполненное несравненной мягкостью и неуловимостью жизни, вместе с тем казалось неподвижным, как у изваяния.

Но и это был сон, сладкий сон, от которого не хотелось проснуться.

Когда Страпаролом овладевала во сне страсть, прихотливые тропы видений стекались к этой дороге, и пробуждение не сулило ничего, кроме ветра, этого дома и сада, этой реки и неисполненного обещания... и другого сна, похожего скорее на забытье...

Звон насекомых обрёл ясный рисунок линий, долгих, как тонкие карандашные штрихи её длинных сухих волос на белизне подушки, исчерченной иероглифами теней..

«Это как нота ля, которая сквозит во всех голосах природы...».

– Кто так сказал и не обо мне ли?

«Будь проклята похоть! Будь проклято наслаждение! Если мудро только то дитя, которое знает своего родителя... Да и был ли мальчик-то? Кто это сказал? Нераскаявшийся грешник? Или святой? И с кем вернулся старец с горы Мориа? Разве существование народа является подтверждением источника? В любом случае он не убийца...».

Страпарол отполз в тёмный угол, под нависающую тушу обшарпанного комода, потянул на себя ящик и сунул руку в скомканное белье.

Холодная сталь была на месте. Он крепко зажал её в ладони, или это тот, каменный, свёл судорогой бестрепетного камня теперь уже негнувшиеся пальцы.

Бесшумно он выполз наружу. В саду за верандой был полный штиль. Бесновавшийся весь день ветер куда-то спрятался, утомившись от беспамятства.

«Вот и я так же, и некому сказать, некому пожаловаться...». Как обычно при этой мысли, он почувствовал пронзительный холод бессилия.

Он с трудом выпрямился и огляделся по сторонам. Дорожка поблескивала перламутровой кочковатой чешуёй бликов, убегала во тьму ветвей. Тело Страпарола напряглось. Вдали звучала еле слышная музыка. Или ему только так казалось.

«Интересно, слышат ли изваяния музыку?».

Он резко повернулся и пошёл на звук.

Звук постепенно усиливался, прояснялся. Страпаролу казалось, что он был, есть и будет до скончания мира, этот звук или голос, путеводная нить, выплетенная из лунной кудели.

«Это как нота «ля», которая сквозит во всех голосах природы...» – кто же всё-таки так точно это сказал? Впрочем, какая разница...

Всё это ему только кажется, никогда раньше он не слышал этого чарующего звука; возможно, его не слышал никто. И не услышит. А если услышит, то забудет. Как и он забыл... Ещё один шаг, и станет ясно, где и когда это было...

Звук усиливался и заставлял Страпарола быстрее шагать по ночной, залитой лунным светом тропе.

Вот, наконец, и калитка. «Лишь только вечер затеплится синий...». За ней простор, могучая гладкая выпясть реки. Самоубийственный утёс и шелест прибрежной травы возле омета. Царевна-ива на берегу, и он сам в обнимку с этой ивой-царевной, царь немыслимо древнего племени...

— Ива, разве это не женская ипостась имени Иван, как Ольга и Олег, как Машенька и Медведь, как Воля и Волк?.. Медведь, убийца, отказавшийся от убийства в пользу стагнации, старения и смерти.

Страпарол мысленно усмехнулся собственной аполитичной алогичности и зашагал ещё быстрее. Вот он уже почти бежит...

По сторонам мелькали чёрные руны ветвей. Они же восстали против Рима, эти руны... Они восстали, и пал Рим. Но после... после... им уже ничего не оставалось, как поклоняться павшему, искать остатки его праха на пыльных дорогах войны...

Страпарол сунул руку в карман. Стальная рукоять по-дружески вошла в ладонь.

«Я знаю всё, — лихорадочно пронзила его привычно-опасная мысль, — или нет?.. сомнение — это судьба, но нет путеводной звезды, чтобы ей следовать... следует ли следовать собственной мудрости, или мудрость назвать безумием... не испытать ли искушение, какое и не снилось ни одному естествоиспытателю... или предоставить инстинкту, обонянию зверя, вести меня тропой неизбежности?.. в какой лаборатории, в каких ретортах созревают решения — горькие семена судьбы... и для чего?.. чтобы постичь всё под этим небом и некому было открыться?.. не с кем соприкоснуться любовью своей?.. и даже познав это в последнем порыве страсти, так и не суметь остановить поток своей пытливости?.. дать всему имена и утратить дар понимания... не мудрено, что я собственных слов понять не в силах... этих сладостных звуков... этого божественного бульканья... не сам ли Господь сказал Адаму, чтобы он не вкушал с древа того... но мог ли Адам понять Господа?.. Адам — маленький мальчик человеческой истории... Или Адам сам с собой разговаривал, как я теперь?.. И что это за древо? Родовое древо, партия, государство?..».

Ива-царевна стояла, горько опутив свои косы в набегавшие волчки ночного потока, как будто устав слушать покаянные мысли Страпарола.

«Где же братец твой? — подумал Страпарол, поглаживая гладкий прохладный ствол. — Проклятый братец твой... красавец... герой-любовник...».

Из самого центра вращающейся тьмы на него поплыла страшная маска его врага. Тёмная вода закручивалась волчком, и казалось, что возвращается к неподвижно покачивающимся растениям, к одинокой ярко-жёлтой кувшинке, без которой, как теперь пришло в голову Страпаролу, не мог уже обойтись этот банальный сюжет...

Нечто стремилось и мучительно не могло соединиться в сознании Страпарола.

«Маша! Маша! Её зовут Мария, совсем не Алёнушка, не Анна! Так почему же, как только он оказывается возле этого омута, возле этой ивы, возле водоворотов ночного потока, стоит заглянуться на тёмное бурление воды, как в сознании возникает разорванная иллюстрация из детской сказки, на которой не хватает того самого деревенского дурачка, подпаса, перепоясанного простой пеньковой веревкой, в лаптях, с пшеничной копной волос до бровей?...».

Страпарол попытался сосредоточиться на этом образе, но закружилась голова, в глазах потемнело; чтобы не упасть, он ухватился рукой за ветку, рука моментально окаменела, утёс на противоположном берегу превратился в средневековый замок, и прямо на него поскакал с копьём наперевес закованный в доспехи рыцарь.

– Где братец твой? – дико заорал рыцарь, приставив копьё к горлу Страпарола. – Проклятый братец твой... красавчик... герой... любовник?..

Рыцарь поднял забрало, и Страпарол вновь увидел маску своего врага. Чувство мести любовной жаждой вскипело в груди Страпарола: наконец, жизнь давнего врага была в его руках.

Порыв ветра едва не сбил Страпарола с ног, ветка, за которую он зацепился, спружинила, Страпарол прицелился прямо в лоб рыцарю и уже почти нажал спусковой крючок готового к своей смертельной работе пистолета, но в сознании его мелькнула детективная сцена, в которой в центре лба рыцаря образуется чёрная аккуратная дырочка, а из затылка фонтанчиком прыскает кровь. Он отвёл глаза и, не в состоянии остановить движение указательного пальца на собачке, выстрелил в сторону, в просторно раскинувшийся перед ним ландшафт, чем-то напоминающий виды Швеции...

Газовое мгновенное сияние выстрела безболезненно прошло сквозь листву. Щелчок был не громче вскрика на другом берегу. Он выронил пистолет, который глухо спружинил, отскочил от мшистой кочки и тяжело плюхнул в воду. Временно вернулась напряжённая тишина и раскололась на другом берегу криками, метанием огней в кустах.

«Ну вот, теперь он по праву окажется на отведенном ему месте... Зло сменяет добро, добро сменяет зло. Всё суeta и томление духа...», – думал Страпарол, карабкаясь по обрыву на прибрежный утёс, туда, к каменной плите, к мальчику, спокойно раскинувшему во сне каменные руки под трепещущим мотыльками воздухом в неверном свете фонаря, дрожащего от вновь неведомой откуда взявшегося ветра...

Сверху было видно ровную дугу излучины справа от него и низкий противоположный берег. Крики и суeta на том берегу усилились.

«Возможно, там кто-то умер, – подумал он. – Если кого-то теперь нет, его нельзя считать живым...».

Сердце его при этой мысли запрыгало в груди.

«Нет знания выше смерти. Я постиг её ещё до того, как познал её мудрость!» – банальности успокаивали. Ужасная маска врага, исчезая, неторопливо сливалась с окружающей природой.

Но я вернулся. Я предал мудрость мою, предал сердце моё, предал Иву – царевну вод и Себя – царя народа забытого. И всё моё преступление – это всего лишь томление духа моего... и брата моего умершего... скатившегося по горному

склону... упавшего в чёрную предрассветную воду... раскинувшись крестом, ещё не познавшим константиновой благости... и после на простой мужицкой телеге... крест тела его... распятие жизни бренной...

Он почувствовал, как его оторвали от земли и поволокли по росной ночной траве. В кустах на противоположном берегу мелькнуло белое платье, как будто невеста вышла на лунную поляну и вновь скрылась за тёмной калиткой в кустах.

– Это он стрелял, отморозок!

Что-то тяжёлое, тяжелее ночного мрака, опустилось на голову Страпарола, и пропали различия звуков, образов и ощущений...

Но тонко и жалобно звенело нескончаемое «ля»...

2 [Гигантская змея совершила]

– Вот это и есть главная стерва!.. Ещё и пяти минут не прошло, а она уже прёт на публику всей грудью!

Г.Фаллада, «Что же дальше, маленький человек?»

Гигантская змея совершила очередной поворот внутри обозначенного горящими свечами спирального коридора и распалась. У Адама в сознании почему-то всплыл японский иероглиф ¥¥ и обрывок «Ста стихотворений ста поэтов» Фудзивара-но Тэйка. Её тонко нарисованное, абсолютно неподвижное лицо и безошибочная прелестная рука, выкладывающая только правильные половинки стихотворений при игре в «ута-гарута» в новогоднюю японскую ночь...

Между тем оставлявшие символическую змею люди в пёстрых костюмах развернулись и поклонились на все четыре стороны несколько раз, с каждым разом всё ниже. Голова змеи – четыре женщины в коротких хитонах: зелёном, лиловом, оранжевом и чёрном – вышли в центр спирали и подняли над головами обнажённые клинки, тяжёлые на вид, длинные и сверкающие. Одна из них начала с подъёмом произносить что-то, остальные вторили окончаниям фраз. Что именно они говорили, расслышать было невозможно, так как всё перекрывалось невнятным, но довольно громким бормотаньем, исходящим от толпы непосвящённых, окружавших сделанный из свечей лабиринт-спираль, внутри которого происходило главное действие.

Адам попытался протиснуться сквозь чащу тел, натываясь на расставленные локти, упрямо вздыбленные спины, и остановился. Поскольку ближе всё равно не подпускали, он прекратил бесплодные попытки рассмотреть в сгущавшейся темноте происходящее и расслышать произносимые заклинания. В конце концов, он здесь не ради этого. По крайней мере, не только ради этого.

Хотя подслушать его мысли как будто не мог никто (во всяком случае, в этот момент), он непроизвольно оглянулся. Сухощавый старик с закрытым чёрной повязкой глазом смотрел на него в упор. Адам невольно отвел глаза. Во взгляде незнакомца читалось что-то неясное и угрожающее. Именно в этот момент наступила полнейшая тишина, так, что барабанные перепонки готовы были взорваться от бесплодного поиска внезапно исчезнувших звуков. Прямо над головой Адама над толпой в колеблющейся тьме закричала птица, металлическим неживым голосом. Что-то произошло – замелькали лунные блики, лица людей замещались мордами животных и мгновенно возвращались к своему почти первоначальному виду. Красный туман медленно расползлся под ногами.

Ради чего он, собственно, здесь?

Адам чувствовал, что ещё немного – и он потеряет сознание. Чтобы не упасть, он ухватил за плечо рядом стоящего человека... Как ни удивительно, несмотря на испуг и панику в предчувствии припадка, мысли продолжали течь своим ясным... кажется, чересчур ясным порядком.

Официально – он журналист, которому повезло быть допущенным на тайный ритуал неоязычников...

Это подумал он сам или зловещим шепотом прошептал старик, который теперь уже стоял за спиной Адама почти вплотную? Адам снова с тревогой оглянулся. За спиной у него стоял невысокий длинноволосый мужчина средних

лет, чем-то напоминающий индейца. Он пил колу из банки и не смотрел на Адама. Кадык мужчины, когда он делал крупные глотки, ритмично ходил вверх и вниз, как спуско-подъемный механизм.

Адам поискал глазами в толпе. Старика нигде не было... Тошнило... Кружилась голова... Красный туман уже поднимался до пояса, распространяя мерзкую вонь горячей свалки.

Померещилось?

Исчезнув, зловещий старик почему-то не желал уходить из сознания...

— Извините... Извините... Мне плохо... — тусклым, еле слышным голосом пробормотал Адам, избегая смотреть на соседа, в плечо которого он впился всей пятерней...

— Что... что... что-о-о-о-с-ва-ми... свами?

Слова разбегались в звуки, лепились друг к другу так, как будто он был в пустой металлической цистерне, и кто-то... возможно, владелец спасительного плеча... кричал... кричал... кричал...

Но в то же время кто-то другой в его сознании хладнокровно и презрительно повторял, стараясь, чтобы голос его был не слышен окружающим и особенно тому, кричащему, вопиющему, вопрошающему:

«Да, повезло. Повезло, ты понял? И если повезёт ещё больше, возьмешь интервью у кого-нибудь из жрецов...».

Но все это не более чем крыша.

«Нет, не крыша, а... ксива, записочка такая, из железного цилиндра в другой, такой же металлический... Слышишь, ксива!...».

В действительности же он ведёт расследование. Своё собственное расследование. Он ни на кого не работает, вот так!

Адам закричал, но не слышал своего голоса, только стенки цистерны металлически бубнили:

— Что... что... что... что-о-о-о-с-вами... свами... ами?..

«Ты что, и вправду думаешь, что ведёшь расследование? Расскажи это своей чёртовой бабушке...».

Да! Да, ни на кого! Если его разоблачат, он с чистой совестью скажет всем, народу и трибуналу, именно это, и никто из них: ни одна ведьма, ни один друид — не сможет опровергнуть это заявление.

«Ты не в курсе, парень, — с насмешкой возражал голос, какой-то теперь кафельный и банный, мягкий, не настойчивый, даже как будто женский, — их средства, знаешь ли, сильнее любого детектора лжи или наркотика правды. Что называется, у них и не такие начинали говорить...».

Но ему-то и в самом деле не в чем более признаваться. Пока, во всяком случае. Расследование не касается ничьих интересов, кроме его собственных.

Беда в том, что сам он в этом не был так уж совершенно уверен, и, следовательно, как только они вскроют его сознание, тут же эту неуверенность отложат.

«Да уж будь уверен! Расскажешь и то, что знаешь, и то, чего не...» — издевался голос, теперь напоминавший Адаму смесь крика павлина и бляения козы.

– Нет... – вновь не слыша собственного голоса, закричал Адам... – Вы от меня ничего не добьётесь... Я ничего не знаю. Это личное дело...

«А сам-то ты в этом уверен? Вот вскроем тебе череп, и сразу будет видно...».

Адаму показалось, что огромная тёмная тень наклонилась над ним, и в руке сверкнул скальпель. Колени подгибались, розовый туман клубился уже у подбородка.

В этот момент кто-то больно ткнул локтем в спину. Адам через силу обернулся. Молодой парень с круглым лунообразным лицом тупо и одновременно пронизательно смотрел ему прямо в глаза. Маленькая папиллома на верхнем веке мелко вздрагивала.

– Извините...

Парень запустил руку в нагрудный оттопыривающийся карман кожаной куртки, и Адаму вновь стало страшно. Он отвернулся, ожидая беспричинного удара по голове или в спину, под лопатку. Всплыло хокку Саеки: «Прости! Когда-нибудь/ и мне снесут голову,/ как я – тебе...».

– Ему, как и мне сейчас, было страшно...

Ничего не происходило.

Взгляд Адама, не повинуюсь хозяину, запрокидывался за спину к круглоликому парню, и теперь казалось, что тот запустил руку под ремень кожаных брюк, и что-то пульсирующее, скользкое, всплывающее из тайной глубины не то детства, не то инобытия... папиллома... слюна в углу толстых выпяченных губ, наглый обесмысленный взгляд теперь выпученных глаз, устремленных в опасную глубину мысли, которую невозможно скрыть...

Тем временем в центре спирали события сменяли друг друга. Вновь у Адама в сознании мелькнул иероглиф ¥ и раннее утро с ней на огромном камне у подножья поросшей мелколесьем горы, скрывающей слепящий диск восходящего солнца. Роса на камне, на широком атласном рукаве её платья, на окружающей камень траве, на листьях отдалённых деревьев. Сияющее темно-синее небо кажется усеянным жемчужными блестками росы. Каждая капля до краев наполнена тишиной, бездонной тишиной, которая случается только на рассвете. И он уже не видит женщину, он видит самого себя, падает в пропасть инобытия, туда, где не нужны слова, где влекуще и смутно сияет темным пламенем лампада юген, таинственное пламя поэзии. И тьма...

Воспалённое ожиданием чего-то страшного воображение перепрыгивало с предмета на предмет, постоянно крутясь вокруг мысли о возможном разоблачении. Чувство реальности не возвращалось, и Адам не понимал, действительна ли смена событий, или это его сознание показывает ему как бы фильм ужасов, особенно изощренный тем, что ничего страшного, собственно, не происходит, но в этом-то и состоит самое страшное. Сам ритуал, идущий со скоростью, превышающей человеческие возможности, таит в себе ужас поглощения... события в центре спирали стремительно сменяют друг друга... и всё рассеивалось: окружающий туман и тьма, глухо бьёт в барабан тяжелой кистью небо... птичий крик... К разноцветным жрицам медленно приближается высокое существо в мехах, с головой, скрытой рогатым шлемом-маской. Оно, спиной к Адаму, то

приближается, то удаляется, как будто кто-то играет трансфокатором... Да, оно повернуто спиной, и невозможно рассмотреть морду...

Бьёт барабан... Адам корчится от подступающей к горлу дурноты... С каждым ударом нарастает чувство опасности... Как будто сон... кошмар... и это плечо в судорожно сжатой ладони, пытающееся вырваться... И этот рогатый...

«Он-то тебе и нужен...»

«Ну, не иначе это Самаэль собственной персоной!» – предательски шепчут Адамовы губы, иронизируя над собственным страхом, и Адам чуть не валится, потеряв равновесие... плечо соседа выскальзывает из его пальцев, и чья-то рука хватается за плечо его самого... Всего на миг Адаму кажется, что это рука старика из толпы. Рука!.. как будто покрыта густой рыжей шерстью...

Адам осторожно скосил глаза. Руки на плече не было. За ним стояли двое незнакомых мужчин и негромко переговаривались. Несмотря на их приглушённые голоса, Адаму было так ясно слышно, так как будто между ними существовал невидимый звукопроводящий коридор. Плотный рыжеволосый мужчина говорил, сохраняя на лице подобие презрительной усмешки, второй с узким как лезвие ножа лицом, украшенным длинными бороздами глубоких продольных морщин, казалось, удерживает рыдания, но голос его при этом был сухим и холодным, как последний февральский мороз в этой полунощной стране.

– А, коллега! Категорически Вас приветствую.

– Добрый, если так можно выразиться, денек, коллега.

– Хоронят?

– Как видите.

– Похоже, последний простат дал дуба.

– Какой там простат! Мы их давно перестреляли, как бешеных собак. Что касается последнего, так его прикончили на бегу, когда он спешил предупредить старца Гермогена о том, что его собираются ликвидировать. А самого старца шлёпнули минут через десять-пятнадцать прямо на ступенях храма. Да что я Вам рассказываю, Вы все это и без меня отлично знаете.

– Хм... теперь у нас ни простатов, ни старцев, одни заводные муляжи и манекены, биороботы служителей культа и представителей общественных институтов... или, хуже того, цахесы с тремя золотыми волосинками на гладко выбритых лысынах.

– Но, согласитесь, квалифицировать его как простата было с вашей стороны чрезмерной натяжкой.

Узколицый изобразил на своем плачущем лице далёкую родственницу усмешки:

– Не стану спорить, но и думать о нем, как о простом метэке, дорвавшемся до кормушки, не так уж справедливо.

Рыжеволосый поправил галстук и высокомерным движением пригладил воздух над коком с двумя проборами по сторонам, парадоксальным образом напоминавшем стилига и членов политбюро одновременно. Узколицый подозрительно скосил глаза на его неприличные манипуляции:

– Извините, но Вам явно не достаёт комсомольских активистов начала шестидесятых с их уличными ножницами. Они бы Вас выровняли под одну гребёнку.

- Лучше и не поминайте всуе, а то явятся, как чёрт из табакерки.
- Самое место помянуть нечистого. Наша социальная система хотя и отличается от афинской пятого века до новой эры отсутствием простатов и, так сказать, поголовной метэкизацией, но всё же не препятствует проникновению альбигойских ересей и явлению самого Барона во время таких, напоминающих чёрную мессу ритуалов.
- Вижу, коллега, что Вы подковались, прежде чем пришли на предварительный вынос тела.
- А как Вы думаете? В минуту всеобщей скорби разум не должен блуждать в туманных закоулках воображения.
- Рыжеволосый снова неопределённо хмыкнул в ответ и вторично поправил воздух над поблескивающим антикварным бриолином коком:
- Хотелось бы знать, что с ним случилось, я имею в виду, как его...
- Он осёкся, увидев предостерегающий взгляд сведённых у переносицы глаз узколищего, и понизил голос, обретший заговорщицкие обертоны.
- Адаму казалось, что, беседуя, они как-то выразительно поглядывают на него, что всё, что они говорят, каким-то образом относится и к нему. От этого слабость только усиливалась. Но одновременно он изо всех сил напряг слух, пытаясь уловить каждое слово странной беседы.
- Это и меня интересует. Экспертиза показала, что ему всадили две пули одна в одну прямёхонько в сердце.
- Такого не припомнят и архивисты Скотланд-Ярда...
- Если порыться в литературе, то и не такое можно найти, – философски заметил узколицый.
- А я вот слышал, что его уже мёртвого сняли с полумёртвой от страха девки, – рыжеволосый цинично осклабился, – славный конец, всем бы так...
- Чур меня! Это их повариха. Её недавно приняли на работу. А он, как известно, насиловал всё, что поблизости шевелится. Не знаю, что с ней будет, но дело, разумеется, замнут.
- Кого-нибудь подозревают?
- Есть один подозреваемый, но он исчез... Смотрите, выносят!
- Адам поискал глазами и увидел, как в глубине расступившейся толпы старухи в чёрном, по двенадцать с каждой стороны, несут гроб, заваленный венками и цветами. За гробом обнажённые молодые женщины с окрашенными чёрной краской грудями, в две шеренги также по двенадцать с каждой стороны несут подушки с орденами. За ними движется колонна низкорослых плотного сложения мужчин в чёрных мешковатых костюмах. Толпа, раздвигаясь как по команде, пропускает процессию и, сразу по её прохождению, смыкается.
- Не хватает оркестра, – заметил узколицый, запрокинув голову и как бы принохиваясь.
- Оркестр будет завтра. Это всего лишь репетиция.
- Где будут упокоивать?
- Как обычно, в стене...
- Скоро там уже места не будет.
- Не беда, построят пятое кольцо...

Адаму снова показалось, что на плечо ему легла поросшая густой рыжей шерстью рука.

«Рука!..» – холодок сумасшествия пробежал у него по спине.

Резко обернувшись и балансируя, как будто на скользком льду, едва удержавшись, чтобы не упасть, и пытаясь сгруппироваться, чтобы при падении откатиться в сторону, он оказался носом к носу с девушкой, очень коротко стриженной и одетой так же, как четыре жрицы, с той лишь разницей, что её хитон был белого цвета. Руки у нее были нормальные. В левой она держала что-то, напоминающее лунный камень.

«Какая редкость!» – мелькнуло и исчезло в сознании Адама вместе с полузабытыми геологическими познаниями.

Её первых слов он не расслышал и переспросил:

– Что?

Она улыбнулась и повторила громче:

– Вы мне чуть ключицу не сломали...

Туман вокруг рассеялся, и мир вокруг обрёл свои обычные очертания предсказуемости. Адам бросил взгляд в толпу: никакого следа похоронной процессии в ней не было.

– Извините... Мне... У меня голова закружилась...

Он не мог оторвать глаз от гипнотического сияния камня.

– Могу я чем-то помочь? – девушка приподняла бровь, но лицо её осталось неподвижным. Эта разбалансировка мимики напоминала Адаму ожившую маску, которую он видел... или это ему приснилось, что он видел... в Японии, на берегу океана... Странствующий мим и прикрывшая веером красиво раскрашенное лицо гейша возле киоска, за которым уходила вверх отвесная скала с единственным деревом на вершине. Девушка напоминала Адаму одновременно мима и гейшу, странное существо с непривычными для европейца движениями угловатой плавности. Снова слегка закружилась голова, как тогда, когда он оторвав взгляд от мима, посмотрел на дерево на вершине, которое именно в этот момент со скрежетом накренилось, посыпались комья грунта, и оно стало падать прямо на гейшу, прикрывающуюся веером...

– Нравится?

Девушка бросила взгляд на толпу, продолжавшую свои метаморфозы, на камень в руке и прямо в глаза Адаму, пытаясь расшифровать его взгляд, прикованный к камню.

Он пожал плечами:

– Вы про камень или про ритуал?

– Про ритуал, конечно... А камень... это всего лишь фаль...

– Фаль? – не веря своим ушам, переспросил Адам.

– Ну да, фаль... – девушка снова улыбнулась, чудесным образом сохраняя остальную мимику на лице в полной неподвижности.

И тут он сообразил, что она говорит по-русски. Хотя и с необычным мягким акцентом. С другой стороны, почему бы ей и не говорить по-русски... Но откуда она знает, что...

– Меня зовут Нинлиль, – сообщила она.

Естественно, это её здешний псевдоним, понял он и назвал своё настоящее имя, не видя причин скрывать его и вообще придерживаясь принципа: если не знаешь, что сказать, говори правду.

– Поляк? – полуутвердительно спросила Нинлиль.

– Литовец, – поправил он и, подумав секунды три, уточнил:

– Хотя, пожалуй, скорее белорус... то есть вообще-то еврей.

– О-о! – оживилась она. – Что делает мальчик из приличной еврейской семьи в таком месте, как это?!

Он вежливо улыбнулся старой шутке и выразил сожаление, что главный ритуал так плохо виден и слышен.

– Да это же вовсе не главный ритуал! – пренебрежительно махнула рукой девушка. – Точнее, это главный для непосвящённых, – она кивнула в сторону толпы, окружавшей составленный из свечей лабиринт-спираль. – А настоящий главный ритуал – завтра, рано утром, когда большинство гостей, наблюдателей вроде Вас и рядовых участников разъедется, и останется только элита.

– И Вы, надо полагать, принадлежите к элите?

– Пока нет. С завтрашнего утра буду.

В центре спирали из трепещущих язычков пламени образовался круг, внутри которого оказались загадочное рогатое существо и полуобнажённая белая женщина с чёрной грудью. Все замолчали, и в напряжённой тишине послышалось не то завывание, не то пение дуэтом черногрудой женщины и Рогатого. Это прозвище, как ярлык, приклеилось в уме Адама к носителю мохнатого шлема.

– Жрица Млечного Пути...

Адаму показалось, что Нинлиль в полутьме сверкнула зубами то ли в усмешке, то ли с агрессией.

– Вы о ней? – Адам кивнул в сторону черногрудой жрицы.

Нинлиль не ответила. Её лицо стало непроницаемым.

Тем временем живая змея из людей в спирали-лабиринте стала активно подтягивать диалогу жрицы и рогатого. Слов по-прежнему было не разобрать, но эмоциональность происходящего нарастала на глазах.

– Это, – Нинлиль кивнула в их сторону, – ...ну... как бы настройка. Если угодно, репетиция. А вот завтра утром – главная мистерия.

– Вот как? На этом же самом месте?

– Не совсем. Можно сказать, что это будет в концертном зале.

У Адама брови поползли вверх:

– В концертном зале? И что, при публике?

– Возможно. Только вряд ли публика будет подозревать о смысле происходящего.

– Вот эта черногрудая и Рога... – Адам поперхнулся и с трудом припомнил подходящее к случаю слово. – И этот церемониймейстер в рогатом шлеме?

– Ага, – совершенно по-детски отозвалась Нинлиль. – Вечная мистерия о великом шамане и поэте...

«Кто здесь шаман, а кто поэт?» – подумал Адам, наблюдая за страстными движениями черногрудой, которая теперь двигалась, как будто исполняя танец... прикасаясь черной грудью к абсолютно неподвижному рогатому существу.

«Разве тебе не известно, что великий Гомер был женщиной?» – кто-то внутри адамовой головы выдвинул настолько же убедительное, насколько и нелепое возражение.

– ...Вечная мистерия о шамане и великом поэте... если для вас так понятнее... – тем же голосом и той же интонацией, что и внутренний голос в голове Адама, добавила Нинлиль. Казалось, она читает мысли, и пока Адам растерянно смотрел на неё, дополнила свой перифраз:

– ...чьё имя неназывается. Его знают под многими именами, но настоящее не ведомо никому. Он сам себя принёс в жертву и стал...

– Богом?

Адама преследовало чувство, что внутри него кто-то заставляет задавать бессмысленные вопросы.

Он откровенно любовался девушкой, и по странной ассоциации в его сознании всплыл холодный дождливый октябрьский вечер. Он мокрый и грязный, как Паганини, идёт горбатой улицей венгерского поселка. За поворотом открывается поражающее своей аккуратной красотой кладбище. В промозглом воздухе как будто звучит нескончаемое «ля» и мерещится то ли дева в кисейном подвенечном платье, то ли черемуха в противоестественном осеннем цвете. Адам взглянул на выступающий из-за зарослей бузины памятник, и ему показалась, что маска на гробовом камне шевельнулась... всего чуть-чуть... и с ветки бузины упала небольшая зеленая змейка... закатный луч осветил портрет на тёмно-сером граните...

– Маска? Японская маска на венгерском гробовом камне?.. Серпентина?..

Вновь стало холодно и тоскливо.

– Что Вы сказали? Серпентина? Какое-то полуварварское, совсем не манихейское имя... надеюсь, это Вы не в мой адрес... – Нинлиль, сохраняя неподвижной мимику, казалось, смотрела сквозь него. – Я всего лишь сказала, что он принес себя в жертву...

– ...и стал Богом... – механически, как при телевизионном повторе, снова произнес он.

– Нет, – она удивлённо посмотрела на него. – А... видите ли... мы не употребляем это слово... без крайней необходимости.

– Но слово «жертва» вы всё же употребляете?

– Если Вы об этом... ну вот Вы сами стали бы приносить человеческие жертвы?

– Хм... нет. Если, конечно, не считать жертвой самоубийство. Вы об этом? Или Вы намекаете на жертву Авраама? Или имеете в виду жертву Первочеловека?

– Ни на что я не намекаю, я говорю о реальной жертве. Вот я – биофизик, работаю с живыми организмами. Можно сказать, что я приношу их в жертву. Но человек...

– А есть разница? Разве не язычники непрерывно приносили в жертву бога? Меня интересует, как Вы к этому относитесь.

– Я думаю, что идея жертвы, быть может, витает в воздухе, – она сделала неопределённый жест в сторону толпы.

Адам растерянно оглянулся.

– Есть разные точки зрения... Вы читали «Евангелие Иуды»?.. Как Вы думаете, для него имеет значения наша метафизическая дискуссия?

И Нинлиль указала на мальчика лет десяти, стоявшего в стороне и одетого примерно так же, как она, с непонятным предметом в руках и в красно-чёрной маске, сдвинутой на лоб... Правую руку мальчик медленно поднял над головой. В руке сверкнул золотом серповидный нож. Адаму показалось, что рука у мальчика каменная.

В этот момент толпа, как по команде, раздалась в стороны, образуя узкий, освещённый прожектором коридор, и четыре жрицы в коротких хитонах: зелёном, лиловом, оранжевом и чёрном – торжественно вынесли кипеньно-белое подвенечное платье и остановились в нескольких шагах от Черногрудой и Рогатого...

Рогатый нагнул голову черногрудой Жрицы Млечного пути к земле, согнутую, перехватил её за талию и поставил на голову. Стало видно голые, также выкрашенные чёрной краской ягодицы жрицы. Девы в хитонах возложили подвенечное платье, закрыв им чёрные ягодицы, и Рогатый голосом, напоминающим густое чёрное пламя, произнес:

– Requiem aeternam dona ei, Domine.

– Вы же сказали, что не употребляете...

Адам в растерянности оглянулся на девушку, но её уже рядом с ним не было. Он поискал глазами и увидел её рядом с мальчиком. Она повернулась к Адаму и бросила в его сторону какой-то предмет:

– Ловите!..

Адам едва успел подхватить. В руках у него оказалась грубо сделанная тряпичная кукла.

Кукла вдруг посмотрела на него живым человеческим глазом! Он едва не выронил её, прежде чем понял, что вместо лица у неё зеркальце, и в нём отразился его собственный глаз.

3 [Он открыл глаза]

«Выхода нет!»

Надпись над дверью в трамвае

Он открыл глаза. Большой никелевый рефлектор прямо над головой заставил прищуриться.

- Ну вот, наконец, пришёл в себя. Где вы его подобрали?
- Лежал возле дороги в кустах.
- А тот, второй?
- Его отвезли в реанимацию... пулевое ранение... в грудь навывлет...
- Этого пьяным нашли?
- Трезвый был... и одет прилично... только весь какой-то окаменевший...

Вначале даже подумали, что труп...

У Страпарола вертелся на языке вопрос, он заговорил, но получился только жалкий невнятный звук.

– Молчи пока. У тебя челюсть сломана.

Над ним наклонилась она, царевна-ива.

Он захотел повернуться на бок и не смог.

«В моей мудрости много печали. Снова всех расстроил... Как мне быть, чтобы не умножать скорбь этих людей? Этих живых людей...».

Слово «живых» застряло в сознании, мерцающая муравьями красных букв и периодически сливаясь со тьмой забвения...

«И предал я сердце моё тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это – томление духа. Потому что во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь...» – внятно для самого себя, но совершенно неразборчиво бормотал Страпарол любимое из Экклесиаста.

Он подмигнул царевне развязно, как тот на другом берегу, случилось, подмигивал Анне. Злая ревность простучала каблуками по коридору, и прозвенели осколками фарфора её смешинки...

– Что, снова бредит?

– У него не поймёшь: он и в сознании как в бреду.

Страпарол почувствовал, как тело его растекается по больничной койке, и снова провалился в забытие, в котором ему сразу стало мерещиться что-то несказанно мерзкое... словно он лежал в гробу со скелетом...

Холодок сумасшествия пробежал по спине, и он приказал себе немедленно проснуться.

И действительно проснулся. Но власть над сном была мнимой, как почти всякая власть в этом мире и в большинстве миров, бессмысленно блуждающих во вселенной, наполненной пустяками: пробуждение было тоже сном, и он проснулся лишь затем, чтобы увидеть, что попал в ад. Всё-таки оставалась ещё надежда, что власть сна такая же мнимая величина.

Да и что такое этот ад? Кажется, Джулио Мазарини, кардинал Франции, утопивший в крови Фронду, однажды заметил: «Если вы, упаси Боже, попадёте в ад, то вместо всяких мучений будет достаточно постелить вам постель с полотняными простынями вместо батистовых!».

Страпарол машинально провел рукой по больничной простыне:

– Так и есть, полотняная...

Ад. Он узнал о нём очень давно – ещё до того, как узнал о существовании самого слова «ад», что бесспорно противоречило понятию первородного греха. Первый раз много лет тому назад ему рассказал о нём под видом легенды приятель, бывший на полтора года старше и обучавший его нехитрым радостям подросткового самоудовлетворения.

Это было в лесу. Нет, не в лесу, а в роще. Шелестела листва, прорези солнечных зайчиков блуждали по нефриту ранней летней травы, под рубаху задувал прохладный ветерок, который только с большой натяжкой можно было назвать бризом...

– Знаешь, есть такой народ, явреи.

– Ну...

Приятель застегнул ширинку и откинулся на ствол старого клена:

– Ну, вот. И у этих явреев был не то царь, не то герой какой-то по прозвищу Иаков, а у этого Иакова был внук, Онан. Ну, в общем, его так звали, Онан. Такое еврейское имя. Вот этот Онан с Богом боролся. Или нет, это его дед Иаков с Богом боролся...

Приятель вытащил из пачки сигарету.

– Оставишь...

– Угу... Ты не сбивай, я и сам собоюсь... В общем, этого Онана силой кто-то там заставлял жениться на жене его брата. Вроде у явреев в это время это был такой обычай... или... ну, не знаю, может, просто его дядька его заставил. Вот как нашего соседа по бараку дед бить приходит, чтобы не пил, паскуда... это он так на внука говорит... Да, вспомнил, этот брат Онана уже умер тогда, а жену девать было некуда, может, страшная была, а может, сварливая, как бабка Шляпникова из семнадцатой квартиры. Ну, ты понимаешь... Короче, этот Онан не хотел с той сварливой пилиться и за дверью делал, как мы с тобой. Ну, может, за ним следили, или деваться ему было некуда. С одной стороны, охота, а с другой, баба эта... брата его покойного... сам понимаешь...

– А ты не врешь?

– Падла буду... сам в мамкиной библии читал. Она её под подушкой прячет. Там вообще-то, кроме этого, ничего интересного нет...

Страпарол пошевелился, стало больно рёбрам.

«Здорово они меня...».

Вошла медсестра со шприцем:

– Ну, как, оклемался?

Страпарол не ответил. Шприц вынырнул из вялой мышцы, взгляд Страпарола вразрез с темой детских воспоминаний блудливо скользнул за вырез её халата.

«Зачем я в него стрелял, если сам...».

Медсестра усмехнулась и не дала Страпаролу закончить прорезавшееся покаяние:

– Все ребра переломаны, а туда же...

Она садистски согнулась над Страпаролом, поправляя подушки, так что грудь её оказалась прямо перед носом, и стали видны ареолы.

Страпарол не мог отвести глаз.

«Нет, это ад какой-то, полотняные простыни, налитые груди медсестры, поломанные рёбра и эти неотвязные мысли, это ни на минуту не оставляющее его возбуждение, или... лучше назвать его раздражением...».

Из темного закоулка сознания всплыло: «Роттердамский Центр Самоудовлетворения». О, там знают цену тайным порокам и страстям...

«Где же я читал про это... или слышал?...».

Стены поплыли перед глазами, на месте тумбочки проявился одноногий буфет, черемуха за окном... Тушино? Или Медведково? Ага, вот он старый приятель, тогда андеграундный поэт, а теперь известный дизайнер, читает «Ветви персика» и притворно восторгается метафорами. У меня в руках какая-то машинопись, подмётное издание для кухонного употребления... и всё о том же... И откуда только ему были известны все эти роттердамские подробности?..

И тогда, и в других случаях (например, читая об этом в неканоническом переводе «Тысячи и одной ночи») Страпарол никак не мог понять, чем же это плохо и почему это ад, когда это вроде бы рай. И зачем, если это ад, столь серьёзно и кропотливо изучать искусство рукоблудия в этом маленьком благополучном голландском городке?..

С годами его стали посещать странные догадки, но только теперь, оказавшись в чужом аду, в аду своего врага, на границе ужаса и страха, он понял: ад – это творчество. Безлюбое творчество.

Тысячи... нет, сотни тысяч... нет, миллионы женщин были вокруг. Точнее, перед ним, потому что назад он не оглядывался. Да и не мог оглянуться. Медсестра-ива поправила подушки, голос её, отфильтрованный ватой бреда, то приближался, то удалялся вместе со стуком каблучков по больничному коридору... Что-то говорило ему, что оглядываться не надо... не в его это интересах – оглядываться; впрочем, он знал, что рано или поздно оглянуться всё равно придётся – но намерен был сопротивляться этому знанию до последней возможности.

Тысячи, сотни тысяч, миллионы, сотни миллионов женщин лежали, сидели, стояли – многие голые, некоторые в полупрозрачных пеньюарах, другие в чём-то сверкающем, похожем на кольчуги, в омерзительно грязных лохмотьях, в звериных шкурах, в накидках из перьев и сухих водорослей; тесная толпа тел, в которой для него была оставлена вьющаяся узенькая тропка; многие смотрели на него в упор и будто не видели его, у иных же на лицах красовались жуткие красно-чёрные маски, но были и такие, у которых вообще не было ни глаз, ни ртов, гладкие, как бильярдные шары, обозначения голов – но это не имело особого значения, потому что он знал, что должен соединиться со всеми без исключения и что это будет продолжаться вечно.

Вечно.

Не дни, не годы, не тысячелетия, не миллионы лет.

Вечно!

Но и это было не самое худшее – предчувствие нескончаемого чисто механического движения: ни страсти, ни нежности, ни золотого блаженства прикосновения – всего лишь поршень, трущийся в миллионах цилиндров... в

миллионах пульсирующих электрических медуз... косточка персика в половинке этого же фрукта, до краёв наполненного сливочным мороженым...

Это и есть тот самый первородный грех, вошедший, как след убийцы в... сказавший немым языком порока... нет – прорывавший в мохнатое ухо бреда: они твои.

– Все?

– Все! Все до единой! Они твои...

Страшно было сознавать, что перед ним – в с е. Все вообще. Здесь где-то затерялась в толпе, «...сложив на коленях руки с букетом голубоватых астр...», та, которую он отчаянно любил всегда, встречаясь и снова расходясь в нелепой суете нескончаемой свадьбы, почему-то именовавшейся его жизнью... и здесь была та, которую он числил среди лучших своих друзей, притворяясь перед самим собой, что не думает о ней, как о женщине... и здесь где-то была младшая сестра, вначале крохотный комочек, потом угловатое нечто, постоянно нуждавшееся в защите и утешении, и, наконец, стройная, высокая, немного заносчивая и странно чужая девушка... и та, с косичками, украшенными голубыми бантами, с которой сидел за одной партой, а потом... и там дальше, он знал, были обе дочери... и... и он подумал, что вот сейчас сойдёт с ума!.. но в следующий миг понял, как это было бы великолепно, просто сойти с ума... нет, не безумным быть, а именно сойти... сдвинуться в великой сдвигологии арифмосемиотики... но... но и этого не дано, он не властен ни над чем и ни над кем... никогда ему не получить этого великого земного посвящения, не председательствовать за столом, уставленным вином и яствами земными, в кругу подруг...

От этой очевидно неправильной мысли Страпаролу стало как-то зябко. За пределами сна кто-то терзал гитару: «...Сойти с ума, уйти в бега теперь уж поздно для меня...». Какой-то голос, мужской голос, обольстительно и грубо обращался к женщине...

«Что это? сон, навеянный незамысловатым куплетом, или незамысловатый куплет, ловко и злонамеренно вплетённый в сон?».

И снова, снова, под гитарный фальшивый перебор, уже где-то за пределами страха и греха по узкой тропе среди сладострастно шевелящихся женских тел движется не он, нет, не он, а тот, маленький, который и не существует вовсе... или существовал когда-то... или ещё только собирается существовать... неизвестно чей, подозрительно неизвестный, но близкий и нестерпимо родной... малыш... невольная жертва его бессильной любви и непреодолимой ревности.

– Разве и он обречён? И да минует его жребий сей!!!

Очевидная несправедливость мнимости перехлестывала пределы, биологические границы. Ведь это вовсе не его сон... не его... а мальчика с каменным фаллосом, лежащего в позе удовлетворенного сладострастия, памятником тому, другому, светящемуся двойнику, проникающему во взор через долгие слёзы ивы, через её кипеньное подвенечное платье... невесты?... блудницы?..

Страпарол закричал так, что, казалось, связки не выдержат. Закричал и решил обернуться, чтобы несказанный ужас, терпеливо ожидавший сзади, уничтожил ужас, подступавший к его лицу.

Он пошарил в кармане, нащупывая монету, и обернулся

Сзади не было ничего. Ничего вообще.
Впрочем, музыка продолжала звучать.
Ниоткуда...
«...Эта мисс из богатой семьи и к тому же чужая невеста...».
Но ему только казалось, что звучат слова, вместо которых нескончаемое
«ля» пронзительно и сладостно трепетало, угасая и вечно возрождаясь.

А кода начинаица рэйсс,
Камандорр вылезает ис шлюпки,
Асссом смоотрит на деевичью грруть
И на ножки пат серренькай юпкай...

– Здесь ошибка... какая-то ошибка... ошибка... ошибка...
Голос Страпарола не был слышен, но губы, смыкаясь и размыкаясь,
казалось, твердили проклятье...

4 [Прислушиваясь к плеску воды]

Она мягко отстранилась и, помолчав, сказала:
– Я стану твоей в Торгейте. А пока не трогай меня!
Прошу, так будет лучше.
Х.Л.Борхес, «Ульрика»

Прислушиваясь к плеску воды в ванной, Адам сунул в накалённый песок маленькую антикварную джезvu.

Почему бы не вообразить, что так теперь будет всегда? Она плещется в душе, он варит кофе. Она выходит, втягивает носом аромат: «О! Кофе?..».

– Кофе?! – восторженно воскликнула Нинлиль, просунув мокрую голову в дверной проем.

– А то!.. Эй, волосы не вздумай сушить!

– Это ещё почему?

– По кочану! В такую рань это не дозволено! Ты что, забыла? Аркан двадцатый, «Зарождение плоти»! – он глянул на нее вполоборота, всем своим видом показывая, что сварганить кофе по-тюркски в пять утра для него дело обычное, но в то же время и непростое, доступное лишь настоящему мужчине, и официальные доктрины помнящему, и хорошо знающему, что нужно поутру настоящей женщине.

Настоящая женщина показалась в дверном проёме полностью – не нагая, как он в глубине души надеялся, а закутанная, хотя и несколько небрежно, в его купальный халат:

– Двадцатый аркан – это который о «космическом сознании» и обозначается буквой «каф»? Что-то я не помню, что там не дозволено сушить волосы, хотя мы-то этому всё равно не подчиняемся... А пахнет изумительно! И каламбур прекрасный: «Каф-фе!». Ты заслуживаешь...

– Поцелуя в щёчку? – не без ехидства подсказал он.

– Фигу с маслом! – в том же тоне отпаривала она. – Нечего перепрыгивать через три ступеньки. Дружеское рукопожатие и ни грамма сверх! Врубился? Да и то попозже. Пока что у меня, сам видишь, руки при деле! Поскольку в твоём халате пояс почему-то не предусмотрен...

Адам снова на секунду оторвал взгляд от медленно поднимавшейся шапочки пены:

– А, собственно, ноги-то тебе зачем так уж от меня прятать? У язычников ты была в хитоне до бёдер.

– Ну... там я была как бы в униформе, а сейчас в цивильном. У nudists ты и вовсе мог бы меня увидеть без ничего, так что же? Всему своё время и своё место.

– И каждому овощу – своя фрукта!

– Именно! Любишь кататься – полезай в кузов! Не ослепляй встречный транспорт и берегись жома во время джема!!

– Знаешь... меня не то чтобы удивляет твой великолепный русский... но он какой-то уж слишком иллюстративный!..

– Схаменуйся, хлопче! – ей всё-таки надоело придерживать полы халата, и колени сверкнули, бросая вызов целомудрию. – У нас в Северо-Западном славистская кафедра – дай боже любому универу!

– Ах, славистская кафедра! И только-то? А не спецкурсы при Си-Ай-Эй?

– Ну, если совсем честно, я славянскую речь слышала с детства. У меня няня была полурусская, получешка, так что русский язык для меня второй родной...

– Так-так. А первый?

Она легко пожала плечами:

– Германский, конечно. Точнее, северногерманский диалект. Я же тебе говорила, забыл?

– «Германского языка» на русском не существует. Есть германские языки и немецкий язык со всеми его диалектами. Чему вас там в универе учат?

– Немецкий? Что это?

– Never mind! И как же тебя по-настоящему кличут? Не Гудрун, случайно?

– Скажи ещё: Брюнхильд!

– Слушай... неужели же...

– Нет-нет!! И не Ева! А классно было бы, да? Но – чего уж нет, того нет. А знаешь... пока не скажу. Пока что пусть я для тебя так и останусь Нинлиль, ладно?

– Как скажешь, владычица трёх небес!.. Кофе... так, готов!.. тебе с сахаром?

– Лучше с шоколадом! Если есть, конечно.

– Гмм... – Адам, не глядя, сунул руку в холодильник и извлёк пол-плитки. – Для тебя – есть всё... А всё-таки – почему Нинлиль? Ведь это имя богини... мм... которая...

– Которая была изнасилована, – откинув длинную прядь, спокойно продолжила она, принимая из его рук малюсенькую чёрную чашечку и, с какой-то странной гримаской, шоколад.

Гримаса сочетанием подвижности и полным отсутствием движения вновь напомнила Адаму погибшую под свалившемся ей на голову деревом японскую гейшу... слёзы на неподвижном лице замершего над её распростёртым телом мима... и веер, торчащий из расщепленной ударом ветви... бессмысленно раскрытый веер...

– ...Что ж, если рассматривать это как архетип... большинство женщин так или иначе проходит через изнасилование, в той или иной форме... – произнесла тем временем Нинлиль. И, полыхнув глазами, заметила:

– А уж вам-то, евреям, вообще не привыкать насиловать германских девушек, верно?

Адам промолчал, невольно вспомнив социологическое исследование событий конца мировой войны, в котором описывалось, как воины-победители изнасиловали половину Европы. Всплыло лицо женщины, старой женщины с архивной фотографии, которую в один из победных дней по её собственному свидетельству изнасиловали шестнадцать раз... причем, поскольку она находилась в районе уличных боёв, и дом несколько раз переходил из рук в руки, женщину попеременно насиловали солдаты то одной, то другой, то третьей армии...

– Кофе потрясающий, – как ни в чём не бывало заявила Нинлиль с той же интонацией.

– Фирма веников не вяжет.

– Фирма вяжет фасции, ага?
– Знаешь... будь ты парнем, я б тебе сейчас как минимум дал в глаз!
– Прости, пожалуйста, – негромко произнесла она после паузы. – Я... даже не говори мне о том, что бы ты сделал... в качестве максимума...

В сознании Адама вновь всплыло лицо женщины с архивного фото. Самой обыкновенной непривлекательной седой женщины.

– Мы вернёмся к этому в другой раз... как к моему имени... А сейчас – не сердись, ладно?

Она переменила позу, и халат ярче, к удовольствию Адама, раздвинул свои мохнатые полы.

Он кивнул и шмыгнул носом, восстанавливая мир. Минуты три они молча пили кофе, так и оставшись стоять. Впрочем, стульев в кухне и не было. Сесть можно было разве что на монитор от старого компа, стоявший на полу.

– Знаешь, – нарушила молчание Нинлиль, – в некоторых архаических культурах среди обрядов инициации был и такой.

– Мммм?

– Юноша и девушка, которые... скажем так, небезразличны друг другу... проводили вместе, иногда в одной постели... во всяком случае, в одном помещении, ночь или хотя бы часть ночи. Но обязательно – не прикасаясь друг к другу. Такое вот испытание.

– И сказано было: «Подобно тому, как, видя, не видят, и, слыша, не слышат, они, и касаясь, не прикасаются...». Ты хочешь сказать, что мы это испытание выдержали?

В сознании Адама всплыл давний эротический кошмар, в котором он, совершенно голый, прикован к стене в подвале монастыря, и напротив него, также прикованная к стене, сладострастно извивается она, как и он, голая, распалённая вожделением. Ему так хочется коснуться её пульсирующего навстречу тела, но какие-то миллиметры, какие-то проклятые миллиметры разделяют их... Светящееся дразнящее тело уже не цепью приковано, а прямо напротив в театральной завеси халатных пол...

«Что это в голову лезет? – вздрогнул Адам. – Какой-то третий ряд Серебряного века!.. А, так и есть, это же из малоизвестного рассказа Василия-Волка Пробкина, о котором современники издевательски говорили: всю жизнь писал и так постепенно грамоте выучился... Надо же, когда вылезло!.. там ещё карлики по подвалу шастают... и кинжал... Кинжал!!».

– Не знаю... – ответила Нинлиль и, заметив взгляд Адама, демонстративно не стала запахивать халат, словно прочла его мысли. – Может быть, и нет. Даже наверняка нет. Понимаешь, они должны были не прикасаться друг другу даже мысленно. В первую очередь мысленно!

– А откуда?..

– О, это контролировали шаманы. Для них проникнуть в помыслы испытуемых было проще пареной репы. Но дело не в этом... Ну, в общем, тех, кто выдерживал испытание, окружали почётом – но друг для друга они отныне становились табу.

– А те, кто проваливался? – поинтересовался Адам, подумав, не намекает ли она на то, что теперь они тоже друг для друга табу.

Её пристальный взгляд остановился на переносице Адама, и ровным голосом без всякой интонации она ответила:

– Ну, их высмеивали, наказывали, иногда они становились изгоями. Порой их даже убивали – сначала вполне реально, впоследствии символически. Но зато потом им разрешалось вступить в брак.

– Это убитым-то?! – тупо спросил Адам, чьё представление о ритуальной женитьбе как-то запуталось.

– Ну я же сказала: впоследствии! Когда убийство стало символическим... Ритуал решает все проблемы, хотя решения оказываются совершенно не такими, каких ждут. И табу не обязательно понимать так, как понимает его юность...

– Вечная юность убитым... – пробормотал Адам, подумав почему-то, что мёртвые вступают в брак, уступая жизнь сладострастным девственникам... что по сравнению с этим разврат и цинизм не знающих покаяния...

«Да что мне сегодня какая-то пафосность голимая так и прёт в голову?!».

– Меня вообще-то затруднительно уже считать юношей, а? – спросил он вслух. – Тем более символически убитым...

– Да ты же моложе меня! И живее всех живых! – в мимике её лица не было границы, как и в её голосе не было границы между шуткой и угрозой.

– Ну уж скажешь!

– А на спор?

Дерево в квазияпонском инобытии Адама, раскидывая комья грунта, с неумолимой неотвратимостью продолжало падать на голову гейши в странной, то замиравшей, то оживавшей маске, полуприкрытой веером.

– А вот этого не надо! Кто спорит, тот штаны распорет. Конечно, тот, у кого они есть. Так что иди одевайся, испытательница, а я буду ломать голову над проблемой калорийного завтрака! А то неизвестно, когда нам светит пообедать, да и будет ли у нас обед вообще...

Адам шутил, но заметно нервничал, по привычке придавая излишнее значение выдуманному совпадению и всплывающим из памяти образам, мистике наложения памяти на реальность.

Нинлиль фыркнула и медленно, как во сне, повернулась вокруг оси, проходя сквозь пушистый коридор высохших, длинных, как у феи после сна, волос. Странно, во время ночного сейшна у неоязычников ему показалось, что у неё очень короткая стрижка. Он открыл морозилку и грустно запел эскимосскую песню:

А чем же я буду тебя кормить?

Ой, да чем же буду я тебя кормить?

Ой, да рыба не разморозилась!

Улыбнулась, не разморозилась!

Из комнаты донёсся её странный фарфоровый смех, колыхнув забытое, «не помню что» воспоминание. Адам насупился, полез в другую камеру и ещё с большим чувством затянул:

Рыба-рыба-рыба, мой любимый друг!

Рыбу-рыбу-рыбу я возьму на юг!

Только рыба не разморозилась!

Что тут скажешь, не разморозилась!..

На столике возле компьютера в лучах переливчатой иризации сиял её фаль.

– Ты мне так и не сказала, что это за камень! – крикнул Адам в отворенную дверь.

– После, после...

Её фарфоровые смешинки вереницей влетели в комнату и растаяли в утреннем воздухе, насыщенном ароматом кофе, и Адам увидел, или ему это только показалось, что в дверном проеме мелькнуло белое подвенечное платье... В этот момент во входной двери истерически завизжал звонок. Адам отложил рыбу и пошёл открывать. Под дверью лежал конверт. Адам поднял его и, поглядев в лестничный пролёт, туда, где слышались удаляющиеся шаги, успел заметить вчерашнего старика, легко, как юноша, перепрыгивающего через ступени.

Конверт не был заклеен. Адам открыл его и без всякого удивления увидел совершенно чистый листок.

Белая метка.

5 [Ноги вновь затекли]

И в окошко мой внук сквозь разрушенный воздух глядит...

А. Еременко

Ноги вновь затекли. Он встал и закрыл обе книги – эти светящиеся создания гениев, размял плечи. Побаливало левое, когда-то давно в иной жизни простреленное.

– Людям это было известно испокон веков. Читая книгу, можно сойти с ума. Но сойти с ума можно и более простым способом. Монтень утверждал, что это может случиться просто от смеха женщины.

Крог размял затекшие от длительного сидения в свастикасане ноги.

– Вступление в книгу равнозначно вступлению в сон, и, как во сне, книга рвёт твои впечатления, перемещая тебя по собственным ландшафтам по своему произволу, который, как и сон, имеет иную логику, иное измерение. И ты только догадываешься о том, что случилось бы, пойдя ты так, а не иначе, как тебе безусловно повелевает книга, не встретить ты на своём пути её...

Крог принял позу дерева. В этой позе ноги приходили в себя чуть быстрее.

– Малларме, который считал, что мир должен превратиться в книгу, ошибался. Мир всегда идёт своим собственным, никем не предписанным путем. Когда книги перестали использовать слова и были перестроены на прямое восприятие образов, эпидемия имагомании охватила человечество. Кажется, это Борхес впервые заявил, что книга является самым удивительным из человеческих инструментов. И этот инструмент как бы в подтверждение слов Борхеса был запущен в действие. Сотни миллионов, однажды открыв книгу, уже не в состоянии были оторвать от неё глаз, да так и умирали от эмоционального истощения. Администрация предпринимала истерические и безуспешные попытки по борьбе с книгоиздателями: костры из книг, взрывы в помещениях издательств, выпуск симулякров... поощрение массовой культуры... всё это не имело ни малейшего успеха... города пустели... ветры пустыни рассеивали цивилизацию... лишь немногим удалось выработать иммунитет... за ними охотились специальные команды ловцов... процветали коррупция и доноительство...

Крог вернулся в своё обычное вертикальное состояние и открыл дверь имагошлюза. Смутно ему казалось, что его иммунитет к книгам связан с какой-то историей, в которой виноват, возможно, Тирсо де Молина, что он, возможно, какой-то планетный дух, телесное воплощение которого бродит среди людей, прячась в кустах, среди деревьев, за длиннослёзыми ивами... а то и бесстыдно высовывающим свою гордую и победительную булаву... из-за угла... на пугливое рассмотрение дев...

При этой мысли щёки Крога запылали румянцем школьницы на уроке анатомии, когда молоденький учитель в первый раз освещает предмет продолжения рода... но мысли его тут же, как будто испугавшись самих себя и того, что за ними последует, вновь перескочили на книги, спрятались в идеальное убежище, под покров метафизической бесчувственности, которая только и может

составить предмет эстетического наслаждения, чуждого тревогам эмоциональной ответственности.

– Нет, Борхес не виноват, виной всему, конечно, тайная «Книга» Малларме, опубликованная Жаком Шерером. То, что считалось набором невразумительных чертежей, группа ученых воплотила в электронное устройство, во плоти ставшее «Книгой». Военные, как это принято, сразу же «Книгу» засекретили, но, опять же в силу неистребимого обычая, немедленно появился самиздат.

Крог с трудом облачился в специальный крылатый скафандр, чем-то отдаленно напоминающий больничный халат: давала себя знать простреленная грудь.

– Флобер стремился к божественной объективности и безличности. Это блестяще удалось. Но всесильному флюберовскому автору-демиургу должен был соответствовать подобный ему, хотя в чём-то и противоположный читатель.

Понимая, что он сам продукт этой мысли, Крог тем не менее отчасти продолжал ощущать себя автором. Это, конечно, была непростительная в его положении и опасная слабость. Крог был специалистом. А это означало, что он допущен до чтения, но демиург в нём не унимался... дети... бесчисленные ЕГО дети наступали бесплотно, шли и шли, мерзко бляя, обрастая на глазах шерстью, символами потерянных во времени пушистых вульв, неумолимого прошлого и будущего человечества, превращавшихся друг в друга, стоило им миновать парализованного процессом Крога... и тогда он извергал свое семя в пыль, в песок пустыни, перетертых в муку кварцев миллионолетия...

Каждое утро он открывал две книги, в которых шёл непрерывный поток жизни. Одна книга называлась книгой Адама, другая – книгой Авраама. Миллиарды судеб людей были запечатлены в образе Адама, и только одна судьба – в образе Авраама. В книге его звали Страпарол... или это странное имя всплывало в сознании Крога из иной, непостижимой теперь реальности? Вообще-то Крог предпочёл бы перечисть диспуты Оригена с Августином о природе времени. Где-то в ещё не обнаруженной глубине их концепций Крогу чудилось разрешение всех бесконечных споров о сути гениальности. Книга Адама была для Крога настоящим искушением. Природа цикличности со всеми её предсказаниями выпукло выступала из инвариативной пещеры рода. Но Авраам?! Природа абсурда была не менее впечатляющим искусом. В мире, где всё уже было подсчитано, только абсурд не поддавался никакому осмысленному управлению. Смутно он вспоминал дуэль и своё скатывающееся по крутизне скалы тело, и долгое сохранение остывающей неподвижности, холодеющие руки, ноги, голова... Нет, пожалуй, с головой и руками всё в порядке, а ноги действительно затекли и не желают, несмотря ни на что, приходить в нормальное состояние. Это был знак, что сегодня он слишком злоупотребил чтением. Впрочем, что есть «сегодня»? Всего лишь счётная единица, не имеющая ни малейшего отношения к вечности? Ноги затекли – это куда более вещественное доказательство. Мысль о существовании, придуманная в Древней Греции, со ссылкой на самое себя, как обычно, показалась Крогу достаточно смешной, чтобы сосредоточиться на ней по пути назад в мир обетованный:

– Вот я мыслю, а тем не менее не существую. Хотя ноги и затекли. У ангелов ведь тоже бывают ноги. Хотя какой я ангел... Просто работа у меня такая...

Приговор совести, так сказать. Мог бы и не становиться под его дурацкий выстрел, продиктованный ничуть не лучшей похотью, чем моя...

Он отворил дверь и вышел из шлюза на улицу. Тёмное солнце неподвижно палило своими фиолетовыми лучами жалкие останки листьев. Ни души, ни звука. И так всегда. Долгие сотни, тысячи лет. Существование с его циклическим бездействием было куда более невыносимо, чем бесконечная подвижность и неповторимость книг жизни.

«Просто ад какой-то! Кто первый придумал отделить жизнь от существования и спрятать жизнь в книги, а существование оставить гулять на свободе в бесконечном кружении несбывшегося? – думал Круг, машинально стабилизируя крылья за спиной и медленно поднимаясь кругами абсолютно неподвижного воздуха. – И где я сейчас, в какой из книг пишется моя история? В книге Адама или в книге Авраама?».

Этот вопрос постоянно мучил Круга. Ни в книге Адама, ни в книге Авраама не было ни малейшего намека на существование крылатых существ. Ангелы не посещали текущие страницы жизни.

И ещё ННЛЛ... Её существование на текучих страницах противоречило исходной концепции. Чем-то она напоминала Анну, в особенности тем, что явно нарушала традицию и неизбежно должна была исчезнуть. Греховная безгрешность, как и безгрешная греховность, недопустимы для людей, хотя для ангелов... Но ведь она не ангел... В сознании Круга открылась дверь в каземат, где ННЛЛ предстояло отдаться тюремщику её супруга – демону по имени Саклас, будущему создателю Адама и Евы. Если бы она могла знать это имя! Но их знал только он, предпочитая текучим и бессмысленным псевдонимам людей...

– У каждого человека есть свой ангел. Почти у каждого... Но у ННЛЛ были ноты. Тёмные существа из ирландского камня судьбы. Две ноты оберегают ННЛЛ... Две чёрные ноты в сиянии лунного камня... И возле каждого из неисчислимых Адамов всего одна единственная ННЛЛ. Чем-то в своей индивидуальной абсурдности она подобна Аврааму. Две чёрные ноты в сиянии лунного камня... две ноты «фа» и «ля»... Чёрные ноты... всегда чёрные ноты... вечно чёрные ноты роковых обстоятельств...

Пустое пространство мёртвого циклического воздуха, наконец, прекратилось, и Круг плавно приземлился в самом центре цветущего сада. Волшебный аромат цветов кружил голову. Юная Луна и старое Солнце, взявшись за руки, стояли у врат. Круг сложил за спиной крылья и по дорожке, устланной морским влажным гравием, двинулся к светящимся вратам. Время от времени идеальное полотно мира рвалось, проглядывала осыпающаяся штукатурка, дранка, красный кирпич, охранник в сверкающей кирасе, прохлаждающийся возле ворот... но гравий под ногами был так тёпл и так приятно щекотал босые ступни...

Гравий был тёпл и приятно щекотал босые ступни!

Как только Круг преодолел расстояние до врат и вступил в чересполосицу тьмы и света за ними, всё вокруг ожило, наполнилось голосами, пением, переговорами, взаимными претензиями, одобрениями, словами любви и ненависти. Но так уж устроен мир, что живут в нём только голоса, а образы, оторвавшиеся от своих тайных мыслей, бродят по страницам мыслекниг и «говорят»... то есть обмениваются незначительными звуками, тирадами эмоций и тропами вычислений.

Крог оставил свой крылатый идол в специальном саркофаге и, свободный теперь от ангелоподобного тела, присоединил свой голос к собрату и соврагам. Лёгкий, как присоединение насекомого ко внутреннему пространству, укол и сон... мгновенное забытьё, с неисполнимостью никогда не проснуться...

Каждый сон Крога был равен вечности и длился не более мгновенья. Отдых был равен блаженству, пока не отворялся смутный в своей туманной голубизне глаз, и наступало время общения с мыслекнигами. И вместе с тем что-то за гранью подталкивало его, угрожало изгнанием...

Слева, как обычно, лежала раскрытая книга Авраама, справа – книга Адама. Адам, притаившись за «тяжёлой завесью окна», наблюдал за странным обрядом. Мальчик теперь лежал на простых парусиновых носилках, и четверо поддерживали его. Один был похож на белокожих людей севера, он был обнажён, но на голове сиял бронзовый шлем, по середине тела он был опоясан тяжёлым мечом, на ногах его были деревянные, напоминающие котурны, сандалии, которые при каждом шаге отдавали глухим, как жизнь дерева, звуком. Другой был явно монголоидом. Тело его во многих местах было насквозь проколото стальными спицами, но лицо сохраняло невозмутимое спокойствие. Третий, чернокожий, худой, как жердь, и тоже голый, одной рукой поддерживал носилки, а в другой держал белую полураспустившуюся розу. Лицо его скрывалось под краснозубой маской то ли демона, то ли языческого божества. Но четвёртый, укутанный в одежду, напоминающую хитон, особенно привлекал внимание Крога. Широко, почти к вискам, раздвинутые глаза, соответствующая им широкая переносица и отсутствие рта на лице, – всё это говорило о принадлежности этого четвёртого к неизвестной на земле расе.

За носилками, мелко семена стреноженными подобьем золотых бус ногами, медленно и торжественно перемещалась она.

Мальчик лежал совершенно неподвижно, глаза его были широко открыты и устремлены не то к центру небес, не то к чему-то одному ему ведомому, невидимому другим.

«И это только представление для непосвященных!! Что же будет завтра, когда все разъедутся?!».

Крогу было видно, как Адам, крадучись, следовал за немногочисленной процессией. Он перевернул страницу. Прямо в лицо плеснуло тревожным чувством. Теперь Адам находился рядом. Казалось, что он сам стал Адамом и начинает жить его жизнью. Это было самое опасное из всего, что могло произойти при общении с книгой. Стоило на секунду полностью ассоциироваться с Адамом, как самоидентичность испарялась, и уже невозможно было вернуться.

Крог отлетел сначала в сторону, затем вверх и так, наподобие души, парящей над телом, последовал за медленно перемещающейся процессией.

Четверо с носилками остановились, и мальчик, сомнабулически передвигая ноги, ступил на пол и, как кукла, не сгибаясь, упал лицом на холодный мрамор... Раздался тяжёлый удар камня о камень.

Крог увидел каменный затылок мальчика. И в этот момент ННЛЛ наклонилась и, взявшись обеими руками за ножные бусы, рванула их и свободно зашагала к выходу, звеня золотыми обрывками и не оборачиваясь.

Четверо женщин в цветных одеждах в отдалении торжественно несли подвенечное платье, направляясь к...

– Да-да, пожалуйста, начните свой рассказ с самого начала, – до Круга сквозь туман жизни доносится полужнакомый голос, заставляющий вновь почувствовать, как затекли ноги в свастикасане. Он встаёт и послушно закрывает обе книги...

– Прошу Вас, не повторяйте, как попугай, одно и то же, я хочу новые подробности, детали, впечатления, эмоции... – голос глух и звучит как будто из глубины подземелья, куда Круг не смеет заглянуть даже в самых смелых своих фантазиях... боль всегда на страже адекватности...

– Вы предпочитаете молчать, или вам больше нечего вспомнить...

– ...нить... нить... нить... – автоматически заповторял Круг концовку слова, важную концовку, ведущую... куда?..

Тьма разверзлась перед его взором. Подвальная тьма, которая постепенно просветлела, и из самого центра её прямо на него поплыло, множась, как в святочном зеркале, прекрасное лицо женщины, и грянул вновь спасительный выстрел...

Часть II

[Непреодолимая граница]

6 [Кто они такие]

Стреляй, подлая душа, стреляй, паразит!
О.Генри, «Дороги, которые мы выбираем»

Голый Страпарол лежал на спине под столом и, вырывая из книги клочки страниц, записывал на них быстро текущие мысли. Наволочка, пододеяльник, столовая посуда, корыто на полу были уже до отказа набиты этими клочками.

– Мои гениальные мысли не имеют никакого значения! – подумал вслух Страпарол и тут же записал эту мудрость на очередном клочке. Смял бумажку и забросил в угол, в грудку таких же смятых в комки великих мыслей, из-под которых мрачно высовывался приклад автомата Калашникова.

– В олигарха надо воткнуть нож и, трижды повернув его в нём, дёрнуть вверх... или вниз?

Он снова смял бумажку и забросил её вслед предшествовавшей мудрости.

– Если люди не поймут мои записи, то пусть их прочтут кентавры...

Эта мысль понравилась Страпаролу, и он, разгладив обрывок страницы, внимательно осмотрел её лохматые края:

– Кто они такие – эти кентавры?

Мысли Страпарола понеслись скакунами по пыльным дорогам гражданской войны, грязным тачанкам с облитыми машинным маслом пулемётами. Хорошо-то как, свободно... ох, как свободно... хочешь – скачешь, а хочешь – постреливаешь по сторонам... вон по тем горящим кустам, где засели белые... или красные, или зелёные, или жовто-блакитные, или чёрные, или германцы, или китайцы, или евреи, или американцы... а вдруг там засел Бог?

Эта неожиданная мысль на мгновение одиночным выстрелом прострелила сознание.

Страпарол и раньше время от времени подозревал себя в героизме. Точнее, в персонажности. Ну, типа он – древний какой-то мужик, который водит за собой странных оборванцев по бесконечным пустошам. Кругом блуд и грязь, а он: «вперёд!» и «вперёд!», – к одному ему понятной цели, которая так или иначе окажется результатом, и, наконец, предложит сделать остановку в бесплодных поисках, чтобы немедленно возобновить их...

Но водоворот фантазии уже невозможно было остановить.

– Бог? Что ж, в Бога стрелять – особенно свободно. Как из ведра.

Страпарол вырвал ещё одну страницу и размашисто записал корявыми, кривляющимися буквами:

– Всё повторяется наоборот. Верх станет низом, низ – верхом... Весь вопрос: когда?! Сколько можно ждать, когда вернётся тот, обещанный, но не исполненный?..

Страпарол выполз из-под стола, подполз к двери и выглянул в коридор. Санитара нигде не было видно.

– Пора, – подумал Страпарол и, накинув на голое тело больничный халат, бесшумно проскользнул в раздвоение белых казённых стен. Огромные круглые часы на фонарном столбе показывали время. Он ещё раз оглянулся, сожалея об оставленном творческом мусоре.

– Время! В этом всё дело. Я растоптал германца... хотя зачем?.. зачем я его растоптал? Неужели только для того, чтобы предложить невообразимую ерунду этой скомканной бумаги, этой щепы желаний, с начертанной на её обломках роковой рецепрожности?..

Страпарол бежал по сумеречной пыльной улице, ветер надувал парус штор его больничной палаты, перекатывая на полу листья клочков книги... и, по мере того, как он рвал голой грудью пространство, халат закручивался над его головой в виде гигантской чалмы.

– В Парфию! К парфянам! – Страпарол уже не кричал, а дико хрипел, бредя по речному мелководу... омочить, наконец, ноги в священных водах Тигра и Евфрата... среди возлюбленных Богом племён убийц и дьяволопоклонников...

– Как ты думаешь, куда это он?

– Возможно, домой, а может, и правда в Парфию. Но – не факт. Мои ребята проследят.

– Он уже в Парфии был...

Рыжий бритый затылок прищурился на чёрный, такой же вертикальный и прямой, как газета «Правда». Рыжий поправил подмышкой кобуру:

– Может, пристукнуть его по дороге «за попытку к бегству», чтоб небо не коптил?

– Пока не время. Ты лучше собери его вонючие записки. Чтобы было из чего соорудить классика революционной литературы. Нового человека, так сказать...

Чёрный начальственно нахмурился:

– Ну, давай. Встретимся, как обычно, «У Хайяма».

Он что-то ещё хрюкнул напоследок и растворился в сиреневых сумерках.

Рыжий ещё недолго постоял и поплёлся в палату составлять из обрывков классические произведения. Было невыносимо скучно. Предстояло становиться доктором филологических наук. Он снова поковырял своё рыжее темя и грязно выругался. Однако смысл его высказывания в сокращённом варианте можно было перевести вполне прилично:

– Бомарше было легче...

Тем временем Страпарол бежал, задыхаясь, вдоль пыльных кустов, по овражистой осыпи глины, по песчаной отмели, к дому, где его ждала она. Вот и тёмное огромное животное дома, настежь открытая дверь, изломанность коридора и, наконец, оранжевый круг лампы над одиноким пустым креслом.

Наступило время предсказаний. Страпарол выглянул в окно. Мальчик теперь стоял, обняв огромную гипсовую вазу.

Сердце скользко билось пойманной рыбой. Никого. Страпарол тихо завыл, упал на четвереньки и пополз в угол, где он обычно коротал время до рассвета, вспоминая себя мальчиком, каким-то подобием Себастиана, покровителя слабых и болезненных детей. Сознание не могло разрешить этот парадокс: он сам ребенок и покровитель этого же ребенка. В этом было что-то от библейского Адама, который был одновременно источником и следствием греха. Вот он лежит в маленьком ящике на Аппиевой дороге рядом со своими же истлевшими костями... и думает, что грех вначале вошел не в него, а в Еву... это ведь ясно... но вначале он был в

змее, источнике знания... а Ева, она же не виновата, она и не знала ничего... и вот поэтому он теперь здесь, а за окном этот мальчик, обнимающий гипсовую корчагу, и звук, пронизывающий вселенную, звук счастья, волшебная вибрация, заставляющая видения сгущаться и проступать в загустевающем вместе с ними воздухе, то смешным существом, постоянно нуждающимся в защите и утешении... и там вдалеке, он-то знал, на дорожке, за гипсовым мальчиком, обнимающим такую же холодную и, как и он, гипсовую статую, обе его дочери... склонившиеся друг к другу, как будто в горе... и... белый дом на пригорке...

Страпарол снова со страхом взглянул в окно... и на том же самом месте...

Страх снова сковал его мертвой хваткой... вот... вот... сейчас... сейчас я сойду с ума!..

И тогда он решил обернуться... И обернулся, лихорадочно пытаюсь нашарить несуществующие карманы и в них заветный...

Страшная сила отбросила его.

– Деньга!!! Где деньга?

Голос ревел, как иерихонская труба:

– А ну выворачивай карманы, мерзкий ублюдок! Как тебя вообще сюда занесло, если у тебя даже штанов нет?

Язык был совершенно не знаком Страпаролу.

– Тархун! Тархун! – не унимался дикий глас. – Та-а-а-rrrr-хуун!

Голова разрывалась от боли, и в тот момент, когда Страпаролу казалось, что он уже потерял сознание, вспыхнул матовый мягкий свет, заливавший Вселенную, проступила кипа протуберанцев... или седых клочковатых волос. Искажённое яростью лицо старика, глядящее прямо на него со старинной иконы в тёмном углу его кабинета...

Страпарол лежал на полу. Голый Страпарол на голом, крашеном бордовой краской полу.

Медленно, как во сне, падают снаружи веранды осенние листья, замедляет белоснежная пурга яблоневого цвета, снег восходит неподвижным потоком в синеву. Вращается нищенский барабан счастья. Попугай выкрикивает одни и те же печальные слова:

– Я вас люблю! Я вас люблю! Я вас люблю!..

Длинная аллея парка, вершины деревьев с нежностью наклоняются друг к другу. Белое подвенечное платье и черная мужская тень льнут к друг к другу с холодным сладострастием. И ярость...

Лекарство случайных совпадений не излечивает страсть. Старый добрый сюжет отступает в тень. Закатывается старое солнце культуры, возвращая радости естественного отбора, истерическую харизму нацизма, выстрел, роковой выстрел в греховную грудь менестреля... И нет прощения, только вечное скитание и поиск чуждого самому себе себя, искаленного каменной памятью ребёнка...

Страпарол, с трудом преодолевая неподвижность каменеющих суставов, подошёл к иконе и поцеловал яростный лик, искаженный лживой гримасой всепрощения...

Продавец смерти на иконе, сжав губы, отвернулся от этого иудина поцелуя и вновь принял своё яростное выражение господина, которого, когда он говорит, под страхом смерти слушают молча.

7 [В «Кофеине», как всегда]

aha die deutschen
ei die deutschen
hurra die deutschen
pfui die deutschen
ach die deutschen
nanu die deutschen
oho die deutschen
hm die deutschen
nein die deutschen
ja ja die deutschen

O. Özmut

В «Кофеине», как всегда, былолюдно и суетно. У входа на деревянной дощечке красовалась длинная надпись на иврите квадратным письмом. Можно было издалека увидеть, что буквы «ламед» и «вав» довольно сильно искажены. «Другой бы на моём месте тут же позвонил куда следует!» – мелькнуло в адамовой голове, но тотчас кто-то другой в его голове резонно заметил: «А куда, собственно, следует? И как туда попасть?». Тут же вмешался третий непрошенный собеседник: «А кого ты имеешь в виду, говоря *другой*?». В голове у Адама немедленно загалдело множество голосов, и их гул смешался с гулом разговоров вокруг. Народ – в основном, студенты и аспиранты – тусовался и будировал; лэптопы и чашки торчали на каждом столике. Адам огляделся и усмотрел свободные места. Нинлиль села лицом к большому зеркалу и поправила причёску. Волосы впереди были заколоты чем-то, напоминающим тоненькую корону из блестящих белых камешков.

«Свадебная причёска...» – невольно подумал Адам, и снова ему пришло в голову, что во время обряда ночью у Нинлиль как будто была короткая стрижка. Теперь ему даже казалось, что она была наголо обрита.

Но не успел он додумать эту мысль, как рыжий парень подскочил к ним и нагло облапил Нинлиль раньше, чем Адам успел решить, заехать ему в ухо или просто смерить презрительным взглядом.

«Как пацан, честное слово! – отметил он в свой адрес. – Да мало ли кто это...». Додумать эту мысль он тоже не успел, так как Нинлиль дружески отпихнула парня со словами:

– Адам, познакомься: этот придурок – мой брат Мунд!

– А это моя чокнутая сестрица Линда! – радостно гоготнул тот и схватил руку Адама с таким видом, как будто он эту руку давно и истово искал, и вот, наконец, обрёл искомое.

Неожиданно включился висящий под потолком телевизор, явив зрелище настолько жуткое, что Адам моргнул, не поверив глазам: изрытая полоса чёрного пепла дымилась; панцири, вилы, рожки, куски дерева, железа и меди валялись среди трупов; здесь и там догорающие огненные стрелы тлели, воткнувшись в тела или в землю; в некоторых местах земля исчезала под грудой щитов; то и дело

виднелись ноги, сандалии, руки, кольчуги и головы в касках, поддерживаемые подбородниками; они катились, как шары; и всюду были мутные лужи крови...

– Что это? – непроизвольно вырвалось у него.

– Где? А... – Нинлиль-Линда оглянулась на экран. – Да это же «Гладиаторы в законе», бесконечный сериал, ты что, не смотришь?

– Ничего себе сериал...

– Это семнадцатая серия о наезде Девлет-Гирея на Москву... Впрочем, нет, что я говорю! Это девятая серия, еще круче: Кутик Пузур-Иншушинак, хальменик Симашги, наносит поражение Тан-рухуратеру, суккульмаху Шушуна. Советую посмотреть. Но самая впечатляющая семьдесят третья.

– Ещё более впечатляющая? – с плохо скрытой иронией поинтересовался Адам.

– О, вот там-то действительно ужас – Ходынка.

– Что?

– Это теперь мода такая, – сообщила Нинлиль. – Обыватель устал от индивидуальных убийств, инопланетян, инцестов, расследований, рубилок-стрелялок... и даже такие, как вот это, побоища, уже не очень щекочут нервы. Ну, ещё пара тысяч трупов, в бронзовых панцирях или в кевларовых... Другое дело – массовые катастрофы. Я видела эту семьдесят третью.

– Ну и как?

Адам увидел, что Нинлиль побледнела, став ещё больше похожей на гейшу с её противоречивой мимикой, и, как в трансе, ровно и монотонно начала свой рассказ:

– Огромный плакат, провисающий при полном безветрии: «Народный праздник коронации на царство!». После оказывается, что его в утренней тишине, так что слышно только натруженное дыхание людей, несёт толпа. Это рабочие Трехгорной манафактуры. Они идут вплотную друг к другу. Кто-то из толпы кричит: «Братцы, поширше бы надо, поширше!». Но его никто не слушает. Неожиданно под ногами идущих оказываются огромные бревна, которые разьежжаются в стороны, люди падают, страшно кричат, но толпа не останавливается, всё напирает и напирает. Крупные планы: расплющиваются в кровавое месиво лица людей... детей... женщин... Кто-то вопит: «Колодезь! Здеся колодезь!». Но никто не слушает... сотни людей валятся в пропасть, доверху заполняя огромную яму в земле. По страшному месиву продолжают идти и идти рабочие. Видно одного из них, почему-то с красным флагом, которым он размахивает, другой рядом держит оторванную человеческую руку. Смеётся. Во весь экран – прокуренные, гнилые зубы пролетария. Наконец, идти дальше некуда. Люди стоят плотно, ждут царские подарки: сайку, полфунта колбасы, пригоршню конфет и пряников, эмалированную кружку с царским вензелем и позолотой, завернутые в бумажный носовой платок. Ждут обещанного гулянья с пивом и мёдом, да дарового угощения, обещанного царем, разбрасывания в толпу мелких монет с памятными надписями. А народ всё прибывает, на расстоянии пяти шагов от буфетов в толпе уже нечем дышать, над толпой, как в холерный год, стоит зелёная мгла, туман от испарений несметной массы: всё больше крестьяне, рабочие, будущие устроители России – конечно, те, кто выживет. Видны карманники, беспрепятственно обшаривающие охотников до дармовщины. Им

суждена та же участь – стать жертвами гекатомбы. Человеческие жертвоприношения ацтеков по сравнению с этим кажутся детскими игрушками. Давка усиливается. Наступает ночь. Многие теряют сознание и умирают от удушья. Солдаты, охраняющие проходы, оттаскивают трупы на внутреннюю площадь гулянья, а мертвецы, находящиеся в глубине толпы, продолжают стоять на своих местах, наводя панический ужас на соседей. Впрочем, постепенно все привыкают и уже не обращают на них внимания. Все ждут раздачи подарков. Наконец, светает. Вдруг по толпе пробегает ропот: «Буфетчики своим раздают!». Услышав это, люди с огромной силой устремляются в проходы к буфетам. Атака приобретает характер цунами. Свалка невообразимая. Буфетчики, опасаясь за собственную жизнь, выбрасывают в толпу подарки; кто-то остервенело продирается к кружкам, другие проваливаются в овраги и колодцы, третьи забираются к соседям на плечи и шагают по головам. Перешагивая через трупы, люди рвутся за бесплатным вином, черпая его картузами, ладонями. Многие захлёбываются и тонут прямо в бочках. Другие пьют из бочек с плавающими трупами. Часто слышны крики, и люди, успевшие протиснуться в проходы ещё до начала раздачи подарков, выходят на внутреннюю площадь гулянья и тут же падают без чувств, все мокрые, от них идет пар. Трупы находятся не только у буфетов, они рассеяны в разных местах оврага, изрытого ямами: скальпированные головы, торчащие наружу кости, раздавленные грудные клетки, валяющиеся в пыли недоношенные младенцы. Куда бы ни повернулась камера – везде народ, и зрелище, и звуки, смех... А далеко от центра развлечений и музыки, под бесконечно длинным навесом, лежат на спинах мёртвые люди с серыми от пыли лицами, с закрытыми и открытыми глазами, тут и женщины, и юнцы, и мужчины. Лежат один возле другого, как дрова в поленище в несколько линий...

Нинлиль замолчала. Пальцы её нервно барабанили по стеклянной столешнице.

– Как ты могла это выдержать? Это ужасно! – Адам во все глаза смотрел на неё.

– Нет, вовсе даже не ужасно, – отпарировал Мунд. – Народ, знаете ли, просто помирает со смеху от этой серии!

Круглое его лицо стало ещё более добродушным.

Адама передёрнуло, безотчетная неприязнь, которую с самого начала он почувствовал к этому светло-рыжему парню с папилломой на левом верхнем веке, теперь усилилась. Мучило ощущение, что где-то он уже с ним встречался.

Нинлиль как-то странно взглянула на Мунда; как показалось Адаму, с осуждением.

– Э... а Вы, Мунд... тоже... биофизик? – желая сменить тему и не придумав ничего лучшего, спросил Адам и, глянув на Нинлиль, по её лицу понял, что допустил какую-то ошибку.

– Ну что Вы! Ну как Вы могли такое даже подумать?! – Мунд, казалось, разобиделся всерьёз, веко с папилломой задергалось, как при тике, хотя голубые глаза улыбались вполне добродушно. – Да меня фатэрхен наследства лишил бы! Это девчонкам в германских семьях лафа: выбирай любую профессию, всё одно замуж иттить!..

«Что за манера под мужика косить?!» – Адам всё не мог подобрать подходящего определения.

– А наследник, знаете ли, обязан быть гуманитарием либо музыкером! – при этих словах Мунд принял позу, отдаленно напоминающую античного сатира, как его изображают на дешёвых олеографиях. – Бо ж традиция юбер аллес! Так что я, как все предки по фатэру, буддолог и тантрист...

– ...в законе... – машинально добавил Адам.

Нинлиль... то есть Линда... сидела, положив ногу на ногу. Мунд покосился на обрывки цепочки на её щиколотках и снова ухмыльнулся:

– Но не в натуре! Мы изучаем, знаете ли, только так называемые сильные силы. Одна Йога Бардо чего стоит: искусство убивать демонов и быть зеркалом демонов, а также оживлять трупы путём введения праны и осквернять их, самому оставаясь чистым...

– Я полагал, что это давно запретили, – осторожно полуспросил Адам.

– Ну, понятно, запретили – официально. А неофициально – финансируется и поощряется, обычное дело! – голос Мунда словно звучал в какой-то иной реальности. – Хотя, конечно, не так щедро, как Йога Иллюзорного Тела.

– А это что?

– А это, изволите ли видеть, сотворение големов и гомункулов.

– Иначе говоря, игра в бисер перед хазерами.

– А что Вы хотите? – голос Мунда окреп и теперь явно принадлежал окружающей Адама реальности. – Работёнка, конечно, грязная, но уж не грязнее, чем у так называемых литературных критиков...

– Кстати, о литературе! – вмешалась Нинлиль (Адам пока никак не мог отождествить её с именем «Линда», такое скорее подходило бы дебелой девахе с водянистыми глазками навывкате). – Мунд, слушай, а это правда, что «Книга Авраама» будет опубликована?

– А, что тебе-то до этого? – беспечно отмахнулся брат. – Ты что, шаманка горного племени? Или подруга разбойничьего вождя? Или, может, ваша лаборатория встречный план приняла?.. Будет, не будет... какое мне, цум тойфель, дело? лишь бы зарплата капала!.. Вас возмущает мой цинизм, Адам, не так ли? Ну да, я же вижу! Небось думаете: о, вот все они такие, эти германцы, им бы только бабло, только бы капусту стричь, да тугрики заколачивать!..

– Да ничего я такого не думаю! И вообще, Вы что, мысли читаете?

– Гм... такие – да. Легко.

– Так перестаньте! Дольше проживёте, между прочим.

– О! Это уже угроза? – Мунд как-то подобрался и вроде бы на минуту сбросил беззаботную маску, круглое его лицо приобрело квадратные очертания.

– Ну что Вы, какая, к чёрту, угроза...

К счастью, тут принесли непременно капучино, и Мунд как ни в чем не бывало принялся поучать Адама:

– Да зачем же Вы туда мускатный орех-то сыплете?! Это ведь Вам, майн херр, не кофе-гляссе или там латте флоренциано какой! Это, изволите ли видеть, напиток богов... элохимов, по-Вашему! Его смаковать надо!!

Вопреки собственным словам, свою порцию он проглотил залпом и вскочил:

– Ладно, мне надо типа бежать, а вы, кляйне вайсе фриденстаубен, гуляйте, да не загуливайтесь! И помни, майне либе швестерхен, что он тебе будет делать вид, будто покушается на твою невинность, а в действительности только ведь и думать, как бы твоей германской дас блют попить в чёрную субботу!!

– Ваш чёрный юмор устарел лет на девяносто девять, – спокойно заметил Адам.

– А что нам осталось-то? – вдруг как-то сникнув, возразил вновь скругливший лицо ариец. И, не дожидаясь ответа, исчез в толпе.

Оставшиеся в живых «гладиаторы» на экране тем временем совершили уже все мыслимые непотребства и подбирались к немислимым.

– У нас одну девочку, которая снялась в таком вот... в массовой, конечно... спрашивали потом: есть ли что-нибудь, что она бы отказалась делать перед камерой? – почти беззвучно произнесла вдруг Нинлиль.

– И что она ответила?

– Что есть человечину отказалась бы стопроцентно. То есть неважно, действительно это человечина или обычное тофу, о котором по сюжету говорится, что это, мол, человечина...

8 [В глубине музыки]

Среди бессчётного множества категорий ангелов, населяющих различные миры, есть и такие, что существовали с начала времён; они – вечная, неизменяемая часть мироздания.

А.Штейнзальц, «Роза о тринадцати лепестках»

Я сидел в ложе суперсовременного театра. Фойе так себе, но зрительный зал и сцена... превосходные. По мере того, как в зале гас свет, всё громче звучала музыка. Вначале она была похожа на средневековые пасторали, но по мере усиления громкости становилась всё более тревожной и экспрессивной. Чаше и чаще звучали барабанные россыпи. Напряжение и тревога медленно возрастали. В глубокой яме партера было видно смутное в полутьме шевеление. Стало видно, как то один, то другой человек поднимаются из кресел и покидают зал.

Я развернул программку и в электронном свете мобильного телефона разглядел надпись по тексту наискосок: «Лицам с неустойчивой психикой просмотр не рекомендуется!».

– Может, оно и к лучшему, что она не пришла...

На пустой полутёмной сцене без декораций между тем ровно ничего не происходило. С другой стороны задника, не украшенного декоративными изысками, время от времени пробегал луч, намекая на недоступную зрителям художественную жизнь, на действие и очарование, с которым не дано соприкоснуться, наполняя сознание сладким ядом неисполнившихся ожиданий: «маленькая железная дверь в стене», за которой рай, коммунизм, Эльдorado, затонувший град Китеж, Атлантида – агитпункты столь же манящего и столь же недостижимого ада.

Прошел уже почти час с момента запланированного начала спектакля, но действие всё ещё не началось. Рев музыки заходил уже за все мыслимые пределы. Я прятал голову в ладони, твёрдо решив дожидаться окончания этого так называемого спектакля. В пропасти зала подо мной уже почти никого не было. Мне даже казалось, что ушли все, кроме сияющего из первого ряда белоснежного на тёмном фиолете тьмы женского платья.

Это кипельное пятно гипнотизировало, не позволяло отвести взор, хотя смотреть, по правде говоря, было не на что, если не считать вспышек света на заднике. Нужно отдать должное режиссеру, лучше изобразить тлетворную мечту было невозможно, также как невозможно было избавиться от впечатления, что кто-то важный: генеральный секретарь, президент титульной нации, диктатор или соблазнитель самой главной жены государства – умер.

Сцена полностью погрузилась во тьму, и в тот момент, когда вибрация музыки стала столь интенсивной, что, казалось, ложа, в которой я сидел, провалится в пучину витиеватого рёва, мощный луч ударил наискосок сцены, и в его неверном, текущем разноцветными волнами сиянии белое платье из первого ряда плавно всплыло под самый потолок, куда-то к колосникам и там застыло, странно подергиваясь. Наступила звенящая тишина, которая показалась мне вечностью. Зал взорвался овацией...

Я встал, намереваясь выйти из ложи, и в момент, когда я уже был в дверях, бросил ещё раз взгляд на сцену и увидел, или мне только это показалось, как два

человека в нарядах, украшенных разноцветными перьями, за ноги тащили по полу труп человека. За трупом, уподобившимся кисти художника, стелился яркий мазок крови. Зрители наполнили зал треском кресел, шумом разговоров, шарканьем ног. Тонким голосом закричала женщина, ее невидимый голос мгновенно подхватил водоворот покидающих зал, раздался дружный хохот в другом конце зала. Складывалось впечатление, что это продолжение необычного спектакля, что все заранее отрепетировано... В фойе толчея была невыразимая. Плотная масса людей с трудом втискивалась в двери на выходе. Вдруг толпа расступилась, и в образовавшемся коридоре, хромя на одну ногу, прошел старик, одетый в форму генерала латиноамериканского диктаторского режима. Правый глаз его был выразительно закрыт черной кожаной заплатой. Навстречу ему вышла женщина. Старик остановился, и женщина что-то стала возбуждённо ему говорить. Старик слушал с каменным лицом. Когда женщина закончила, он что-то кратко сказал ей в ответ и правой рукой приподнял повязку на глазу. Женщина немедленно, как подкошенная, свалилась на каменный пол фойе. Старик вышел вон, толпа с криком сомкнулась и, в панике сбивая друг друга с ног, устремилась к выходу. Я стоял у стены, ожидая конца того, что я всё еще продолжал считать представлением. Из боковых проходов появились люди, одетые наподобие цирковых униформистов. Они, сцепившись руками, выдавливали толпу наружу. Рядом со мной стояла женщина, одетая в меха. На шее, в ушах, на пальцах поблескивали бриллианты. Её красивое лицо производило странное впечатление одновременной неподвижности и движения. Когда проход стал свободным, она направилась к выходу, и я последовал за ней. К моему величайшему удивлению, из боковой двери вышли четверо мужчин в экзотической одежде и развернули что-то подобное носилкам с паланкином. Женщина в бриллиантах водрузила себя на это подобие транспортного средства, и странный экипаж канул во тьме переулка...

Я шёл за паланкином тёмным переулком Москвы, пока он не исчез в одном из подъездов. В редких окнах горел свет. Мысли мои вернулись в обычное русло к текущим делам. Меня занимал вопрос: как мне быть с Адамом. Он действительно думает, что написал эту «Книгу Авраама», или только симулирует сумасшествие? Но с какой целью? Скорее всего, он её отрыв в букинистическом магазине. И, как нередко случается с библиофилами, не читая, поставил на полку среди тысяч собранных им за два десятка лет книг, фолиантов и миниатюрных изданий, украшенных экслибрисами.

Вспомнился его удивительный своей обстоятельностью и педантизмом рассказ, как однажды он будто бы вызвал системного администратора, чтобы починить вышедшей из строя компьютер. Системный оказался молодой миловидной женщиной. Она вошла с мороза, отряхнула шубку и рассмеялась:

– Что, не ожидали?

Действительно, он скорее ждал сумрачного субъекта с паяльником и микросхемами. А тут...

– Не беспокойтесь, починю Вашу машинку.

Она села к компьютеру и вытащила сверкнувший под лампой диск.

Адам не столько смотрел за быстрыми манипуляциями на экране, сколько...

– Меня зовут Адам... Можно узнать Ваше имя?

– Адам? Надо же! А меня, как ни странно, – Сара.

– Сара? А я почему-то подумал: Ева. Что, действительно Сара?

– Паспорт показать?

Она тряхнула золотистой гривой.

В этом месте магнитофонная запись расходится с журналом наблюдения, в котором чёрным по белому было записано, что голова девушки была бритая. Нереальность несовпадения записей только подчёркивалась нереально подробными воспоминаниями Адама. Во время размышлений об этом у меня возникло навязчивое впечатление, что я сам перевоплотился в своего клиента, в каком-то смысле став Адамом, но на потеряв при этом самоидентичности. Вот я по-прежнему бреду в тусклом уличном московском сиянии, в то время как перед Адамом в атмосфере его квартиры засквозил ветерок сумасшествия...

Сара вскоре закончила возиться с программами:

– Вот теперь всё в порядке. Можете пользоваться. С вас сто пятьдесят рэ.

Адам вытащил заранее приготовленную сумму.

Сара оглядела стены, заставленные книгами:

– Сколько у Вас...

– Хотите посмотреть?

Она, не отвечая, молча подошла к полке и наугад вытащила книгу с золотым тиснением на корешке:

– «Книга Авраама»?

Адаму стало немного не по себе. Во всяком случае, так он утверждает. Он так мне и заявил: «...мне стало не по себе, когда она обратила внимание именно на эту изрядно потрепанную, скорее похожую на тетрадь с записью кулинарных рецептов, книгу...». Правда, это его заявление не заслуживает особого доверия, поскольку, судя по его словам, он вообще часто чувствует себя не в своей тарелке. Меня не переставало удивлять, насколько искусно он имитирует паранойю.

– О чём эта книга? – Сара приставила красиво и затейливо накрашенный ноготь к потрёпанному подобию корешка, и Адам увидел малюсенький лаковый череп на её ноге.

– Действительно, о чём?

Адам поймал себя на мысли, что в собравшейся апокрифической компании никто ни о ком и ни о чём относительно друг друга не знает. Череп на ноге усилил его беспокойство.

– Недавно купил и не читал пока, всё как-то некогда...

Сара осторожно открыла книгу на середине и вместо привычного чёрным по белому тексту увидела вставшего из бездонной глубины страницы ангела.

– Вот это да!!!

Это было похоже на какой-то сверхсовершенный голографический фильм.

Ангел с не меньшим удивлением смотрел на Сару и Адама.

– Как тебя зовут, ангел? – Сара протянула руку и попыталась на маникюрным ногтем дотронуться до крыла.

Ангел вылетел из книги и зазвенел тихой музыкой.

Сара засмеялась:

– Что это, гипноз?

В глубине музыки, которая исходила из ангела, пролетали простые понятные мысли, для которых не находилось слов.

И тут началось...

Адам рассказывал мне эту историю на каждом сеансе. Я уже столько знал про «Книгу Авраама», что временами её существование начинало в моем сознании занимать место в реальности.

Но когда во время сеансов я просил Адама принести и показать мне «Книгу Авраама», взгляд его рассредотачивался, он погружался в себя и в глубокое молчание, откуда его уже невозможно было извлечь.

С Сарой была точно такая же история. Иногда он называл ее госпожой Эн. Именно в эти моменты возникала главная путаница. Описание госпожи Эн разительно не совпадало с описанием Сары. Иногда мне даже казалось, что две, а то и три женщины слились в измученном воображении Адама в одну.

Но самое интересное и постыдное произошло на последнем сеансе. Адам внезапно вышел из оцепенения, остро глянул мне в глаза и пробормотал:

– Ради всего святого, Монтрезор!..

И расхохотался. Необидно, даже дружелюбно – но уж лучше бы обидно.

Я вдруг отчётливо понял, что в его представлении я – не более чем созданный его фантазией персонаж. И не один я, а и все мои сотрудники, и весь этот стиснувший нас город, огромный и уродливый, заплёванный и засмученный, бывшая столица бывшей древней империи, о которой уже почти никто ничего толком и не помнит, хотя даже главная станция давно заброшенной подземки всё ещё называется «Имперская»; город, где зимой и летом грязный асфальт облеплен грязным снегом, из которого там и сям торчат обглоданные псами конечности мертвецов с прошлых войн и гладиаторских игр; столица, чьё население давно забыло староимперский язык, не говоря уже о древнеимперском, и обходится путаным жаргоном, состоящим из двух глаголов и семи существительных, так или иначе означающих экскременты, гениталии и анально-генитальные контакты, причем этого набора, как ни странно, вполне достаточно для выражения довольно сложных, хотя и безнадежных намерений и определения замысловатых, хотя и бессмысленных действий... место, вмещающее отчаяние места, вмещающего отчаяние... города и меня нет в действительности, нет и не будет, а Адам... но он продолжает придумывать этот мир, окружающий город... мир, в котором никогда не было цузамментодта, но зато был...

Неожиданно мне пришло в голову, что Адаму, если бы он сейчас мог прочесть мои мысли, стало бы смешно. Чем-то он теперь занят?... Возможно, мысленно обласкивает очередное приобретение для своей коллекции оружия – какую-нибудь великолепную гвизарму. Красотку, от которой я и сам бы не отказался...

Из за угла смутно проявилась мужская фигура... Адам?! Да, это он. Лёгко на помине.

– Вышли на прогулку?

Адам приподнял воротник осеннего не по сезону пальто, спрятав за ним половину лица:

– Гуляю... Вот подумываю, не купить ли мне гвизарму? Такая красotka, хоть и новодел! Скопировано даже клеймо в виде однокрылого ангела, предположительно обозначающее прямое происхождение гвизармы от

двулезвийного лабриса... Ну да вы, как мне кажется, старинным оружием не интересуетесь?

Адам ошибался, но я счёл за лучшее промолчать. Именно оружие и только оно одно интересовало меня как источник его неизлечимого психоза.

– А у Вас что новенького? – вежливо поинтересовался он, и я рассказал ему под видом жизненного случая старый анекдот о пациенте, чьё состояние резко ухудшилось: раньше он считал себя Лопе де Вегой, а теперь утверждает, что он – Эса де Кейрош.

Адам усмехнулся:

– Эту хохму я слышал лет двадцать пять тому назад, только тогда в ней фигурировали Шекспир и Вампилов... Кстати, в Вашем варианте это скорее уж улучшение!

– Хотите, я подарю Вам пулемёт «Льюис»? Настоящий, в прекрасном состоянии!.. – осведомился я напоследок, поддерживая соответствующий случаю уровень бреда. – С полным комплектом пулемётных лент!

Адам посмотрел на меня иронически и выдержал паузу:

– А противотанкового ружья у Вас, часом, не найдётся? С полным комплектом панфиловцев, а? Вы, кажется, забыли, что меня не занимает вооружение трусов, убивающих на расстоянии. Тут он, видите ли, что-то нажал, а там вдали кто-то упал... Я коллекционирую холодное оружие. Старинное холодное оружие! Из огнестрельного меня интересуют только снайперские винтовки, и они у меня уже есть, полный набор.

– Да, но ведь всё же не какой-нибудь новодел. Прямо из окопа первой мировой войны! – по инерции усиливал я свой нажим. – А вы мне за это дадите почитать книгу Авраама... А?

Лицо Адама мгновенно стало непроницаемым. Он ещё выше поднял воротник и уже на ходу бесцветным голосом уронил:

– Давайте отложим этот разговор. Увидимся, как обычно, в среду.

– А хотите противопехотную мину?! – пустил я в досыл, не испытывая ни малейшей надежды на успех. Адам, казалось, не услышал, он сгорбился и, повернув за угол, исчез.

Я стоял, не зная, померещился ли мне этот эпизод или он имел место на самом деле. Если так пойдёт дальше, то мне, похоже, самому придётся приискать себе подходящего психотерапевта...

Наконец-то я оказался у цели. Её окно отпечатывало в снегу отчётливый квадрат света. Я поднял голову. В окне второго этажа проявился силуэт женщины с нимбом светлых волос, из-за спины высвеченных галогенной лампой.

Она помахала мне рукой. Я оглянулся по сторонам и неожиданно понял, что нахожусь в совершенно незнакомом районе города...

9 [Несколько следующих минут]

М а р к и о н. Несомненно, Создатель не есть истинный Бог!
Г.Флобер, «Искушение святого Антония»

– Есть хочешь?

– Интересно, почему мужчины никак не могут понять, что женщины едят гораздо меньше их? Классика, казалось бы, а вот нет!.. Не хочу я есть! Когда захочу, скажу! Покажи лучше свою берлогу... в тот раз я только и рассмотрела, что ванную и кухню.

Несколько следующих минут она передвигалась от полки к полке, а он ею любовался, что она, конечно же, видела, но делала вид, что не замечает. Потом сняла со стены двуручный меч и обернулась к Адаму:

– Ты так любишь оружие? У тебя этим металлоломом вся квартира забита.

– Ну уж и вся...

Адам покосился в угол комнаты, где под стеклом стояли две снайперских винтовки, Баррет 82А1 и Маузер К98. Третья, крупнокалиберный Ремингтон М24, лежала в футляре в разобранном виде.

Его несколько задело, что книги её явно не очень заинтересовали – но, может, оно и к лучшему. Та, другая, которую интересовали только книги (оружие она, казалось, не заметила), вообще исчезла, не успев появиться...

Нинлиль попыталась сделать выпад. Адам перехватил её руку:

– Во-первых, надо брать двумя руками. Это же двуручник!

– Альшпис?

– Да нет, альшпис вообще не меч, скорее тяжёлый кончар. А это – эсток обыкновенный. Смотри, правой рукой берёшь здесь, у перекрестья, а левой – вот так, за нижнюю часть...

– Всё равно ужас как неудобно... тяжеленный...

– А во-вторых, это оружие вообще не для женщин. Тебе больше подойдёт вот хотя бы это... – он вытащил из книги служивший закладкой стилет и протянул ей. – Можешь носить за корсажем.

– Начать с того, что я корсаж не ношу и даже не уверена, что видела его хоть когда-нибудь.

– Ну и не надо. Можно и в сумочке.

– Никогда в жизни не таскала с собой сумочек! Никогда!! Терпеть их не могу!

– Вот это да... – он вдруг сообразил, что действительно ни разу не видел её с сумочкой. – Подожди... а в чём же ты носишь...

– Что?

– Ну... всякий...

Играя стилетом, она направила его в грудь Адаму:

– Хлам?

Адам, подобно матадору перед разъярённым быком, сделал шаг в сторону:

– Ну... да.

– Вот ты сам и ответил, – она отложила стилет. – Ну скажи, на кой чёрт мне таскать с собой хлам?

– Нет, ну... это... пудра, помада... вообще косметика... расческа, наконец!

– Не употребляю, извини.

– А... ну, деньги там, чековую книжку, кредитку, телефон...

– Никогда не ношу с собой.

Она уже вертела в руках небольшой морской кортик, как заправский пират, пробуя ногтем остроту лезвия.

– А как же ты...

– А вот так.

Она подкинула кортик и на лету подхватила его за рукоять.

– Но...

– Нет. Лучше не вникай.

Нинлиль отложила кортик, открыла футляр с Ремингтоном и вытащила затвор, поблескивающий смазкой.

– Ага, понятно, – дипломатично кивнул Адам, хотя ему ничего понятно пока не было. Без косметики вроде бы можно и обойтись, без расчески, допустим, тоже... но без кредитки... вообще без денег... ну и дела!

– Постой! вот зашла ты в кафе, перекусить или выпить кофе – как расплачиваться?

– В тех кафе, где я обычно бываю, меня хорошо знают и кормят в кредит. Потом присылают счета на дом. То же и в магазинах... – она небрежно сунула затвор обратно и закрыла футляр, из которого только что его достала. – Кое-где меня вообще обслуживают бесплатно – я им оказываю разные ответные услуги. Нет, не те, что ты подумал.

– Гм... да я вообще ничего ещё не подумал.

– Ну да, ну да. Знаем мы вас... Короче, у нас есть довольно разветвлённая сеть своих точек, чтобы можно было продержаться не меньше полугода, если, допустим, ты потерял работу или ещё какое чэпэ. Всегда есть куда в крайнем случае пойти поесть, помыться, сменить одежду, переночевать, поработать у компьютера, даже сделать массаж...

– Ничего себе!

Адам пытался перевести разговор на книги, продвигаясь всё ближе к книжной полке. Нинлиль, делая вид, что не замечает его маневров, усмехнулась.

– Так-то, мой сладкий.

– А вот это выражение, прошу тебя, не употребляй больше ни при каких обстоятельствах! Ни при каких! Терпеть его не могу! Договорились?

Она покосилась на него и чуть помедлила с ответом:

– Договорились – хотя вообще-то я не обязана подчиняться твоим комплексам. А если это моё любимое выражение, тогда как? Ну да ладно; а ты пока не расспрашивай меня больше о том, как можно выжить альтернативно. Договорились? Придёт время – расскажу, покажу и познакомлю... может быть. Так ты даришь мне стилет?

– Оружие не дарят, тебе придётся купить его. Хотя бы за один цент.

– Так, а это ещё почему?

– Примета такая.

– Да? Я знаю примету, что платки дарить нельзя: к слезам.

– Вот, а оружие – к крови. Так что с тебя цент... а, да ты же вообще без денег!

– Буду тебе должна... Ладно, а это что?

– Байдана... ну, кольчуга. Моя мечта с детства.

– Здесь на кольцах какая-то надпись...

– «С нами Свет, Отец Величия!»... это на уйгурском.

– То есть вроде как заговоренная?

– Типа того.

– Тоже тяжёлая. И ведь её надевают на какую-то одежду?

– Конечно. На гамбизон...

– На что? А, поняла – на клаппенпанцер.

– Ну... – Адаму было совершенно не до тонкостей, – в общем, да, на кожаный жилет. Вот как твой...

– Эй! Надевают, а не снимают!..

– Угу...

– ...Тот, Кого Не Называют По Имени, да?

Солнце заливало веранду, и Адам не имел ничего против того, что она стояла к солнцу спиной, и его лучи слепили ему глаза, но просвечивали её насквозь.

– Нет, у нас нет такого вообще, ты напрасно интонируешь. Не «Тот, Кого Не...» и так далее, а просто – тот, кого не называют по имени. Пойми, мы совершенно не испытываем пиетета к именам; все эти Митра, Кернуннос, Вишну, Барбело, Иешуа, Пан...

– Ньярлатотеп и Ктулху...

– ...вот именно!.. это ваши и только ваши заморочки, апофатические и прочие. А для нас и слово «бог» почти что... ну... можно сказать, неприличное... а уж «Бог» тем более. Я ж тебе говорила...

– Говорила, ещё когда мы познакомились, я помню...

– Ну вот.

– Но послушай, радость моя...

– Так! А вот такими словами бросаться надо тем более осторожно!

– Осторожность – это не еврейская добродетель, в конце концов! Это уж скорей к вам, нордической расе! Осторожно, понимаете ли, сунуть руку в пасть Фенриру, чтобы он её не менее осторожно откусил!

– Полегче-полегче, мой верный друг, мой ветреный любовник! А то я тоже как скажу что-нибудь про вашего Моцарта...

– Нашего?!

– Ну, то есть... я хотела сказать: Моррисона...

– Это все биофизики такие грамотные, или только ты?

– Ой, ну что я, в конце концов, должна помнить всех ваших зморовичей?!

Заметь, я же не интересуюсь, зачем у тебя в доме целый арсенал снайперских винтовок!

– Ага, понял!.. – Адам сделал вид, что он не расслышал её последнее замечание, и продолжил, импровизируя:

– Все безнравственные танцы напридумали германцы!..
– А евреи в тишине молча молятся Луне! – в тон ему откликнулась
Нинлиль.
– Вышел Людвиг тут... Баварский...
– Точно Минин-и-Пожарский...
– Я, – сказал, – космополит...
– Надобно меня полить!!.
Смех, два громких всплеска.
Долгая пауза.
– А что бы мы делали без бассейна?
– Полагаю, мы бы делали это в ванной...
Плеск...

Наблюдатель на крыше напротив неторопливо снял визир со штатива и, также не торопясь, размонтировал и разложил по сумкам звуко- и видеозаписывающую аппаратуру...

10 [Мне уже никогда]

В те времена — тому уже пятнадцать лет — я был таким нехристом,
что не отшатнулся в ужасе, увидев рядом с собой ведьму.

Проспер Мериме, «Кармен»

Сара дотронулась пальцем до сияющего оперенья. Ангел отлетел в сторону и заплакал. Сара растерянно оглянулась. Адам ничего не видел или делал вид, что не видит. Он перебирал какие-то бумаги, бормоча себе под нос. Сара попыталась поймать ангела, как ловят бабочку или муху. Ангел снова отскочил и заплакал громче. Сара подумала, что теперь ей не миновать визита к психотерапевту, но любопытство пересиливало чувство нереальности и какой-то необычной опасности. Казалось, что она и ангел находятся в одном мире, а Адам со своими делами в другом. Некстати всплыло воспоминание о лекции по эвереттике. Тогда она думала, что это всего лишь метафоры. Но ангел... ангел не исчезал. Он плакал всё громче, Адам же на его плач не обращал ни малейшего внимания. Он закрыл «Книгу Авраама», аккуратно поставил на полку, точно на то же место, откуда её только что взяла Сара, и включил отремонтированный компьютер. Постепенно сквозь бурные всхлипы ангела стали просачиваться подобия слов. Саре показалось, что она слов не понимает, но каким-то образом улавливает их смысл:

— Что мне теперь делать? Мне уже никогда не вернуться...

Ангел начал метаться по комнате, громко хлопая крыльями, ударился о штору на окне, о стекло, затем вылетел в коридор. Сара побежала за ним, входная дверь была открыта. Ангел уже метался на лестничной клетке.

Сара бежала по улице, натываясь на прохожих, пытаясь не потерять из виду поднимавшегося всё выше ангела. Теперь ей казалось, что если она не сможет его догнать, случится что-то непоправимое. Ангела было плохо видно. Откуда-то потянуло дымом, толпа становилась всё гуще, люди смотрели вверх, туда, где белой точкой мелькал в клубах дыма ангел...

— Стой неподвижно и смотри на мою правую руку!

Перед Сарой стоял крепкий сухощавый старик. Она перевела глаза на его руку. Блеснул камень перстня. Сара уже не могла отвести глаз от этого блеска. Боковым зрением она продолжала видеть ангела, который теперь не метался в беспорядке, а нарезал круги в густеющем от дыма воздухе.

— Смотри на перстень и иди за мной! — властно проговорил старик, и Саре его голос показался громом небесным. Казалось, что звук исходил изнутри головы. Хотелось скрыться, убежать, но удерживал ангел, который теперь подлетел к её виску, и казалось, что своим серебряным крылом он нежно касается пряди её волос. Да и всё равно бежать она не могла, старик и его сияющий перстень как-то держали ее.

Вдруг старик остановился и стал не то чтобы нереальным, но каким-то бесплотно-покачивающимся. Ничто больше не удерживало взгляда Сары. Она увидела себя в круге зрителей, наблюдающих за странным танцем. Женщина в центре круга напоминала Саре испанку, не настоящую, а такую, как изображали на коробочках пудры, которой пользовалась её бабушка. Мужчина в широкополой

шляпе, нагнувшись над гитарой, терзался тоскливой мелодией, и сияющая зубами вставной челюсти улыбка не сходила с его лица.

Эсти парлемо ресто
Вармо софи заморро...
Дрэйри арзни туррано,
Хлимо авви турраа...

Тут Сара с ужасом осознала, что люди рядом с ней говорят на абсолютно непонятном для неё языке.

– Где я? – она не произнесла, а скорее подумала это.

Ей ответили дробный перебор гитарных струн и сплетающийся со звуками музыки голос ангела:

– Ты сейчас меж мирами. Это обитель теней...

Наступила тишина, которая бывает в камере пыток, когда уставший палач отправляется попить пива и закусить воблой...

И в наступившей тишине отчетливо слышался цокот подков.

Гитарист опустил свой инструмент, испанка подобрала юбку, ангел присел Саре на плечо, и она с изумлением увидела, как из переулка, торжественно выступает, цокая копытами, самый настоящий кентавр. Лица его, впрочем, она не видела, так как оно было замотано чёрной тряпкой, и ей сразу подумалось, что лучше бы это лицо и не видеть. И стоило ей это подумать, как руки кентавра потянулись к тряпке и начали её разматывать...

Зрители с криками бросились в стороны. Только похожая на испанку танцовщица не поддавалась панике. Не дожидаясь, пока кентавр разматывает тряпку на лице, она рванула за край, материя с треском разошлась, обнажив худое старческое лицо с чёрной кожаной повязкой на правом глазу.

Разбегавшиеся в стороны зрители уличного представления теперь метались в ужасе, бестолково и беспорядочно. Гитарист споткнулся и завалился на бок, гитара с жалобным звуком отлетела под колёса пролетавшего на бешеной скорости автомобиля и хряско разметала по мостовой мелкую щепу осколков. Гитарист задрал полу своего черного фрака и замер, как замирают насекомые, обнаружив на себе взгляд птицы.

– Рви когти! Когти рви!..

Голос танцовщицы срывался на крик. Саре стало казаться, что мир вокруг утратил отчётливые очертания и превратился в серию вспышек, каждая из которых неузнаваемо меняла предметы: платье танцовщицы превратилось в лохмотья, которые случается видеть на пугалах, лицо её, прежде молодое, теперь с каждой вспышкой старело на глазах. Сара тянула к ней руки, ей казалось, что пространство между нею и этой женщиной стремительно растёт так, как будто она стоит на ковровой дорожке, и кто-то сзади с нечеловеческой силой вытягивает её из-под ног.

Руки кентавра до боли сдавливали Саре грудь, и на затылке она чувствовала его горячее дыхание.

Наконец, убежавшая из-под ног земля втянула Сару в переулок, откуда только что появился кентавр. Замелькали пролетающие мимо фасады, копыта

кентавра выбивали дробь о мостовую. Сара, как огромная кукла, вздрагивала всем телом при каждом цокоте. Вокруг не было ни души, в полдень в центре города это было ещё более странно и страшно, чем оказаться в лапах кентавра. Сара всё время пыталась запомнить улицы, по которым её тащил загадочный урод. Но, к своему ужасу сознавала, что город ей совершенно не знаком. Чем дальше они скакали, тем сильнее проявлялся восточный колорит. И вообще Саре стало казаться, что вокруг неё мелькают какие-то доисторические постройки, постепенно вытесненные бесконечной глинобитной стеной.

Наконец, кентавр остановился и швырнул Сару в густую траву на обочине пыльной дороги. По инерции Сара перекатилась на спину, и глазам ее предстала промежность кентавра с возбужденным, достающим почти до земли достоинством. Кентавр стоял, растопырив в стороны задние ноги и опустив низко голову. Казалось, он сам любовался открывавшимся под его собственным брюхом видом.

– Ну всё, мне конец!.. – вихрем пронеслось в мозгу у Сары, и она резво, как будто ее подбросили, вскочила на ноги.

«Бежать, куда попало, только бежать!..» – она неслась, подобно вихрю, вдоль глиняной стены, забитой местами кусками фанеры, оцинкованными плоскостями бог знает в кои времена изготовленных корыт и даже блестящими умбонами древних медных щитов. У нее за спиной раздавался громовой хохот кентавра...

Вдруг прямо перед собой в стене Сара увидела деревянную калитку с облупившимися остатками когда-то зелёной краски. Сара рванула калитку на себя и оказалась по другую сторону стены. Она была готова поклясться, что в тот момент, когда она бросилась к спасительной дверце, был полдень, всюду сияло солнце в зените, но здесь, на этой стороне стены, была глубокая ночь. Сильно пахла цветущая сирень, хотя какая сирень может цвести поздней осенью? Крупные неподвижные звёзды сияли на чёрном бархате неба. Горел, потрескивая и разбрасывая искры, костер, возле которого сидели двенадцать наголо бритых мужчин в совершенно одинаковых чёрных фраках.

Ни один из них даже не взглянул на Сару. Это её почему-то обрадовало, и она не спуская с них взора, стараясь двигаться по возможности бесшумно, стала пятиться во тьму за спиной... Больше всего в этот момент она хотела оказаться дома.

11[Ночь, если потерять веру]

В руке у меня был полированный камень,
Из него струился кровавый пламень,
И грубо было нацарапано слово: «Αβραξας»
М.А.Кузмин

Ночь, если потерять веру в себя, может притвориться слепотой. Немыслимой вечной тьмой, в которой не цветёт ни одна метафора, ни один кённый не тревожит воображение... Но этот ночной колпак на голове, эта запутавшаяся в ногах ночная рубаха... Эта попытка прорваться в запредельное...

Адам отбросил руку с батиста кружев...

Гладкая кожа на её груди ласковым шелком шевельнулась под ладонью: осязательная излюбленная граница, за которой только кровь, хлипкое таинство тела.

Адам повернулся на бок к её тёплому дыханию, и тут же разделённые наслаждением тела слились в абстрактный, единственно возможный метафорический архетип – гермафродит. Сама собой сложившаяся строка любви, наполненная невыносимой нежностью и одновременно великолепной воинской доблестью, золотым отблеском повернулась в сознании... Узеньким горным перевалом в затерянный мир сошедшего с ума фантаста.

Адам сел и погрузился в пену кружевных простыней и подушек, бессильно пытаясь сморгнуть непроницаемую мглу ночи, среди которой призраком подвенечного платья, покачиваясь на волнах невидимого пламени, выплыло из двери спальни и растворилось в стене...

– Жена! Жена! Свечу! Свечу запали!..

Босоногие шлепки... колебание зловещих длинных теней от предметов, и она на коленях под пологом их роскошного ложа: золото волос и россыпь веснушек...

Перо брызжет чернилами, кляксы по всему белому полю бумаги, по простыни, по лицу жены, по рукам... кляксы... повсюду кляксы, не разобрать ни слова... весь мир вокруг превращается в громадную кляксу, за которой рай радости и покоя... святы слова священной песни...

В гневе он откидывается на подушках, вся грудь в сладкой испарине ускользающего и вновь возвращающегося сна.

Она задула свечу и легла рядом:

– Что тебе приснилось, душа моя?

Голос её ласков.

Он бросает перо, поворачивается лицом к мягкому великолепию ковра на стене, спиной к её нежному теплу.

– Спи. Не тревожься. Это всё писанина... вирши... Ангелы мучительного воображения... Спи.

Она явственно посапывает в предсонии. Печалится. Ода не складывается. Императрица будет недовольна. Что за наказание?..

Как ему в сотый раз победную баталию изобразить?

Адам закрывает глаза, и виселица за виселицей раскачивают своих повешенных на текучем фоне великой реки.

Страх разрывает рот ночным криком... он пытается вновь и вновь снится самому себе, и теперь он уже не видел, но слышал стихотворение, очень неплохое стихотворение, и, проснувшись в следующий сон, он его помнил, хоть и был недоволен первой строкой, у которой хронал размер, и начал повторять про себя, чтобы не забыть, хотя все окружающие в этом сне словно сговорились мешать ему: кто-то ходил вокруг, кто-то громыхал помойным ведром, кто-то благим матом вопил вдалеке, кто-то, натужно шипя, ругал кого-то за какую-то ерунду... и тогда он решил записать – сперва на крохотных клочках, потом на полях газеты, затем – ...ташизм какой-то... разорванное сознание рвёт на клочки бумагу, не даёт состояться последовательной записи.

Логика этой мысли оборвала сон, взгляд Адама упал на тёмное мерцание монитора. Весь стол и пол вокруг, усеянные клочками бумаги, выглядели всё ещё нереально. Не желая покидать счастливого течения сна, он подумал, что надо бы, пока не поздно, внести в компьютер... как это сразу в голову не пришло... об этом и мысли не было, да и компьютера в этом сне тоже не было, и сам он был явно намного моложе и в явно более молодом мире, без каких бы то ни было компьютеров... счастливо и яростно молод, в молодом и почти счастливом мире, где ещё не додумались записывать стихи, долбя скучно похрюкивающие клавиши... Он тяжело поднялся с перекрученной постели, надавил на кнопку, зелёный огонёк замерцал в полутьме... теперь надо сосредоточиться...

Слова плыли и ускользали из сознания... Адам начал лихорадочно поднимать клочок за клочком, пытаясь вспомнить, запечатлеть, сложить вместе, воскресить... но как только сложить обрывки удалось, он увидел стихотворение превратившимся в кое-как накарябанные, ползущие вверх и вниз строчки с нелепыми сокращениями и обрывами...

Сильный порыв ветра распахнул окно. Нереальный, фиолетовый по краям, разлом неба ночной молнией. Страшный раскат грома, так, наверное, рвётся танковая броня... вихрь взметённых клочков окончательно спутал гениальные строки... смесь печали и облегчения... перформанс разметающейся пурги стихотворения на фоне вновь безжизненно обвисшей занавески, ничуть не напоминающей бунинскую «тяжёлую завесь», прикрывающую вечно мёртвую Коломбину, ожившую в мире, где уже невозможно восстановить лирику порока и покаяния...

Он сразу понял, просыпаясь уже по-настоящему, что сейчас стихотворение будет забыто окончательно...

Обидно. Не так часто теперь снятся стихи... да и вообще мало что стоящее снится... но и то сказать: если бы стихотворение сохранилось – не означало ли бы это, что ему удалось добиться совершенства и, следовательно, жить далее незачем...

Ладно, могло быть хуже – вот хотя бы тот недавний сон, когда ему приснилось, что он пытается провернуть «69» с огромной – соляристической! – негритянкой; сон, доведший его тогда до поллюции, как подростка!.. любовники взорвавшейся Хиросимы, намертво впечатанные в обуглившийся бамбук спальни... тьфу ты, этого мне только не хватало – говорить красиво!!

Он поднял голову и сквозь темноту дверного проёма посмотрел на спящую в другой комнате Нинлиль.

Её камень сиял рядом с подушкой. Она никогда не расставалась с ним и не разрешала его трогать...

Сколько же ей действительно лет?

А сколько лет ему самому?..

Нинлиль заворочалась под его взглядом, открыла глаза и приподнялась:

– Эй! Ты чего не спишь?

– Да вот... как-то так... не сплю...

– Давно?

– Не знаю...

– Понятно. Иди сюда... нет, не с этой целью! Устраивайся вот тут и не крутись, чудище... руки!.. нет... ну, слушай! Я тебе сказку расскажу...

– Одну?

– Одну. И не перебивать ни разу, ясно тебе?

– Угу... – Адам закрыл глаза и вновь не то задремал, не то сквозь дрему увидел...

– Некий юноша из простолюдинов... хотя иные рассказывают, что, напротив, он был из старинного, но обнищавшего рода, – голос Нинлиль становился все глуше и доносился сквозь подступающие волны сна откуда-то издалека, – бродил однажды по городскому рынку, рассчитывая подработать у кого-нибудь в качестве носильщика. Однако никто не нуждался в его услугах, и он уже совсем было отчаялся, когда какой-то старик с длинной седой бородой, нагруженный покупками, подошел к нему и сказал:

– Хочешь немного заработать? Неси это за мной.

Юноша подхватил свёртки и потащил за стариком. Они шли долго и, наконец, подошли к дому, стоявшему на отшибе. Снаружи дом ничем не был примечателен, но внутри сверкал роскошью. В большом зале вокруг стола сидели несколько дряхлых старцев, их белые бороды мели пол, а глаза были красны, потому что они непрерывно плакали.

– Не обращай на них внимания, – сказал юноше приведший его старик, – они уже впали в детство. А у меня есть для тебя постоянная работа.

Он подошел к сундуку, стоявшему у стены, и поднял тяжёлую крышку. Сундук был полон золотыми монетами.

– Каждое утро ты должен брать из сундука горсть золота, – сказал старик, – идти на рынок и покупать еду и всё необходимое для нас. Сдачу можешь оставлять себе, это будет твоя плата. Также тебе придется присматривать за старцами, чтобы они не натворили чего-нибудь, хоть это и маловероятно. Берёшься?

Юноша с радостью согласился и какое-то время исполнял эту несложную и хорошо оплачиваемую работу. Прошло несколько лет, сидевшие вокруг стола старцы один за другим ушли в мир иной, и вот следом за ними собрался старик, который был хозяином. Он призвал к себе юношу, протянул ему связку ключей и сказал:

– У меня нет близких и наследников, но ты был хорошим слугой, поэтому и дом, и золото, и всё прочее, что тут есть, я оставляю тебе. Вот ключи от всех комнат в доме, заходи в любую, владей, всё это теперь твоё. Но – вот этот маленький ключик вон от той небольшой дверцы, видишь? Так вот её не отпирай и не входи туда никогда! Никогда, ты понял меня?!.

И с этими словами старик покинул этот мир.

Юноша стал осматривать дом, привыкая к свалившемуся на него богатству. В одной комнате он обнаружил драгоценные камни, в другой – великолепное оружие, в третьей – достойные короля одежды, которые он тотчас же примерил и не захотел снимать... Но чем дальше, тем больше тянуло его заглянуть в запретную комнату. И, наконец, он порешил так: «Да я только открою и загляну одним глазком, а заходить туда не буду!».

И открыл дверцу. Но за ней была полная тьма. Он вытянул шею, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь, но ничего не увидел... и, пошатнувшись, нечаянно шагнул вперед. Дверца захлопнулась за ним, и отпереть её изнутри ему не удалось. Он был в полной темноте, и ему ничего не оставалось, как наощупь идти вперед – комнатка оказалась подземным ходом. Он шёл долго, и, наконец, впереди показался свет выхода. Он ускорил шаги, вышел из подземного хода и увидел, что стоит на берегу дивной красоты озера, по которому к нему плывёт лодка с тремя роскошно одетыми девушками. Лодка ткнулась в берег, девушки поклонились ему и в один голос сказали:

– Государь, не угодно ли войти в лодку, дабы мы могли доставить Ваше королевское величество во дворец?

Юноша возразил:

– Вы меня с кем-то спутали, я вовсе не король.

Но девушки заверили его, что они отнюдь не ошибаются, ибо по законам их страны пришедший в это время на это место должен стать супругом их королевы; во дворце сейчас уже всё готово к свадьбе, столы накрыты, гости собрались, и королева надела свадебное платье, а они – её придворные дамы и срочно посланы ею именно за ним!

Юноша вошёл в лодку и прибыл во дворец. Королева была молода и прекрасна, свадебный пир был воистину королевским, и юноша почувствовал себя совершенно счастливым. Особенно когда сразу после свадьбы королева поведала ему, что по законам их страны правит – то есть судит, распоряжается и за всё отвечает – она, тогда как король только царствует – то есть показывается по праздникам народу, принимает послов, возглавляет пиры... словом, у него – все права государя, а у неё – все обязанности. Юноше такое распределение показалось вполне справедливым, и некоторое время он наслаждался королевской жизнью, пока на страну не напали враги.

Королева сообщила ему, что по законам их страны она же является и верховным полководцем, посему должна теперь же отправиться с войском на войну, а королю в её отсутствие придётся выполнять её обязанности. Она вручила ему связку ключей от всех дверей во дворце, пояснив, что вот этот ключ – от сокровищницы, тот – от оружейной палаты... а вот этот маленький ключик – от вон той небольшой дверцы, видишь? Так вот её открывать и входить туда – нельзя! Никогда! Ни в коем случае!!.

Не успела рассеяться за войском пыль на дороге, как король решил:

«Мне и там было запрещено входить в маленькую дверцу, но я нарушил запрет и не прогадал! Вероятно, мир, в который я попаду теперь, будет настолько же лучше этого мира, насколько этот лучше того, откуда я пришёл сюда!».

Он открыл дверцу и, как и в первый раз, оказался в темноте; долго шёл наощупь, пока не увидел свет. Он прибавил шагу и вышел из той маленькой дверцы, в которую вошел в своём доме, – казалось, совсем недавно, но, поглядев на себя, увидел, что у него выросла длинная седая борода. Он сел к столу и заплакал...

– Весёленькая история... – сонно пробормотал Адам. – Идиотизм какой-то: она чем-то напоминает мой кошмар...

– Вот именно! А теперь спи...

Проваливаясь в сон, он ощутил, как Нинлиль встала с постели, но не было сил сопротивляться сну...

12[Мы стремимся быть]

...Шли колонны солдат, дребезжали оружием миражным...

А.Парицков

...И как тонкие вши, шевелились на них номера...

А.Ерёменко

...И мы их разбили. Тут с гор подошли касситы...

И.Кутик

Душная прель ещё не перегоревшей свежескошенной травы приятно щекотала ноздри. Через блеклые покачивания травинок сияло Страпаролу лицо мальчика.

Как получилось, что они оба оказались в этом сенном сарае? Разве он не этого мальчика застрелил ночью, когда пуля медленно плыла над водой, ввинчиваясь в тёмные провалы времени... или вечности...

Но нет. Если в этом мире что-то и было реальным, так это мальчик напротив него и душный тёплый запах свежескошенной травы.

Мальчик пошевелился. Голос его. Ещё ломкий, но уверенный, напоминал... Страпарол не мог понять, кого напоминал ему этот голос. Возможно, его самого в детстве.

– Скажи...

Мальчик снова пошевелился, и лицо его поплыло сиянием вопросительной улыбки:

– Скажи, что такое Возрождение.

– Возрождение...

Страпарол на секунду потерялся от неожиданности вопроса.

– Возрождение... Понимаешь, было великое переселение народов. В Европе в это время жили люди...

– А что такое человек?

– Ну, как тебе сказать... Есть три вида людей: homo erectus, homo habilis и homo sapiens. Что означает: человек прямоходящий, то есть поднявшийся с четверенек, человек обыкновенный, то есть такой, как большинство окружающих нас людей, и человек разумный.

– А чем они отличаются?

– Как же тебе это объяснить? Человек прямоходящий – это такой человек, который всё время хочет есть и постоянно учится отнимать еду у других. Человек обыкновенный – это такой человек, который постоянно желает увеличивать территорию и по этой причине непрерывно вооружается, воюет и отхватывает у соседей куски земли. Иногда у него это получается, а иногда нет...

– А что такое человек разумный?

– Как тебе... Это такой человек, который прочел все книжки логики Аристотеля.

– А... а... а мы с тобой какие?

– Мы стремимся быть разумными...

– Ага, я понял, это потому, что читаем книжки.

– Вот именно... Ну вот. В это самое время, когда шло в Европе великое переселение... а переселялись в Европу обыкновенные люди, те, которые умели завоевывать и в этом видели основной смысл жизни... в это время в Европе было много людей разумных, которых ещё по-другому называли культурными, а завоевателей называли варварами... Вот эти культурные люди не захотели воевать с варварами, а решили их ассимилировать...

– Что значит «ассимилировать»?

– Сделать такими же культурными, как они сами. И вот они этих варваров ассимилировали, ассимилировали, ассимилировали... лет восемьсот ассимилировали, и, наконец, варвары не только научились читать и писать, но и разобрались в логике Аристотеля. И хотя они её всю переиначили на свой лад, но стало понятно, что можно двигаться дальше, что варвары уже не настолько варвары, чтобы убивать направо и налево только для того, чтобы на всякий случай завладеть имуществом соседа.

Вот это понимание об окончании варварства в Европе и назвали Возрождением.

– Да, теперь мне всё понятно. Только зря это культурные так думали... Варвары всегда остаются варварами. У них мозги так устроены.

– Знаешь, дело даже не в этом. Может, те варвары, которые тогда в Европу переселились, и вправду ассимилировались, хотя бы частично, но на смену им пришли новые, из деревень, совсем не воинственные, но ещё более жестокие. Словом, культурные люди сильно поторопились, объявив Возрождение... Ты уже спишь?

Мальчик не ответил. Он во что-то напряженно вслушивался. Тонкий, еле слышный свист раздался снова. Страпаролу стало впервые по-настоящему страшно.

– Не бойся! – твёрдо сказал мальчик. – Ты же помнишь, что убить тебя не может никто.

– Никто?

– Никто, кроме тебя самого. Да ты ведь и сам это прекрасно знаешь, только не хочешь поверить в это знание.

– Но... но такое знание бывает как раз у варвара. И у ребёнка, который в каком-то смысле тоже варвар. Это он знает... то есть верит, что уж его-то не убьют. И поэтому считает, что ему убивать можно и нужно.

– Нет, он не знает, он только верит. А ты – ты знаешь. Хотя пока и не веришь.

В это время сеновал медленно и плавно взмыл вверх и повис в небе в виде фантастического облака или видения, и Страпарол уже не мог понять: это мысли его сами собой друг с другом разговаривают, или птицы щебечут, посвистывают, прищёлкивают свои любовные песни. Медленно, как во сне, внизу проворачивался громадный голубой земляной шар, и звёздочкой мигал огонёк его спальни, воображаемый огонёк воображаемого родного жилища... и медленно, но торжественно из этого воображения поднимались, приближаясь, идущие на него толпы. Увешанные оружием и безоружные, одетые в шкуры и в камуфляж, увенчанные рогатыми шлемами и бритые наголо, со страшными шрамами, виднеющимися сквозь пробоины в доспехах, и голыми костями, торчащими из

рванных ран, с разрисованными лицами и вовсе без лиц и без голов, шли на него, словно боевые машины, мёртвые воины мёртвых поколений. Ни один не замедлял шага, наступая на Страпарола. Стоял ровный рокот вбиваемых в землю шагов. Клубами поднималась пыль, иным доходя до колен, а иных окутывая по пояс, и через монотонный топот доносилось ржание невидимых коней, крики женщин, скрип повозок, взрывы снарядов, скрежет металла, свист стрел и нескончаемый вой жертв...

Страпарол повернулся, чтобы схватить мальчика за руку, бежать, скорее бежать, чтобы он не слышал, не видел, не знал...

Но руки его всё глубже зарывались в сено, запах прелой травы забивал ноздри, и всё время назойливо хлопала от ветра не пристёгнутая калитка...

И он уже знал, что когда он проснётся в очередной раз, у него не будет ни рук, ни ног, оставленных в какой-то из битв. И с ним уже не будет мальчика.

Часть III

[...незафиксированные состояния...]

13[А вот интересно]

- Как это ни чудесно, – сказала Мэри Лу, – но мне было страшно.
– Почему? – спросил Саймон.
– Из-за этих галлюцинаций. Мне казалось, я схожу с ума.
Саймон зажёл ещё один косяк и передал его Мэри:
– Почему ты даже сейчас считаешь, что это были просто галлюцинации?..
– Если это была реальность, – убежденно заявила Мэри, – значит, всё остальное в моей жизни было галлюцинацией.
Саймон усмехнулся.
– Наконец-то, – спокойно произнес он, – ты попала в точку.
Р.А.Уилсон, Р.Шей, «Глаз в пирамиде»

А вот интересно, есть где-нибудь ещё кто-нибудь, кто пишет вот так, по бумаге карандашом?

Разве что «неошумеры» с их глиняными табличками, уморы...

Шуморы...

Странно, я прекрасно помню, как впервые увидел человека, который сидел в кафе с ноутбуком и писал в нём стихи, колотя по клавиатуре, – совершенно так же, как если бы он это делал в блокноте, с тем же выражением лица, не обращая внимания на окружающих; и точно такое же лицо было у того чернокожего парня, который попался мне в шесть утра на улице Москвы в Париже, он шагал с сигаретой и карандашом в левой руке и записной книжкой в правой, и хохотал сам себе, и что-то записывал в записной книжке, причём сигарета ему никак не мешала...

Вроде бы это совсем недавно было – а больше таких не попадает. То есть поэтов-то полным-полно, с каждым днём становится всё больше – а бумага, похоже, исчезла из их обихода. Да что бумага, когда и ноутбуки уже воспринимаются как нечто архаическое, у каждого второго крестоны. Зачем бегать пальцами по клавишам, когда можно просто фиксировать каждую мысль?

Книга на бумаге не стала, как это предполагалось, артефактом. Она стала чем-то опасным. Очень опасным.

Особенно если это книга вроде «Книги Авраама»...

Так, всё!

Он отбросил листок. Ясно было, что поработать сегодня не удастся.

Ну ладно. Эту линию укреплений мы можем обойти, на это у нас стратегия разработана.

Он взял заранее подготовленный холст и вышел на балкон. Три кисти, мягкая и две твёрдых, больше не нужно.

Три тюбика. Три краски. Чистых.

Синяя, алая, жёлтая.

Местами смешаются, конечно, и получится маджента, но это неважно.

Чистые краски.

Чистые цвета.

Есть вещи, более важные, чем гордыня самовыражения. Есть вещи даже более важные, чем осознание себя. И с какого-то момента начинаешь понимать, что

страх исчезновения сознания – лжив, как все страхи, и не надо бояться ничего, кроме страха, да и его тоже незачем.

Не стоит бояться и чистого холста. Рано или поздно ему предстоит стать картиной.

Не в форме фишка, не в сюжете. Да, можно долго работать над формой, и ничего неверного в этом пути нет. Можно ввести в картину сюжет, обнажёнку и резкую экспрессивную линию. Можно попытаться передать теплоту и нежность кожи, блеск глаз и загадочность волос – струящихся антенн космоса... великолепие линии спины... беззащитность земляничинки соска... полноту и завершённость амфоры бёдер...

Можно спонтанно выплёскивать эмоции, все беспредметники это делали: семь... или тринадцать... или двадцать один... или энное нечётное количество полноценных ударов кисти – и работа закончена...

Можно работать только с геометрическими формами. Круг, квадрат, овал, ромб, треугольник, звезда, крест, меандр, спираль – далеко ещё не исчерпаны, о, ещё бы, их можно комбинировать и рекомбинировать без конца и края.

Но можно и не думать обо всем этом, получая наслаждение от чистого цвета. Если при этом возникнет линия, потащит за собой форму, а та в прикупе даст сюжет или хотя бы намёк на него – отчего же, пусть. Но если нет – это только к лучшему.

Чистый цвет.

Чистый цвет.

Кто победит сегодня?

Алый?

Жёлтый?

– Адам! – на балкон ворвалась Нинлиль с ярким журналом в руках.

Адам вздохнул и отложил кисти. Победил синий.

– Адам! Я прочла твою статью!!

– Какую именно? У меня, знаешь ли, не одна статья...

– Статью о «Книге Авраама»!

– Опаньки!! Опубликовали? Кто?! И, главное, каким образом?! Это же была статья в стол, я её никому не давал...

– На, посмотри сам!

Он взял лаково сверкающий "Hermetic Magazine". Между статьёй о протоалхимии (у автора была звучная фамилия Цицерон и скромное имя Чак) и эссе (однако!) самого Аарона Лейтча "Гримуар шаманизма" действительно каким-то непонятным образом затесалась его статья. Без фотографии автора, и на том спасибо.

– М-да. Как ты думаешь, каким образом это могло к ним попасть?

– Не смотри на меня так, я к этому никакого отношения не имею.

– Даже несмотря на то, что ты у них в редакции, а?

– Ну послушай... во-первых, не в редакции, а в редакционном совете. Вторых...

– Нинлиль! Что, если для разнообразия ты попробуешь не отпираться, а ответишь по существу вопроса: статью им передала ты?

– Нет.

– Честно?

– Спроси это на разные лады, okay? С придыханием, как добрый следователь, и со скрежетом зубным, как злой! Если я говорю, что нет, то так оно и есть. Ты мог бы заметить, что я вообще не вру, damn it!

– Ты могла бы заметить... а, ладно. Не ты – значит, не ты. Я тебе верю, не кипятись, чайник.

Долго сердиться было не в её стиле, но всё же она довольно ощутимо лягнула его босой ногой всё с теми же золотыми обрывками на щиколотках:

– В следующий раз убью насмерть, понял?

– Не спеши с этим, я тебе ещё пригожусь.

– Пойдёшь сегодня со мной в Северо-Западный? Там в два часа будет семинар «Шведская мастурбация»!

– Да, вот это именно то, чего мне не хватает по жизни! И чем только у вас там занимаются?! За мои, налогоплательщика, кровные денежки!

– Во-первых, ни разу не за твои, универ не государственный! Во-вторых, важно не о чём, а кто проводит! А в-третьих...

– А в-четвёртых, наша мама называется «пилот»! – Адам сунул кисти в растворитель и повернул холст лицом к стене, на секунду подивившись, что она даже не глянула в эту сторону. Впрочем, «Книга Авраама»...

Цокот копыт отвлёк его от этой мысли, и он глянул вниз. По залитой солнцем улице зигзагами от стены к стене передвигалось массивное, волосатое и довольно-таки уродливое существо.

Кентавр!

Интересно всё-таки, почему действительность так непохожа на то, чего мы от неё ожидаем?

– Наверное, потому, – заметила Нинлиль, – что мифологические существа могут быть прекрасными или ужасными, но совершенно не обязаны соответствовать нашим о них представлениям... и то же самое со всем остальным в этой жизни.

– Я что, думаю вслух?

– Нет, просто Мунд прав: иногда твои мысли увидеть очень легко. Они как следы от горящих спичек в куче сухой листвы...

Адам бросил на Нинлиль быстрый взгляд, раздумывая, спросить ли, как далеко простираются парапсихологические способности брата и сестры. Однако промолчал и, возвратив своё внимание улице, не увидел теперь на ней ровно ничего необычного. Кентавр исчез, как будто там его никогда и не было.

– Не беспокойся, тебе не померещилось! – Нинлиль саркастически изогнула бровь. Лицо её при этом осталось неподвижным.

Адама всё больше беспокоила эта парадоксальная мимика.

– Знаешь, для меня загаллюцинировать, как для иного споткнуться. Да, вполне могло померещиться...

Однако Нинлиль не желала оставить тему:

– А вот спроси себя, почему именно кентавр? Почему не баньши, не мантикора, не василиск, не гиппокамп, не химера, не упырь, не грифон, не саламандра, не сильфида, не эмпуза? Почему не йотун, не морлок, не зомби, не идебэинд, не волкодлак? Наконец, не Яутжа, не Анцыпыр, не Аргус Пантоптес, не

Калликантарос, не Фастиколон, не Аптргрангр, не Дорфл, не Зелёный Человек, не Симург, не Пин-Фэн, не...

Нинлиль, как заевшая на царاپине допотопная грампластинка, продолжала перечислять обитателей иных миров; её бровь, до этого приподнимавшаяся в изломе, придавая лицу странное выражение смеси раскованности и безжалостности, теперь застыла, зато все остальные лицевые мышцы пришли в движение. Адаму на мгновение показалось, что она находится под действием электрического тока. Он щёлкнул пальцами у неё перед носом, и лицо Нинлиль восстановило свою обычную мимику.

– Так почему же кентавр? – продолжила она как ни в чем не бывало. – Другие видят призраков, демонов, инопланетян, вообще никому не известных существ...

Адам предположил, что сейчас начнётся новая серия фантазмагорических перечислений, и уже приготовил пальцы для нового щелчка, но Нинлиль неожиданно улыбнулась и подытожила:

– Ты насыщаешь свою жизнь слишком детализированными идеями и в то же время боишься открыться им. Мне кажется, это не может не вступить в противоречие с живописью. Тем более с абстрактной...

Адам смотрел на солнечную улицу. Теперь он готов был поклясться, что кентавр не был галлюцинацией... Он машинально перевёл взгляд на журнал со своей статьёй о «Книге Авраама», взглянул повнимательнее на текст и моментально понял, что название её – это его название, и автор указан правильно, то есть он указан как автор, но текст статьи ему совершенно не знаком.

Он закрыл журнал, на блестящей обложке по-прежнему красовалось «Hermetic Magazine», затем снова раскрыл, но между статьёй о протоалхимии и «Гримуаром шаманизма» не было никакой статьи его авторства.

Он посмотрел на Нинлиль:

– Ты только что сказала, что в этом журнале опубликована моя статья о «Книге Авраама»?

– Что-о тако-ое, – отозвалась Нинлиль, почему-то начав растягивать слова, – кака-ая ста-атья-я-я? Я-я-я ни-ичего-о об это-ом не зна-аю. Где-е-е ты во-о-обще взя-ял э-э-э-этого гля-я-янцево-ого мо-о-онстра-а?..

Она ловко выхватила журнал из рук Адама и наугад открыла его. Адам глянул на открытый разворот, и в глаза ему бросился набранный жирным шрифтом заголовок: «Новое исследование «Книги Авраама»...

Адам почувствовал головокружение. По опыту он знал, что сейчас, как это нередко случалось прежде, произойдёт смещение границ реальности, и невозможно предугадать, где он окажется в следующий момент. Уже теряя сознание, он увидел как на месте головы Нинлиль образовался чёрный водоворот, всосавший вначале «Hermetic Magazine», затем распечатанную упаковку фенциклидина, мольберт и, наконец, его самого...

14[Спят усталые игрушки]

С о ф и. Ты, случайно, на досуге не страдаешь романтизмом? Ты что, хочешь сказать, что я пыталась покончить с собой? В моем-то возрасте, при моих-то деньгах?!

В е н с а н. Запросто! Ты же способна на что угодно, лишь бы отравить всем существование!..

М.-Ж.Соважсон, «Чао!»

Железные ворота со скрипом и лязгом отворились. Охранник вытолкнул вяло сопротивлявшегося Крога в сумеречный рассвет, затянутый грязно-серым туманом, клубящимся над рыхлым весенним снегом. Вслед за Крогом вылетел, раскрывшись при ударе, его допотопный фанерный чемодан с углами, скреплёнными железными уголками. За чемоданом полетели прямо в оттаявшую грязь две толстые, потрёпанные временем и невзгодами тетради. Одна из них на лету раскрылась и упала разворотом на пучок высунувшейся из-под снега нереально зелёной в это время года травы.

Крог поскользнулся, вляпался коленями и локтями в слякотную жижу. Сквозь длинные, жидкие, не то седые, не то белёсые прямые пряди исподлобья с ненавистью взглянул на охранника, медленно переходя взглядом с начищенных до блеска, до колен зашнурованных ботинок на ремень с блестящей посередине тугого пуза бляхой, на широченную грудь в кирасе, на узорные наплечники и, наконец, на нагло ослабившуюся физиономию.

– За что? Я ещё не дописал книгу Адама!!! Я не дочитал книгу Авраама до конца!..

– Дома дочитаешь! Посидел на государевой шее, и будя...

Охранник смачно высморкался через пальцы и зашагал, грубо впечатывая шаги в весеннюю, наполненную каким-то щемящим ожиданием, пахнущую хризантемами распутицу. Постепенно он становился всё меньше на фоне обшарпанного фасада психиатрической лечебницы, пока не скрылся за хлопнувшей выстрелом из карабина дверью. В окне второго этажа за угрожающе поблескивающим стеклом маячил белый халат врачихи, безуспешно лечившей Крога от светлого будущего.

«Как невеста в подвенечном платье...», – невольно подумал Крог, не вставая с четверенек, подполз по пронизывающему холоду к чемодану, умял содержимое, подобрал свои растрепанные полураспавшиеся тетради, которые он мысленно уважительно называл «книгами».

«Куда теперь идти?».

Идти действительно было некуда. У Крога не было ни родных, ни знакомых. Точнее, где-то они были, за какой-то невидимой, но от этого не менее плотной и непроницаемой стеной. Крог знал, что идти в этом направлении бесполезно.

Он встал, выпрямился во всю свою худобу и длинными, как у кузнечика, неправильными ногами не то зашагал, не то запрыгал в направлении смрадного, парящего между холмами города.

От быстрого движения становилось теплее, на щеках у Крога заиграл вегетарианский румянец. При движении он размахивал свободной от чемодана

левой рукой и даже начал напевать, точнее, нащёптывать знакомую с детства мамину колыбельную:

Спят усталые игрушки,
книжки спят...

На этой фразе Круг резко остановился и не поставил на землю, а просто выпустил из руки свой доисторический баул. Тот с грохотом раскрылся, откинув в сторону верхнюю крышку, которую правильнее было бы назвать дверцей. Теперь он печально, как птица со сломанным крылом, лежал на обочине дороги. Круг с отчаянием посмотрел на своё движимое, но теперь неподвижное имущество. Выдернул из штанов потрескавшийся от старости ремень и попытался им перехватить то, что когда-то гордо носило звание чемодана. С третьей попытки это ему удалось. И он снова бодро зашагал по направлению к ближайшему свободному от постояльцев колодцу теплотрассы. Мир земной и мир горний не приняли его, но надежда умирает последней, и, возможно, подземный мир окажется более благосклонным...

Алиса с трудом вела автомобиль по весенней слякоти, уже мало претендующей на гордое звание дороги. Автомобиль то и дело заносило. Злость просто раздирала Алису.

– Почему Мунд выбрал именно меня для этого дурацкого задания?

Она то и дело морщила свой невысокий лоб в обрамлении легкомысленных кудряшек и обиженно надувала свои очаровательные, сложенные розочкой светло-лиловые губки:

– «Найди Того, Которого Нет Нигде, и приведи его ко мне!». Да ещё впридачу выдал мне эту чёртову карту с путаницей проселочных дорог. Почему всё время я? Вот сестрице своей он такие задания не выдаёт, к тому же с нереальным сроком, потому что, оказывается, этот Тот, Которого Нет Нигде, нужен не когда-нибудь, а завтра к завершению церемонии. Если бы он Линде такое выдал, она бы его на чистом мекленбургском так отбрила... Чёртов Мунд!!! Не везёт мне!..

Автомобиль в самом деле вёз её очень плохо. Вот снова его занесло, и Алиса багажником чуть не зацепила бредущего по обочине человека.

Взглянув в зеркало заднего вида на долговязую фигуру прохожего, Алиса увидела такое... что от испуга и удивления резко ударила по тормозам. Машину снова занесло так, что полностью развернуло в противоположном направлении и снесло на обочину. Теперь этот странный субъект был прямо перед Алисой, очевидный бомж со странным, вытянутом как бы от удивления, каким-то английским аристократическим лицом и трепещущими на ветру светло-розовыми, почти прозрачными, как у медузы, крыльями за спиной.

Алиса оглянулась по сторонам. Вокруг никого, только тёмные без листвы сталинские руны лесополосы слева и справа от дороги.

Если то, о чём говорил ей Мунд, существует, так оно в десятке шагов от неё.

Не веря своим глазам, Алиса высвободилась из автомобиля и ту же подтянула широкий кожаный ремень на куртке.

Человек с крыльями шагнул навстречу и в какой-то растерянной, растопыренной в стороны позе остановился.

– Ты что, обормот, прямо под колёса бросаешься! Я из-за тебя чуть не перевернулась! – Алиса пошла в атаку без предупреждения.

Незнакомец с виноватым видом скрутил свои медузьи крылья над головой, и они исчезли. Лицо его выражало крайнюю степень смущения.

Алиса смягчилась:

– Ты кто?

Алисе её собственный голос показался чужим так, как будто сама она находилась здесь на грязной проселочной дороге невдалеке от дымящегося адскими испарениями города, а голос ее исходил из недр её белого, забрызганного грязью бээмвэ.

– Я?

Ангел, как его мысленно уже называла Алиса, растопырился в стороны ещё больше. Казалось, что он с его нелепым сундуком занял уже всю проезжую часть.

– Я? Я – Ангел...

У Алисы вытянулось её хорошенькое капризное личико, ведь она и сама уже решила...

– То есть, – поправился ангел, – вообще-то меня зовут Круг.

Голос ангела был еле слышен, так что Алиса едва могла разобрать слова. Или ей только казалось, что он говорит. В воздухе стоял непрерывный звон, такой однообразный и тонкий, точно комар играл на своей комаровской дудке.

Алиса снова начала помаленьку наглеть:

– Я не спрашиваю, как тебя зовут, я спрашиваю, кто ты!

Ангел, казалось, обиделся и весь сжался и вытянулся, став похожим на знаменитого героя Сервантеса.

– Вы ко мне обратились... – наконец, с трудом выдавил он после довольно долгой паузы без всякой связи с предыдущим.

– Вы! ко Мне! – добавил он, делая ударение на первом и последнем слоге. – Вообще-то я писатель...

– Писатель?

Алиса ожидала услышать что угодно, кроме этого.

– Писатель... – повторила она в некоторой растерянности. – И что же ты пишешь, писатель?

– Сейчас, сейчас, я покажу, покажу, – засуетился ангел и, встав на колени прямо посреди дороги, стал пытаться расстегнуть ремень на своем грязном бауле. Ремень не поддавался.

– Вот...

Распоясав наконец чемодан, Круг вытащил из него две потрепанные тетради:

– Вот, это мои сочинения... Я же ни в чем не виноват... Я совсем не хотел попасть под Вашу машину... Я просто шёл...

«Сумасшедший!» – подумала Алиса и уже хотела спрятаться в уютный салон своего экипажа, как вспомнила про крылья. Это заставило её остановиться и посмотреть в глаза всё ещё стоявшего на коленях Круга. В его глазах струилась такая глубокая голубизна, что Алиса на миг забыла, кто она и где находится.

– Я просто шёл... Сам не знаю, куда я шёл... Я был в таком замечательном месте с голосами... и с книгами, я там работал Ангелом... но они так и не узнали, что я писатель...

Торопливо, сбиваясь, каким-то странным свистящим шепотом, захлёбываясь на каждом слове, не говорил, но, как Алисе казалось, посвистывал вроде соловья или пеночки странный субъект. Алисе вдруг стало его жалко:

– Садись в машину.

Крог не подошёл, а неловко подобрался к дверце:

– Я не умею.

– Чего ты не умеешь? – уже с досадой спросила Алиса.

– Я не знаю, как в неё...

Алиса отворила дверцу:

– Всё очень просто. Садись.

Крог послушно устроился на заднем сидении, пытаясь втащить за собой снова разваливающийся чемодан.

– Нет, это не сюда! – Алиса открыла багажник. – Ставь в багажник.

Не успев ещё устроиться на заднем сидении, Крог вылез наружу:

– А он оттуда не вывалится?.. Поверьте, это очень ценные вещи. Очень!

– Не переживай, всё твоё барахло будет в целости.

До города ехали молча. Но когда стали мелькать дома окраин, Алиса, которая до этого раздумывала, куда везти странного Ангела, прямо к Мунду или куда-нибудь, куда ему, Ангелу, надо, решила в пользу последней альтернативы:

– Куда тебе?

– Мне? – снова растерялся Крог. – Не знаю, я ещё не решил... Собственно, у меня нет дома.

– Как это «нет дома»?

– Нет... да и меня самого-то, кажется, давно уже нет...

«Да, это похоже на правду...», – подумала Алиса и резко развернула автомобиль:

– Ну вот что: у меня здесь недалеко есть дача, и мне нужен сторож. В холодильнике – еда. Я приезжаю редко. Как, согласен?

– На что согласен?

Алиса снова начинала терять терпение:

– Ну, блин, служить у меня сторожем на даче!

– Сторожем? Но я ещё никогда не был сторожем. Я же Вам говорю, что я писатель...

– Ага, писатель, ну вот и будешь там писать. Бумагой я тебя обеспечу.

Алиса, если ей что взбрело в голову, становилась до невозможности последовательной. Цель была обозначена, и достичь её надо было во что бы то ни стало.

«Зачем Мунду этот умалишенный? Здесь что-то не так...».

Интуиция редко подводила Алису. Теперь же ей казалось, что дело стоит денег. Немалых денег.

15[Заблудиться в Роджерс Парке]

Разница между гашишем и героином такая же,
как между яблоком и противотанковой гранатой.

М. Федотов, «Ангелтань»

Заблудиться в Роджерс Парке – о, это надо уметь, это удаётся далеко не каждому, только самым-самым талантливым! Тем, кто уже, пожалуй, идёт голова в голову с гениями. Город здесь – просто шахматная доска, один квадрат квартала сменяется другим; иди себе по улице Двухдневной, пока не упрёшься в улицу Солнцеворота, и поворачивай по ней налево – сказано же тебе, олуху! В переулок Ангела-Истребителя нипочём не лезь, а топай прямо и прямо, пока на углу улицы Солнцеворота и улицы Анны Франк не упрёшься в «Омара Хайама»! Не увидеть кафе невозможно, там вывеска за три квартала сияет...

Ага, как же! Надень очки и перископ от подводной лодки! Вывеску и не видно, если не с двух шагов. Обшарпанная и покосившаяся, и вообще, кажется, тут написано что-то совсем другое...

Адам напрягся. Туманное пятнышко, мелькавшее перед правым глазом, исчезло. Или почти.

Дверь была перед ним, и он открыл её.

И вошёл – страшно довольный, что осилил эту непростую задачу. Дверь была какой-то мягкой и маслянистой наощупь.

Внутри кафе было прохладно и пусто. Ни души. Однако столики пребывали в достаточном количестве, не менее шести. С половиной. И это ещё не считая стульев.

Пока чувство юмора где-то в тебе присутствует, ты ещё не пропал. Чашечка эспresso была бы сейчас в самый раз, однако.

За стойкой обнаружился бармен, смуглый и усатый, типичный парфянин и вылитый Гурджиев.

– Предметы взглядом двигать будем? – обратился к нему Адам.

– Excuse me?

– Ah... can I have some espresso?

– What size?

– Big one, please!

– Sure thing! – кивнул, мотнув носом, Гурджиев и включил кофеварку.

Адам сел и огляделся. Стены были украшены жутковатых расцветок тряпками, обозначающими, видимо, парфянские ковры. Кальяны торчали через каждые полметра – чтобы пройти в туалет, пришлось бы непрерывно через них перешагивать.

Парфянин вроде бы по-прежнему пребывал за стойкой, но чашечка с лиловой почему-то жидкостью каким-то образом возникла на столике перед Адамом.

– Ну точно ж Гурджиев... – пробормотал Адам, нимало не удивившись. С трудом заглотнув густую, как шоколад, жидкость – скорее желе, чем кофе, – которая и на вкус была похожа на загустевшие чернила, он хмуро глянул на бармена:

– А нормальный кофе тут бывает? По-тюркски, к примеру?

Бармен, как оказалось, уже прекрасно улавливал русский язык, хотя и отвечал на каком-то ином, вроде бы на идиш или даже на ладино; впрочем, какая разница, если они друг друга вполне понимали. Ну, натурально, кофе по-тюркски сию минуту будет... да-да, на сей раз ни в коем случае не лиловый... ну разве что самую-самую малость... если почтенному господину действительно – **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** – приспичило чашечку кофе по-тюркски, то он его немедленно получит, потому что ещё никто не уходил из «Хайама» обиженным... но господин хорошо ли подумал? а то Гурджиеву кажется, что почтенный господин и без того уже несколько... кстати, может быть, господин пожелает более плотно поужинать... можно предложить лубью хидру, плау ахмар, есть великолепная тсампа, прямо из Тибета, также можно порекомендовать кирибат...

В кафе вошло трое. Типичнейшие мафиози из голливудских фильмов – у настоящих совсем другой прикид. Чёрные длинные пальто, несмотря на жару, белые пиджаки и чёрные рубашки с лиловыми галстуками под цвет «эспresso»... фрателли и доны корлеоне... Правда, справедливости ради надо отметить, что сицилийский крестный отец одевался как простой крестьянин... Да у этих вроде в руках и бит деревянных не заметно, не говоря уж об автоматах Калашникова...

Нинлиль, зачем ты надумала встретиться именно здесь?

Нинлиль, почему тебя здесь нет, если ты обещала, что будешь раньше меня и непременно подождёшь?!

Адам попытался сосредоточиться на чем-нибудь нейтральном. Над головой Гурджиева висели, скрещенные, две внушительные ржавые железяки. Адам присмотрелся, с трудом фокусируя зрение, и узнал буздыхан, явно не моложе восемнадцатого века, вполне в боевом состоянии, если только почистить малость и наточить, и зюльфак с раздвоенным клювом – неопределённого возраста, что, строго говоря, не имело никакого значения – хотя бы потому, что после пятнадцатого века такое оружие исчезло, и сам факт его наличия здесь ошарашил бы любого вменяемого коллекционера.

Но не его, находившегося под действием мелфиата.

Вот выпьем кофейку по... по-османски?... нет, по-мамелюкски!.. да нет же, по-сельджукски... или даже по-уйгурски, вот именно... по-кипчакски, короче... и тогда уж приценимся к клинку булатному... как не продадут? кому не продадут? не в их интересах... вот и мафия не даст соврать...

Самый молодой мафиози подошел к Адаму и показал бэдж. То есть типа значок... нет-нет... знак... инсигнию... эмблему... сосчитано, взвешено, измерено... мафиози-полицейские... *dirty cops*... суки вербованные...

Кофе по-чжурчжэньски был отменный. И с первого глотка Адам понял, что это не просто кофе и что *заполировать* мелфиат *прахом ангела* есть как раз тот случай, о котором рабби Нахман сказал бы: мир – это узкий мост, по которому человек обязан пройти...

Метатрон, сделай так, чтобы Нинлиль пришла! ну, или хотя бы так, чтобы с ней ничего не случилось!..

Молодой мафиози-коп отчалил, поняв, что с Адамом полноценной конвергенции... то есть конверсации... нет, конъюгации... нипочем не получится. Остальные двое уже доставали наручники и пистолеты... впрочем, когда Адаму

удавалось сфокусировать на них зрение, пистолеты превращались в портсигары, а наручники и вовсе исчезали.

...и самое главное при этом: ни капельки не бояться!

Метатрон, где же она?!

Похоже, я уже несколько лет сижу в этой дыре, названной именем великого поэта, сказавшего, что лучше быть одиноким, чем дружить с кем попало... я ещё в пятом классе принял на вооружение эту максиму и... и что?.. и вот.

Дверь открылась, и вошла Нинлиль. С ног до головы во всём белом.

Судя по всему, с ней ничего не случилось.

Мафиози-копы стремительно уступили ей дорогу к столику. Она шла, не обращая внимания на кальяны и прочие штуковины, плавно выраставшие из пола и тут же вновь в него проваливавшиеся.

– Ну где же ты была так долго?.. – хотел сказать ей Адам, но еле ворочавшийся язык выговорил что-то совсем другое, совершенно невнятное. Нинлиль ответила странной фразой, которая длилась и длилась, никак не оканчиваясь:

– Neben den Hippokentauren bilden Onokentauren, Leontokentauren, Bukentauren und andere eine größere Familie der Menshentiere; wobei manchmal auch die Pferde-Fischekentauren, als Seekentauren bezeichnet werden könnten...¹

– Wus? – выдавил из себя Адам.

– Seine stolzen Schuppen sind wie feste Schilde...²

– Do you wanna flabbergast her, or not? – встрял Гурджиев из-за стойки.

Адам швырнул в него чашку, которая начала медленно выписывать в воздухе изумительно красивую, изумрудно светящуюся траекторию.

Нинлиль без труда поймала чашку на лету – ни капли не пролилось, – и, грякнув её на столик, села рядом. Погладила по голове, как маленького:

– Ты чего плачешь?

– Я? Плачу?! – чувство юмора в последний раз вынырнуло на поверхность и покрутило носом. – Ну и плачу, а что, нельзя? Настоящий мужчина не только может, но и должен порой как следует поплакать.

– Ну да?

– Точно! Ты что, кино не смотришь? Любой триллер возьми... да хоть бы и этих ваших... бестиариев в законе...

– Гладиаторов.

– Whatever... настоящий мужчина непременно хоть раз, да заплачет. Уууу, как зарывает!! И звуки его безутешных рыданий накладываются на саундтрек горящего лимузина... или бронепоезда на запасном пути... или даже лучше звездолёта...

– Или даже лучше чего?

– Starship... так вот, значит, он заплачет-порывает, а потом вытрет сопли прикладом бластера и как пойдёт кромешно метелить супостатов, так уж мало никому не покажется!

¹ Кроме гиппокентавров, в группу людозверей входят ослокентавры, леокентавры, быкокентавры; порой также и конерыб (гиппокампов) именуют морскими кентаврами (герм.).

² Его гордые чешуйки – как крепкие щиты... (герм.)

– Горе ты моё, – вздохнула она, – тебя же одного оставить нельзя на четверть часа, не то что на день.

– Вот и я говорю, – пробормотал Адам, – не оставляй меня, Лилит!

Крепко сбитый молодой человек, с круглой головой, но резким наподобие лезвия Оккама лицом, сидевший за соседним столиком, всё время что-то записывал, в то время как Адам предавался своим невозддержанным ламентациям. Бармен наклонился прямо над пишущим из-за своей стойки (во всяком случае, так показалось Адаму):

– Роман пишете, батенька?

Голос бармена был необыкновенно ласков и как-то по старинному округл.

– Ошибаетесь, любезнейший... – в тон ему, не отрываясь от записной книжки, ответил резколицый и вновь склонился над столиком, украшенным только пепельницей и огромной курительной трубкой.

Гурджиеву с его позиции была видна последняя выведенная каллиграфическим почерком фраза:

«И Лилит его действительно не оставила. Хотя...».

В этот момент молодой человек перевернул страницу и почесал кончик носа:

– Я, видите ли, летописец...

Он адресовался бармену, но тот, казалось, уже позабыл о его существовании. Зато Нинлиль теперь смотрела на него во все глаза. Лицо её неизменно сохраняло мимическую неподвижность. Трое в чёрном, как по команде, допили пиво и направились в сторону летописца...

Преодолевая густой туман и стрельбу, кто-то в голове Адама пропечатал на допотопной телеграфной ленте:

«...в о з м о ж н о , э т о е ё о х р а н а...».

А вслух Адам продолжал бормотать что-то, чего он и сам не слышал.

Боковым зрением ему было видно, как трое в чёрном выволакивают из кафе почти не сопротивляющегося летописца. Тот сложился поперёк своего длинного тела и стал похож на мёртвого богомола.

Однако в следующее мгновение произошло что-то неожиданное. Копы-гангстеры оказались лежащими на мостовой, причём как-то странно скорчившись, а летописец встал, передёрнул плечами, сделал несколько медленных шагов и, завернув в переулок Ангела-Истребителя, исчез из виду.

Бармен как ни в чём не бывало протирал бокалы, разглядывая их на свет.

16[Всё-таки следят]

Если вы будете говорить классически обученному психоаналитику о шаманском посвящении, он будет думать: «Да! Тяжёлая форма психоза!».

*В.Майков, «Шаманская психотерапия: взгляд
трансперсонального психолога»*

Страпарол открыл глаза. Теперь ему показалось, что он окончательно проснулся. Не было ни ночного выстрела, ни страшного крика на другом берегу, ни медсестры-ивы, не было и её – любимой изменницы, невинной жертвы порока...

– Во сне её действительно звали Ивой? Евой? Возможно... возможно... во сне, тем более в моём сне, всё возможно...

Но упорно, с какого-то мутного дна всплывало: Анна.

Медленно из страха сексуального ада, который он когда-то считал раем, возвращалось чувство относительной реальности:

– Кажется, за мной никто не следит...

Он встал со скомканной постели, переламываясь, как неисправный робот, и побрёл к наглухо зашторенному окну. Осторожно отвел в стороны тёмные узоры вечности и выглянул на улицу. Оглядел крыши напротив...

– Кажется, снайперов не видно... Который теперь час? Часов пять, шесть... Или лет, или веков, или тысячелетий... Весь вопрос во времени.

Не успел Страпарол укрепиться в этой простой надёжной истине, как тревожный импульс скрутил желудок и перехватил дыхание. Мир снова стал бесконечно чуждым, враждебным. На полу возле шторы валялась треснувшая пополам икона.

– Опаздываю.

Лихорадочно натянул на себя первое попавшееся под руку; долго неверными пальцами в прихожей шнуровал ботинки, чертыхаясь, не попадая в отверстия для шнурков; выскочил на улицу.

Фигура в тёмном плаще с головой, накрытой, несмотря на жару, капюшоном, вошла в телефонную будку возле подъезда.

– Всё-таки следят... Где их только набирают: все на одно лицо. Этот уже четвертый месяц за мной ходит, а встречу его в толпе – ни за что не узнаю.

Страпарол неестественными полускачками-полушагами неся, петляя вдоль странно меняющейся улицы. Открылось небо, вечерней голубизны, но усеянное яркими гроздьями звезд, дома стали ниже, на фасадах всё чаще возникали зловещие скульптуры, поблескивала позолота рам... Одновременно менялся вид редких встречных прохожих: вот нищенка прямо на глазах Страпарола превратилась в смеющуюся, дразнящую коломбину, вот из стены вышел подвыпивший пьеро.

«...Тучи над городом встали!...» – нежное бельканто пьеро билось в стекла настежь открытых окон.

Асфальт закончился, вдоль лживой позолоты и кудрявых гретхен в раскрытых настежь окнах потянулась полоса пепла, перемежающегося с грязью. Чем великолепнее были фасады, тем более зловеще менялась проезжая часть и тротуары. Казалось, здесь только что произошло танковое сражение: изрытая

полоса черного пепла дымилась вонью свалки, спаленной изнанки цивилизации, старинного города Дели, только что взятого штурмом войсками Тамерлана. Рваные куски стали, битое стекло, останки железобетонных конструкций, ещё дымящиеся фрагменты стволов сваленных деревьев, исковерканные части мебели и нехитрого человеческого быта.

Страпарол старался не смотреть по сторонам, но боковым зрением всё же невольно выхватывал торчащие из пепла скрюченные обгорелые ноги, выломанные руки, головы с пустыми глазницами и медленно перемещающихся по этой разрухе, этому ничто, женщин.

Что-то говорило ему – оглядываться не в его интересах. Но мучило труднопреодолимое искушение. Он чувствовал... нет, скорее видел... или же нет, скорее всё-таки чувствовал, что мимо нескончаемым потоком шли женщины. Они шли и шли в подвенечных платьях, грязных лохмотьях или полностью обнажённые, сияя на фоне развалин телами, с металлическими цветами зла в судорожно сжатых руках.

Страпарол задыхался, из последних сил перепрыгивая через обломки, остатки недавно ещё существовавшего бульвара, теряя силы и уже не надеясь, увидел яркий неон рекламы «Кафе под Хайямом».

– Слава Тебе, Чьё Имя мы не можем называть!..

Он вихрем влетел в фойе мимо невозмутимого истукана-швейцара, на мгновение скользнул взглядом по чёрной школьной доске с расписанием репертуара на ближайшую неделю. В глаза бросилось объявление «Шведская мастурбация»; Страпарол проскочил мимо и рухнул на стул в задней за баром комнате. Вокруг в густом полусвете, долженствующем свидетельствовать о наслаждениях, на стуле с высокой, выше головы, спинкой восседал бармен. Кудрявый, со смуглым и одновременно бледным лицом, обвислыми густыми усами и глубокими морщинами щёк он напоминал сказочного служителя тибетского ламы, посланного туда по распоряжению царской охраны для постижения мировой загадки.

– Я не очень опоздал? – Стапарол скорчился на стуле в жалкой позе виновного.

Бармен усмехнулся:

– Ну вот, наконец, все в сборе. Авраам, как всегда, последний.

Он бесшумно пожевал губами:

– Начнём.

Кроме Страпарола, за столом сидели двенадцать бритых наголо мужчин в черных партикулярных костюмах. Они мрачно смотрели прямо перед собой в совершенно пустые столовые приборы.

Через большое зеркало в стене, прозрачное со стороны сидящей за столом компании, был хорошо виден почти пустой банкетный зал, в котором обращали на себя внимание высокий мужчина с очень красивой дамой за столиком и седобородый старик в кресле возле камина, о чем-то беседующий с мальчиком. Ни звука не проникало из зала в заднюю комнату.

Голос бармена, когда он заговорил, звучал тихо, еле слышно:

– Пора. Мы долго готовились. Я только вчера вернулся из Ирана.

Человечество несовершенно. Люди живут эмоциями, страстями, которые не могут

определить даже лучшие поэты. Сегодня настал момент крайнего самоуглубления. Мириады миров смотрят на вас, господа. Мы должны это сделать. Старшим в этом испытании станет, как всегда, Авраам.

Бармен вилкой ткнул в сторону Страпарола.

Отворилась дверь, и, вся закутанная в чёрную блестящую ткань, в дверях появилась фигура женщины, и... и немедленно вслед за этим с мелодичным звоном рассыпалось зеркало, и через его осколки на стол перед Страпаролом со всего маху грохнулся большой гладкий чёрный камень.

17 [Я не успеваю следить]

Д о м и н. Вот как! А мы думали, Сулла и Марий – пара влюблённых.

Е л е н а. Нет, Марий и Сулла были полководцы и воевали друг против друга в... каком же году? Не помню...

К. Чапек, «R.U.R.»

...Сулла, забыв про Мария...

И.Бродский, «Каппадокия»

– Он вернулся из Ирана... – Адам медленно приходил в себя, действие мелфиата кончалось почти безболезненно. – Он здесь.

– О ком ты?

– Знаешь, почему невозможно абсолютное оружие?

– Конечно – хотя едва ли я когда-нибудь привыкну к твоим зигзагам. Нет такого оружия, на которое не найдется противооружия...

– Почти правильно. Действительно, нет такого меча, против которого нельзя найти достаточно прочный панцирь, и нет такого панциря, на который не нашёлся бы свой меч...

– По-моему, тут определённо есть логическая неувязка...

– А вот все неувязки нам до феньки ... я хочу сказать, что на смену мечу приходит сабля, которая не рубит, а рассекает доспехи... и тело... но... подожди... не то... а! вот... я имел в виду, что убить всегда можно, но почти никогда не имеет смысла... Ну вот смотри: 6 мая 53 года до н.э. легионы Марка Красса потерпели сокрушительное поражение от конницы парфянского царя Орода Второго, так? Не в последнюю очередь потому, что на парфянах были катафракты из маргианской стали... в тот день сталь едва ли не впервые в истории вышла на поле битвы, и оказалось, что железо ничего не может с ней сделать... хотя, конечно, свою роль сыграло и пренебрежение римлян искусством стрельбы из луков, и отсутствие у них хорошей конницы... короче, они были окружены и почти все расстреляны в упор, а сдавшиеся отправлены служить граничарами на рубеж с юэчжи...

– Кем? С кем?

Полицай-мафиози у стойки тянули пиво из высоких бокалов и откровенно прислушивались к их разговору, хотя едва ли понимали по-русски.

– Пограничниками... с предками гуннов... то есть чжурчжэней... а, не суть!.. так вот, не прошло и пятнадцати лет, как Квинт Лабий захватил всю Малую Азию, отложился от Рима, где было не до него, потому что шла гражданская война, и поименовал себя «парфянским императором», но был убит опять же Ородом Вторым, которого, в свою очередь, убил его собственный сын Фраат Четвертый...

– Я не успеваю следить...

Она посмотрела в огромное зеркало в стене за стойкой. Поправила причёску. Он проследил за её взглядом. Пляска валёров в тёмном блеске стекла, отражающийся в нём парусник у причала за окном, спина кельнерши в белом переднике и наколке неуловимо перенесли их в бар в Фоли Бержер...

– Да это неважно, слушай... Фраат убил также и своих братьев, нанёс поражение Марку Антонию, но затем армянский царь Тиридат, тоже Второй, отнял

у Фраата трон... Армения вообще стала основным узлом конфликта между Римом и... так, где я?... ага!.. Фраат сумел вернуть себе трон, а Тиридат бежал к римлянам, захватив с собой Вонона, сына Фраата, в качестве заложника...

– Как ты всё это помнишь?

– Я и не то ещё помню, а уж это-то...

– Только не говори мне, что ты был очевидцем всего этого!

– Ты говоришь это, не я!.. так вот, Фраат воцарился вновь, и пришедший тем временем к власти в Риме Октавиан Август заключил с ним мир и вернул ему сына. Но заодно он подарил ему рабыню по имени Муза.

– Признайся, ты придумал это!

Адам рассмеялся:

– Придумать я мог бы поинтереснее, слушай дальше, уже немного осталось.

У Музы от Фраата Четвертого родился сын, тоже Фраат...

– Пятый?

– Именно. Молодец, фишку рубишь! Рассчитывая передать ему трон, Фраат Четвертый отослал по совету Музы других своих сыновей... и внуков... в Рим.

– Так у него и внуки были?

– В смысле: когда успел? Ну, у него же гарем был, надо полагать. Короче... – Адам сморщился, голова была всё ещё словно пеплом набитая. – ...Муза отравила его и посадила на престол своего сына, который женился на матери и правил вместе с ней... И что? Вскоре они были убиты.

– Кем?

– Старшим сыном Фраата Четвертого...

– Это который Вонон?

Она и он вслед за ней снова посмотрели в зеркало.

Парусника уже не было, и кельнерша тоже куда-то испарилась.

– Ну! Смотри, ты один раз услышала и уже помнишь! А я-то этим десятилетия занимался, мне забыть странно было бы... Так к чему это я, как ты думаешь?

– Наверное, к тому, что нельзя доверять Музам.

– Никак нет! К тому, что кто убьёт, того тоже убьют... смысла никакого.

– Да, очень свежая мысль! – улыбнулась Нинлиль. – Непротивление злу насилием, ага!

Адам покачал головой, с радостью ощущая, как мир становится знакомым и знаковым:

– Ты не поняла. Он вернулся из Ирана.

– Кто?

– Фраат.

– Четвертый или Пятый? – Нинлиль ещё пыталась шутить.

В зеркале происходило нечто невероятное. Стекло на мгновение стало прозрачным, и стало видно людей в чёрных костюмах, стоящих в раме, как на фотографии выпускного вечера высшей школы КГБ.

Адам встал:

– Это один и тот же человек.

Он шагнул к двери, ведущей в туалет, резко свернул, перепрыгнул через стойку бара, сорвал со стены раздвоенный клинок жутковатого вида, который всё

ещё (действие мелфиата окончилось, но *прах ангела*, пусть и микродоза, гулял в его крови вовсю) принимал за зюльфак, хотя это была обыкновенная амфисбена, – и всем телом ударился в большое, во всю стену зеркало. Посыпались осколки, закричал человек. Адам не сразу уловил, что это крик Нинлиль.

18[Бог не захотел спасти]

Как же неразумны были мы, любезный друг Коронат, что не послушались благих советов миргородского протопопы, уговаривавшего нас остаться у него на ночь!

В.Т.Нарежный, «Два Ивана, или Страсть к тяжбам»

– Ну и как? Ты уже подготовил мальчика?

– Я весь в размышлениях...

Старик сосредоточил взгляд своего единственного, полубезумного, голубого, постоянно плачущего глаза на некоей геометрической точке в бесконечности.

– О чем здесь размышлять? Когда этот идиот, воображающий себя журналистом, вломился в зеркало, мальчик испугался...

– Да, действительно, он весь дрожал и не мог сдвинуться с места. Мне пришлось его тащить за собой... Он почти не сопротивлялся...

– Ну и что?

– Мне стало его жалко...

– Да? Это что-то новое.

– Вот именно... Ну, я повёл его в Третьяковскую галерею...

– Зачем?

– Там есть одна значительная для наших целей картина. Репина.

– А, да, мы об этом уже говорили. К'Орфин написал ерунду...

– Да. К'Орфину до Кьеркегора пока далеко. Хотя... Надо отдать должное...

Он догадался, что это главный имперский сюжет.

– Не надо было ему заниматься этим бахтинским травестизмом. Но давай по делу.

– Мальчик спросил, кто его отец...

– Догадался?

– Думаю, на всякий случай... Вдруг проколюсь и сболтну...

– Не прокололся?

– Что ты!.. Тогда он снова заговорил про императора...

– Что-нибудь новенькое?

– Да нет. Вяло так посмотрел на царя и внезапно спросил в упор: «Это Авраам?». Соображаешь? Если Иван-старший – Авраам, то младший Иван – это Исаак.

– Да, которого Бог не захотел спасти.

– Я его спрашиваю: «Ты думаешь, Репин это про раскол?». А он странно так взглянул на меня и отвечает: «Я думаю, это он про гражданскую войну...».

Старик встал и вышел в соседнюю комнату. Вскоре он вернулся с обнажённой по пояс женщиной, груди которой были выкрашены чёрной краской.

– Ты готова?

Женщина неестественно вывернула шею и гортанно, подобно странной птице, заклекотала, закружилась, запищала, опустив голову:

– Не шейте! Не шейте мне новое дело Бейлиса!..

Одним точным ударом легионер перебил ей шею. Она захрипела страшно, выкатила белки глаз и затихла. Старик уже шёл по сумеречной Манежной.

Вскоре перед ним засверкала усеянная заклёпками металлическая дверь ночного клуба «Рагнарёк». Оттуда неслась музыка бойдо. Перед дверью, украшенной крылом «Мерседеса», стоял, уперев руки в боки и скрестив вторую, суррогатную пару на груди, циклоп-охранник, механически жуящий жвачку.

– Тебе чего тут, баклан? – неприветливо спросил он остановившегося перед ним старика. – А ну свалил отсюда на полусогнутых!

Старик, прищулив единственный глаз, чуть усмехнулся:

– Меня иногда называют Наводящим морок...

Неизвестно, что увидел охранник в следующий миг, но, судя по его неожиданно искажившейся физиономии, вспотевшему лбу, закатившимся глазам, запрыгавшим губам и потянувшейся изо рта нитке слюны, едва ли что-то приятное. Натужно застонав, словно бык на бойне, он упал на колени, потом рухнул ничком, судорожно царапая асфальт всеми двадцатью пальцами. Старик перешагнул через него и вошел в клуб, на ходу снимая и выворачивая наизнанку свой чёрный лапсердак. Теперь на нём был багряный клубный пиджак, на слепом глазу – щегольская кожаная повязка, борода оказалась тщательно завитой и напыленной, на голове – напудренный парик, а в руке – платиновая трость с изумрудным набалдашником.

Музыка, звякнув напоследок, стихла.

Все стены были в компьютерных бликах-сердечках: лиловых, розовых, золотых, малиновых, серых.

И все они как-то немедленно побледнели и поблекли.

Официантка, одетая только в роспись: ядовито-зелёные ветви и фиолетово-жёлтые боддхисатвы на них – поднесла вошедшему бокал шампанского. Наводящий морок взял бокал, но пить не стал, а выплеснул на девушку. Часть краски смылась, обнажив бледную кожу. Девица, взвизгнув, отскочила и, споткнувшись, упала. Встать не решилась, поползла в сторону.

Все, на ком останавливался одинокий глаз вошедшего, вжимались в стулья, стены или бочком-бочком отступали ко второму выходу, хотя во взгляде как будто и не было ничего угрожающего.

– Что? – очень буднично и негромко прозвучал вопрос. – Не ожидали сегодня, а? Думали, небось: ну, ведь не сейчас, не сегодня, в другой раз как-нибудь... Так?

По стенам, сметая сердечки, неторопливо двинулась бегущая строка: «...kill them all kiss them all kill them all kiss them all kill them all kiss them all kill them all kiss them all kill them all kiss them all kill them all kiss them all kill them all kiss...».

Старик резко повернулся на высоких каблуках и твёрдым шагом строевого офицера вышел прямо через витринное стекло, которое вслед ему с жалобным, но мелодичным звоном распалось на мельчайшие осколки. Равнодушно взглянув на охранника, всё ещё изображавшего перевернутого на спину краба, он сел в первый попавшийся «мерседес», и тот, как ни странно, с диким механическим рёвом тронулся с места. Как только он скрылся за углом, с противоположной стороны улицы, вращая мигалками и подвывая сиренами, триумфально подкатил милицейский кортеж.

Капитан Бригадкин перевернул стонущего и захлёбывающегося слюной охранника на бок. Струйка не то пены, не то рвоты, дымясь, выкатилась из рта лежащего на морозный декабрьский асфальт, и, едва справляясь с распухшим языком, охранник прохрипел: «Ко... Конь!.. Конь в пальто...»

На третьей попытке он дернулся так, что затылок с глухим тяжёлым стуком ударил о тротуар, и затих.

Выскочившие из появившейся наконец «скорой помощи» санитары перекатали полностью теперь неподвижного охранника на носилки, и один из них, покосившись на вспышки фотоаппаратов в руках как из под земли появившихся журналистов, незлобиво заметил:

– Будет теперь чем нашпиговать программы новостей!

– Третий такой случай за эту неделю, – отозвался второй, водружая носилки в открытую заднюю дверь «скорой».

Бригадкин в это время был уже во внутреннем помещении «Рагнарёка»

– Ё-моё... – только и мог выдать он из себя: такого разгрома ему не встречалось уже давно.

Прямо в центре зала возле перевёрнутого столика неподвижно распростёрлась совершенно обнажённая женщина, вся в потёках не то краски, не то грязи.

Повсюду валялись перевёрнутые стулья и ползали, безуспешно пытаясь встать на ноги, вполне прилично одетые мужчины и женщины. Впечатление было такое, как будто посетители «Рагнарёка» обкурились анаши или их отравили каким-то газом.

Не успел Бригадкин сосредоточиться на неподвижном женском теле, как изумление его возросло ещё больше: из большого зеркала в стене вышел странно одетый мальчик: грудь его была обнажена, и на ней синей краской был нарисован крест, на плечах, облекая фигуру, красовался фрак цвета знамен рюриковичей, на ногах были темно фиолетовые шаровары, ступни были обуты в деревянные туфли с высокими каблуками, издававшими кастаньетный удар при каждом шаге, а голову венчал тюрбан, достойный украсить голову индийского раджи.

Мальчик, не торопясь, не глядя на отвисшую от удивления нижнюю челюсть милицейского капитана, подошел к распростёртой на полу официантке, еще недавно блиставшей своей раскрашенной в разные цвета кожей, и бросив ей на живот какой-то предмет, скрылся в боковом помещении...

– Идиот! – невпопад, возможно, имея в виду незабвенного героя Ф.М. Достоевского, повенчавшего благостью всю русскую интеллигенцию, а возможно, и самого себя, завопил Бригадкин, опомнившись от ступора, и бросился вслед за странной детской фигуркой (боковым зрением он заметил, что на животе женщины лежит чистый лист белой бумаги) – Идиот!! Стой! Стой! Стрелять буду!

Выскочив в коридор, Бригадкин успел заметить, как сухой, похожий на жердь старик схватил мальчика за ворот фрака и, как щенка, выбросил через окно на улицу.

Бригадкин хотел уже схватить старика, но тот обернулся в его сторону и посмотрел прямо в глаза...

Последнее, что почувствовал Бригадкин, была слабость в ногах, которые отказались вдруг поддерживать грузное тело, и руки, его собственные руки, непослушные пальцы, пытающиеся расстегнуть неподатливую кнопку кобуры его именного «Макарова»...

19 [Битва спящих деревьев]

У многих людей свастика ассоциируется с фашизмом и Гитлером. Это мнение вбивалось в головы людей последние 60 лет. Мало кто сейчас помнит, что на советских деньгах с 1917 по 1922 годы изображена была свастика, что на нарукавных нашивках солдат и офицеров Красной Армии в этот же период тоже была свастика в лавровом венке, а внутри свастики были буквы «РСФСР».

В.Н. Январский, «Исторические корни»

– Итак? У Вас появились какие-нибудь соображения? – человек в штатском смотрел внимательно и чуть насмешливо.

Адам промолчал.

– Так и будем молчать?

«Интересно, эта формулировка у ментов в генетическом коде записана или где?».

– Мне хотелось бы пока понять хотя бы одно: зачем Вы вообще бросились на зеркало?

«Ну, бросился!.. Был бы ты под действием *праха ангела*, ещё не так бы бросился...».

– Даже Ваше имя...

«А что имя? Что в имени тебе моём... И вообще... Ладно, всё равно не отмолчаться!..».

– Послушайте, лейтенант...

– Что, чин на глаз определили? Или решили польстить, думая, что Вас допрашивает в лучшем случае сержант? Так вот – тут Вы промахнулись. Разрешите представиться: капитан Тим О'Хэра.

– Куда летим в танке? – мрачно поинтересовался Адам.

– Это такой русский юмор? – с неожиданным интересом спросил О'Хэра.

– Скорей еврейский... Кстати, капитан, а каким это образом мы с Вами разговариваем по-русски?

– Пуркуа бы и не па, как говорят в ваших кругах...

«Много ты знаешь о кругах, ментяра!».

– ...в ваших богемных кругах, я хочу сказать! И повежливее, если не затруднит! я, в конце концов, старше Вас!

«Это ещё как сказать... а?! я что, вслух говорю?!».

– Нет, не говорите Вы вслух!

«Так, приехали, и этот мысли читает!..».

– Да успокойтесь Вы – ну, читаю, ну и что? нас и этому учат! А Вы, небось, думали, что мы только дубинками махать умеем? А уж Ваши-то мысли читать вообще piss off sake, а не проблема – они у Вас на лбу крупными буквами написаны!! Вы побольше бы с мелфиатом баловались!

«Ага, о *прахе* он... тсс!!».

– Вот именно, «тсс!»... как дитя малое, честное слово! Гарри Поттер в участке... И Вас ещё удивляет, что я владею русским? But why not? I'm disagreeing with your Nabokoff in this case: Russian isn't worse than English. Но могу и на иврите, если настаиваете – это Ваше право. Или на арамейском. Или на протохеттском,

хотите? Да и на многих ещё... ¿Habla español? Sprechen Sie Deutsch? Parlata italiano? Я полиглот, видите ли. Bhārāmi āngūsam bādhe suvrktī...

– О, так Ваша настоящая фамилия, часом, не Братвурст?

– Хм, вполне возможно, что когда-то она писалась именно так. У нас, ирландцев, среди предков кого только нет, начиная с фоморов и данов... но вот как раз по-древнегэльски, увы, не могу, его не реконструировать. Это Вам, к сожалению, не иврит и не этрусский – нет записанных древних текстов.

– Ну, положим, есть. Хотя бы «Битва спящих деревьев»...

– Очень интересно. Однако ближе к делу: могу я, наконец, узнать Ваше имя?

– Разве Вы его и так не знаете?

– Вопросы здесь задаю я. Итак?

– Адам... – буркнул Адам.

– Это уже кое-что. Адам... а дальше?

– Адам Эл... Junior.

– Очень интересно. А вот некоторые статьи Вы подписываете: «Адам В.»

Это как прикажете понимать?

– Адам Вел... реп-наме.

– Ага, так-так-так... оч-чень интересный реп-наме... Скажите... Junior... а что у Вас общего с... так называемыми неоязычниками?

Адам опять промолчал. Капитан нахмурился:

– Молчать – Ваше право, но не в Ваших интересах.

«Знаю...».

– Хорошо, зайдём с другого торца. Вы из саббатианской семьи, не так ли?

– Можно сказать и так.

– А можно и иначе?

Адам огляделся по сторонам:

– Ну вот представьте, капитан, что это Вас спрашивают, есть ли среди Ваших потомков саббатианцы?

– Потомков?

– Ну... я, конечно, хотел сказать: «предков». У меня это, знаете, с детства.

– Что «это»?

– Да вот... путаю какие-то слова. Вместо «одеяло» говорю «полотенце», вместо «часы» – «очки», вместо «предки» – «потомки».

– Очень, очень интересно! Вы, вероятно, думаете, что о Вас нет никакой информации?

– Да ничего я такого не думаю. У Вас наверняка обо мне информации больше, чем у меня самого, и даже больше, чем надо.

– Кому надо?

– И мне, и Вам.

Капитан не оценил юмор. Пробежался пальцами по клавиатуре, открыл файл:

– Итак, что мы имеем? Так-так... журналист, эссеист, художник... частный детектив, хмм... археолог, вот как!

– Грабитель древних захоронений! – язвительно уточнил Адам.

– Смеяться будем потом, – невозмутимо ответил О'Хэра.

– Да я совершенно не смеюсь...

«Не до смеха мне!».

За дверью раздались спорящие голоса, и, отшвырнув что-то загремевшее, в кабинет разгневанной валькирией ворвалась Нинлиль:

– Тим!! Или ты сейчас же отпустишь моего парня, или...

– Ага, так он ко всему прочему ещё и Ваш парень? – с неподдельным сочувствием спросил капитан.

– ...или я тебе такое устрою, что и твои правнучатые племянники будут, вспоминая, вздрагивать!! Ты что, не видишь, что он всё ещё не в себе?!

Капитан встал и оказался довольно высоким, Адаму, который тоже поднялся, до подбородка:

– Мисс Нафлунг! Я отпущу Вашего, как Вы тут соизволили выразиться, парня при одном условии: если он пообещает завтра же...

– Послезавтра! – перебила Нинлиль.

– Окау, послезавтра, – покладисто кивнул О'Хэра, – но не позже двух часов дня... впрочем, нет, у нас конференция... тогда перед ланчем, ровно в двенадцать, зайти ко мне и прояснить всё, что осталось непрояснённым. How about it?

– All right, – кивнул Адам.

– See you soon then. Make love, not worship! – и О'Хэра усмехнулся краем рта, но Адам, глядевший на Нинлиль, уже не видел этой усмешки и рассеянно ответил:

– Likite sveiki!..³

Тим О'Хэра плотно прикрыл за удалившимися дверь и, как всегда после допроса, принял позу свастикасана, самую любимую им позу процветания.

³ Прощайте! (лит.)

20[Она не любила]

Все кусты, растущие вокруг этих полей, шевелились, словно живые: за каждым из них прятался какой-нибудь охотчий кентавр, выслеживающий из своей засады хозяйку поля.

А.Ким, «Поселок кентавров»

Она шла по вечерней темнеющей улице шахтерского поселка. Какая-то тревога или, точнее, трепет не покидали ее. Поздняя осень. На деревьях трепещут сиротливо последние, уже умершие листья. И этот чёрный террикон в отдалении, который с годами рос и рос, как её неубывающее отчаянье, которое по недоразумению священник во время исповеди назвал жизнью. И в чем ей каются?

Разве он умер не из-за пьянства? Разве это она била его, придя вся в чёрной угольной пыли с работы? А после заставляла его мыть себя в ванной, как лошадь скрести себя жёсткой свиной щетиной?

И вот теперь, когда он лежит, окружённый гирляндой белых хризантем, где-то там, далеко внизу, и по дому бегает их мальчик, шумит, неприлично шумит («Что скажут соседи? Он совсем не умеет себя вести...») и бесится, а она сама стоит в ярких лучах солнца, глядя вслед удаляющейся фигуре в широкополой шляпе: «Точу ножи, вилки! Точу ножи, вилки!». Почему же он её не заметил и прошёл мимо? Не век же ей куковать в этой солнечной долине, одной-одинешенькой...

Она подошла к раскрытому настежь окну и увидела, как на другой стороне улицы из подъезда вышел высокий, атлетически сложенный мужчина, и тут же в подъездную дверь, со звоном спружинив, глубоко воткнулся финский нож.

Лицо мужчины выдавало растерянность. За ним показалась женщина. Она схватила мужчину за руку и втянула назад в подъезд.

Старушка возле подъезда, как всегда, продающая хризантемы, невозмутимо, как будто ничего не произошло, поправила на голове платок. В окно врвался горький, холодный запах поздних осенних цветов.

Сара оделась и вышла на улицу. Сегодня у нее был только один вызов. Она не любила свою работу. Ремонтировать компьютеры, просто заменяя в них неисправные детали на новые, было безумно скучно. Но в этот раз что-то подсказывало ей, что её ждёт необычное.

Однако, если не считать инцидента у подъезда напротив, всё шло своим заведенным чередом. Сверившись с запиской с адресом клиента, она поднялась лифтом на третий этаж и позвонила в дверь.

Дверь otvorил высокий мужчина, лицо которого ей показалось знакомым. Но откуда она его знает, Сара не могла вспомнить.

– Вызывали?

– Да, я без него как без рук. Надо писать отчет о проведенном расследовании, а он, как назло, не работает.

– Вы следователь? – спросила Сара, с неодобрением глянув на высокую тренированную фигуру клиента. Не любила она этих следователей, хотя встречалась с ними только на экране телевизора. Строят из себя таких Шерлоков Холмсов...

– Да нет! – как будто угадав ее мысли, отпарировал мужчина. – Я журналист. Бывают и журналистские расследования. Меня зовут Адам, а Вас?

– Сара, – машинально ответила она, слегка удивившись такому стечению апокрифических имен.

Адам, видимо, подумал о том же.

– Вы поляк? – полуутвердительно спросила Сара.

– Литовец, – поправил он и, подумав секунды три, уточнил: – Хотя, пожалуй, скорее белорус... то есть вообще-то еврей.

«Вот домескалинился! Типичное дежавю...».

Тем временем Сара ловко заменила неисправную деталь на новую:

– С вас сто пятьдесят рэ...

Адам вынул деньги и проследил взгляд Сары на стеллажи с книгами.

Сара заметила его взгляд:

– Прекрасная библиотека. Сейчас это большая редкость.

– Хотите посмотреть? – Адам жестом указал на книги.

Взгляд Сары остановился на тёмном кожаном переплете с золотыми буквами «Книга Авраама».

– Что это за книга? – спросила Сара, чувствуя какую-то неотчетливую тревогу.

– Эта? – Адам на долю секунды замялся. – Это и есть предмет моего расследования. Видите ли... даже не знаю, как Вам это объяснить... иногда мне кажется, что я написал эту книгу... хотя время от времени я вспоминаю, что купил её на книжном развале у уличного торговца... но бывает, что мне кажется, что я герой этой книги... в смысле персонаж...

Сара с любопытством посмотрела на него:

– А о чем она?

– Пока не знаю, – чистосердечно ответил Адам. – Я её не читал... какое-то предубеждение...

– Можно мне взглянуть?

– Не советую.

Адам сделал предостерегающий жест, но Сара уже держала книгу в руках... Или ей только это показалось, как и всё произошедшее после этого.

Порядок событий путался, но было ясно, что когда она увидела кентавра, выскочившего резвым аллюром из переулка, то началось нечто невообразимое.

Кентавр схватил её поперек туловища и поскакал, звеня копытами о камни мостовой. Люди на площади кричали, кто-то требовал вызвать полицию. Но кентавр, не обращая внимание на переполох, тащил её по теперь уже безлюдной улице к подъезду дома, из которого она вышла утром.

Это совершенно не помещалось в сознании Сары. Кентавр с нею на руках, пыхтя и отдуваясь, поднялся по лестнице, занёс Сару в её собственную квартиру, которая теперь уже не казалась Саре своей, и бросил её на постель. Сара торопливо оправила задрвшуюся при падении юбку:

– Что это, похищение или изнасилование?

Бредовая мысль показалась Саре наиболее логически обоснованной.

– Нет! Мы насилуем только греческих нимф. А на тебе я женюсь.

Кентавр с грохотом, неловко, но галантно, свалился на колени. В протянутой к Саре волосатой руке его сияла огромная белая хризантема.

– Ты будешь моей невестой. Пора тебе готовиться к свадьбе.

Он открыл шкаф и вынул из него, к изумлению Сары, белое подвенечное платье. На столе стояла ваза с пышными хризантемами, источающими одуряющий запах смерти...

Кентавр швырнул подвенечное платье прямо в лицо Саре:

– Одевайся!

Сара почему-то не смогла не подчиниться, испытывая нечто подобное полному параличу воли. О таком она читала прежде только в фэнтези.

Прикрывшись дверцей шкафа, она тороплива сбросила свою повседневную одежду и облачилась в кружева и бледные батистовые розы. Несмотря на испуг, она не могла не посмотреть на себя в зеркало, которое вернуло ей вместо невесты полуголую Сару же с бледным лицом и грудью, выкрашенной чёрной краской.

Сара в панике опустила голову и осмотрела себя: всё было в порядке – подвенечное платье было сказочно красиво. Она поправила подол и снова посмотрела в зеркало, которое с упорством, достойным лучшего применения, снова возвратило ей дикую раскрашенную фигуру. Это без сомнения была она, но так странно одетая...

Сара оглянулась. Кентавр, помахивая хвостом, заплетенным в тоненькие аккуратные дреды, что-то писал на невесть откуда взявшемся в её квартире свитке.

Сара, чувствуя, что она сходит с ума, осторожно боком стала двигаться к двери и, миновав пишущего кентавра, кинулась во всё ещё не закрытую входную дверь. Дверь за ней с грохотом захлопнулась, и Сара оказалась в полной темноте.

Буквально через секунду она увидела прямо перед собой огонь костра и круг мужчин в траурных чёрных костюмах. Контуров их фигур как будто были обведены жёсткой линией рейсфедера. Она не могла оторвать взгляда от этого чёткого рисунка, внутри которого образы мужчин становились всё прозрачнее и, неожиданно, вращаясь вокруг костра как вокруг невидимой оси, сложились в одну тяжёлую, налитую солидным металлом фигуру.

«Фрактал?!» – просверкнул в сознании Сары уже почти забытый математический термин её студенческих лет, точно описывающий увиденное, или, как это сама себе подытожила Сара, «галлюцинацию».

Мужчина встал, приветливо помахал Саре рукой и, с трудом передвигая свои металлические ноги, направился к Саре, по пути сбрасывая с себя одежду. Обнажённое тело мужчины переливалось в отблесках костра, и Саре мнилось, что он состоит из ртути.

Она хотела бежать, но не могла сдвинуться с места, как будто её хватил паралич. Её не столько устрашало агрессивное и недвусмысленное движение на неё огромного металлического человека, казалось, появившегося из фильма ужасов, как его молчание и отсутствие звуков вокруг. Но как только она об этом подумала, в ушах её раздался лязг и скрежет гусениц.

21[Адам был и видел]

А что происходит, если бог не удосуживается изменить свой облик и остается до ужаса самим собой, как приспосабливается человеческое тело к порывам его страсти?.. И почему богиня, выбрав для себя в качестве возлюбленного простого смертного, напустила на него эти колдовские чары, после чего он долго не мог прийти в себя?..

Дж.М.Кутзее, «Элизабет Костелло»

Адам был и видел себя огромным, заполняющим собой всю видимую вселенную. И чем больше он становился, тем разреженнее, прозрачнее. Он уже мог видеть звёзды сквозь свою руку. Он и был, Первочеловек, всей вселенной и всеми звёздами.

Но ещё была Она.

Тёмная женщина внизу.

Женщина-скала.

Титанида, голем, аннунак, нафила.

נפילים

И он должен был, хотел, желал, мог, вожделем, стремился, был обязан, вынужден, закабалён... нужное зачеркнуть!.. совокупиться с нею.

Кицух ха-нетиот⁴...

Немедленно.

Она спала, скала, она была и есть велика-мать-холодна-гора, вечная богиня-двойник, отражение, доппельгангер, ледяной ужас, бессмертная смерть, и он знал, что исчезнет в ней навсегда и возродится в их потомке, который, слепое дитя-трикстер, станет чудесным чудовищем или/и чудовищным чудом, возвращённым среди подземных драконов и воспитанным карлами в глубинах тьмы Олам ха-тоху, сразится со всеми богами и победит их всех, соберёт в себя тайные искры и станет Медиатором...

Женщина лежала недвижно, она спала тысячелетия, она спала вечно, и голова её сливалась с горизонтом, но её межножие было ему хорошо видно, манящее и ужасающее. Чёрная впадина; канал, доходящий до центра Малхут...

Он опускался к ней, на неё и в неё медленно и неумолимо, века и зоны.

Он не понимал, как это будет возможно, ведь она, гигантесса, всё же была гораздо меньше, несоизмеримо меньше, чем он-космос. Но тут он увидел, что становится, приближаясь, всё страньше и плотнее, пока не уподобился её камню.

Это было как в детстве, когда высокая температура поднимает тебя и вновь неторопливо опускает как бы в жестяном корыте, и попытки потом рассказать кому-нибудь наталкиваются на полнейшее непонимание: при чём тут корыто?!

И он уже осознавал, что стал меньше её и может видеть соизмеримые с ним горельефы, сплошь покрывающие бёдра и спину лежащей: вот семижды семь ведьм-менад борются за право овладеть богом, которого они уже почти растерзали, но он всё ещё жив... точнее, жива его оторванная голова, жива и видит их... вот на

⁴ «Вытаптывание рассады», акт, ведущий к отделению древа жизни от древа познания и к возникновению зла, являющийся прообразом всех великих грехов (*Каббала*)

спящего, на его нетерпеливую эрекцию, сверху опускается женщина-демон, развернувшая над плечами огромные крылья... вот дерево-троемир, к которому приколот бог, жаждущий света, но обретающий только тьму – тьму ледяного мёда... а вот и он сам, Элион, становящийся Велиалом...

И он вошёл в нее рывком, и ощутил холод предвечного хаоса; холод охватил его всего целиком и лишил способности мыслить, сопротивляться и радоваться; холод пожрал его, холод стал им, и он стал холодом, и начал пожирать себя и вечность; и тогда чей-то насмешливый, но отнюдь не весёлый голосок запел:

Ах, на москвичек каждый лаком!
Уж больно девки хороши!
А посему с законным браком
вас проздравляем от души!..

– и его сознание и существование окончились бы на этом, если бы резкая, но дружественная рука не тряхнула его за плечо, и, пробуждаясь из ледяного сна, он ощутил тепло этой руки и своё знание об этой руке...

– Ты всегда будешь меня вытаскивать? – спросил он, и Нинлиль рассмеялась, не без горечи:

– Да уж. Из любой помойки. Будь спок, old fellow!

Но он уже понимал, что ей не удалось вытащить его совсем, как не удалось бы и никому другому, кроме него самого. И хотя холод пока ушёл из его тела и сознания, в мозгу продолжал звучать ледяной голос: «...I am Cybele, Mother of Gods, and thou art mine...».

«Я не верю в тебя! Я не хочу тебя знать!..».

«Thou will...».

Нинлиль ещё раз встряхнула его:

– А ну, не спи – замёрзнешь!

Он кивнул и приподнялся. Она смотрела на него, чуть прищурясь:

– Вообще-то мне сейчас надо уходить... в кафе «Метрополис» в семь тридцать встреча ведьм, и я должна там сделать для них пятнадцатиминутный доклад. Знаешь что... пошли-ка со мной. Так будет лучше всего.

– Но я-то покамест не ведьма. И даже не ведьмак. И не warlock.

Она нетерпеливо мотнула головой:

– Там могут присутствовать любые язычники!

– Я не язычник.

– Ну, не валяй дурака. По-моему, у тебя теперь нет особого выбора, не так ли? К тому же община в принципе принимает даже манихеев.

– Но я и не манихей.

– А вот это – лучше не так громко. И вообще, ты долго будешь мне голову морочить?! Сожрут они тебя, что ли? Ага, размечтался! Они там все vegans! Ну, можешь нарядиться в свою заговоренную байдану, если тебе так будет спокойнее!

– Jawohl! – он вытянулся перед нею во фрунт и заставил себя улыбнуться.

– Вот так-то лучше... бог-нахтигаль!

– Только давай не в лифт, а спустимся по лестнице, – попросил он, сам не очень понимая свою просьбу.

Нинлиль пожала плечами.

Спускаясь, он, боясь снова услышать внутри головы ужасающий ледяной голос, преувеличенно бодро заговорил:

– Знаешь, вот когда я служил в армии...

– В какой? – она оглянулась через плечо.

– Вообще-то я успел послужить в самых разных... даже в Иностранном Легионе был когда-то.

– Да?

– Ну, если честно, то нет. Не в Легионе, а в ЕЛКА.

– Где-где?

– ЕЛКА – Европейская Лига коммунистов-анархистов. Хотел-то я записаться действительно в Легион, но по молодости лет перепутал его с Лигой. Вот это, скажу я тебе, организация! Торжество абсолютной свободы! Принимаются все – все без исключений, куда там Запорожской Сечи! Никого не интересует, веришь ли во что бы то ни было; пришёл – добро пожаловать!

– Однако! То есть любой агент...

– ...любой разведки, без запинки! Да-да, Лига кишит разведчиками всех стран и всех времён и народов – но вот что интересно: это ей не мешает функционировать. Более того, многие из агентов вскоре перевербовываются. И знаешь почему? Потому что свобода! Ну вот смотри: принуждения в Лиге нет вообще. Никакого. Если, скажем, командир группы дал своему бойцу какой-то приказ, то боец свободен выполнить или отказаться. Командир, в свою очередь, свободен наказать бойца вплоть до расстрела на месте – или проигнорировать и самому пойти выполнять задание. Боец опять же свободен защищаться... и так далее. Казалось бы, такая организация должна бы давно развалиться – а вот ничего подобного! Аромат свободы ни с чем не спутаешь, манит всех... Ну, правда, я-то там подвизался недолго. Всего семь дней.

– Силён ты сочинять, космодезентник.

– Зря не веришь, вот это как раз чистая правда. Семь с половиной, если быть точным. Самый короткий срок членства в Лиге за всю её историю. Говорят, даже внесли в книгу Гиннеса, но я как-то пока не собрался проверить.

Нинлиль остановилась на лестничной площадке и смерила его взглядом:

– А отчего ж так... недолго-то?

– Понимаешь, я снайпер...

– И что? В Лиге снайперы не нужны?

– Снайперы везде нужны. Но снайпер снайперу рознь. Как опиум и каннабис... Понимаешь, я всегда очень неплохо стрелял, но только в Лиге понял, какой именно я снайпер. Это было как озарение... Вот смотри: обычный снайпер, залёгший в позицию, уже не может поменять её, потому что он вообще не должен подавать признаков жизни. Ни есть, ни пить, ни в туалет, ни чесаться, ни отгонять насекомых, ни сплёвывать, ни чихать, ни ковырять в ушах ему до выстрела не полагается. Ему дозволено одно-единственное движение – пальца на спусковом крючке. Снайпер более высокого уровня, которого тренировали много дней и ночей, когда он ел и спал, не разлучаясь с винтовкой, так что теперь ощущает её как часть своего тела... он может двигаться и менять позиции, он это делает так быстро, что противник, как правило, не успевает ничего заметить. Ну, а снайпер моего уровня называется Достижимым...

- Достигшим чего?
- Просто Достигшим. Его выстрелы всегда попадают в цель, но, как правило, никогда не убивают.
- Как это?
- Ну, ты ведь знаешь, что за всё без исключения надо платить, так? Нинлиль кивнула, глядя на него как-то очень внимательно.
- Ну вот. Если твоя воля может подчинить противника так, что он не уклонится от пули ни при каких обстоятельствах, если ты видишь его следующее движение ещё до того, как он его сделал, если ты понимаешь его настолько, что начинаешь любить его, то он делается абсолютно беззащитным перед тобой. Так вот плата за это та, что он одновременно абсолютно защищён. Твоя пуля не причинит ему вреда, даже войдя в сердце или в глаз. Его тело скорее всего пропустит её без вреда для себя.
- Понятно. И ты ещё говоришь, что ты не ведьма? Да ты будешь идеальной иллюстрацией к моему докладу!

22[Это называется фрактал]

И тогда, выхватив револьверы – во сне у нас откуда-то взялись револьверы, – мы с наслаждением пристрелили богов.

Х.Л.Борхес, «Рагнарёк»

...Тим О'Хэра, поднявшись из свастикасаны, набрал на мобильнике номер осведомителя:

– Ты меня хорошо слышишь? Что там вчера случилось на площади «Памяти справедливости»?.. Да-да. Сара? Еврейка? Продолжай наблюдение. Да не за ней! За ангелом... Распоясались, понимаешь ли...

О'Хэра захлопнул мобильник и открыл холодильник, остроумно выполненный в виде сейфа. Плеснул в стакан кубинского рома.

– Ха!

Залпом выпил.

– Свастикасана и кубинский ром – и никаких кентавров на улицах города.

Затягивая портупею и на ходу ворча себе под нос что-то малоцензурное, О'Хэра заскочил в служебный джип, включил сирену и погнал на предельной скорости по полосе встречного движения, за ним, как обычно, барражировал вертолет: пушка 30-го калибра, полный боезапас снарядов, противотанковый ракетный комплекс «Вихрь» и другие весьма полезные приспособы по борьбе с кентаврами.

– Куда им с ихними тачанками!

Тим О'Хэра ещё пару раз отхлебнул из контрабандной бутылки бодрости и, сунув её в карман, выпрямился во весь свой рост, управляя джипом.

«Начальство должно знать, что он не хуже какого-нибудь генерала Муаммара Каддафи и может на полном скаку не только виски пить, но и сигару изо рта не выпускает...».

Жалкая фигура при виде впечатляющего движения О'Хэры по центру города бросилась в первый попавшийся подъезд.

– Да, судя по бутылке, он не молоком верблюдицы вскормлен...

Страпарол ощупал своё тщедушное тело.

«Кажется, обошлось. Он меня не заметил...».

В полутьме подъезда слабо светились двенадцать полуобнажённых фигур в борцовских позах, которые то сливались в одну, то развертывались в виде странного веера тел.

«Это называется фрактал!» – вспомнил Страпарол.

И одновременно ему почему-то вспомнилось, как ещё в бытность зелёным первокурсником он однажды на тошной лекции по фантоматике зыркнул одурелым взглядом в окно и увидел там нечто, для глаз человека не предназначавшееся. Такие вещи нередко прорываются в мир людей, но люди их чаще всего не замечают или принимают за что-нибудь другое, более привычное, как аборигены принимали каравеллы Колумба за каких-то гигантских птиц, поскольку понятия не имели о кораблях. Он и сам тогда тоже готов был уже принять увиденное за обычную мотузовку маргинальной молодёжи – то ли скинов с хакерами, то ли псилобайкеров с киберпанками, когда вдруг один из мотузившихся вскинул голову, и взгляды их встретились, и Страпарол, которого, впрочем, тогда звали совершенно

иначе, и не было у него ещё ни шрама за ухом, ни повреждённого колена, ни одышки, ни аллергии на полимеры, ни зубов мудрости, ни закодированного алкоголизма, ни «сиалиса» в кармане, ни привычки думать периодами и синтагмами, да и любимой книгой-то ещё была, подумать только, перепечатанная на «Эрике» якобы «Камасутра»... словом, глупый (счастливый) юнец, каким он был тогда, увидел вдруг, как у пристально смотревшего на него человека внизу резко изменилось лицо, исчезли рот, уши и волосы, заколебались и раздвоились контуры всего тела, и вся сцена приобрела оттенок дурного сна, от которого стараешься проснуться, и чем больше стараешься, тем больше понимаешь, что нет, не удастся уже, ты в этом сне навеки, и с этим дальше жить... а потом началось такое, о чём он предпочитал не вспоминать все эти годы.

Хотя это были не такие уж и плохие годы... могло быть хуже.

Гораздо, гораздо хуже...

Тем временем фигуры изменились. Теперь они срослись в нечто, напоминавшее плотоядное растение.

«Гидра!» – выскочила в голове готовая формула-клише.

«Посмотрите-ка на этого Геракла занюханного!» – там же, в голове, выскочил ответ «гидры».

Кто такой Геракл, Страпарол решительно не мог вспомнить, хотя был уверен, что ещё в школе учил, каким образом миф о Геракле и гераклидах повлиял некогда на складывавшийся культ Манда д'Хайе. Впрочем, его тогдашняя подруга жизни, ставшая впоследствии директором престижного Дома кино, утверждала, что это-де сказки для бедных. Забавные, конечно, и даже полезные, но всё-таки всего лишь сказки...

Похоже, теперь вся жизнь стала сказкой: чем дальше, тем страшнее. Хотя бывшая подруга с этим едва ли согласилась бы. У неё-то все было в ажуре... в шоколаде, как теперь принято говорить. Иногда она ничтоже сумняшеся называла себя Девой Света и только усмехалась, когда ей намекали, что это как-никак откровенное кошунство.

Фигуры снова изменились, и Страпарол вспомнил ещё один термин, каким-то образом связанный с ними.

Симулякр!..

И едва он произнёс это слово, значение которого не смог бы вспомнить даже под пыткой, как фигуры начали бледнеть и исчезать, как будто компьютерный провод выдернули из сети... Зато явственно стал слышен рёв джипа, теперь забуксовавшего на месте.

Страпарол выглянул наружу. Яркий солнечный свет ударил в глаза и ослепил на мгновение. Когда зрение вернулось к нему, Страпарол осмотрелся по сторонам. Никакого джипа не было и в помине. Но рёв мотора слышался столь явственно, как будто джип был на расстоянии протянутой руки.

– Это похоже на мечту, – подумал Страпарол. – Мечта легко воплотима в звуки и, вне сомнений, где-то вдали (или вблизи) хоть кем-то, но реализована... вон там... вне поля зрения... скажем так: за горизонтом, в далёком далеке...

Из-за угла медленно и мечтательно выплыла пара. И вместе с ней всплыла в памяти странная нобелевская фраза: «...Монмартр, бульвар, подруга на плече, луна, что твой генсек в параличе...».

Пара затормозилась возле Страпарола, мужчина повернул лицо и заплетающимся языком, глядя прямо в глаза Страпаролу, пробормотал:

– Лилит, не оставляй меня...

Женщина дёрнула своего спутника за руку, он послушно повернулся, и пара растворилась в ярком полуденном свете.

Поскольку Страпарол давно уже не помнил, куда и зачем он отправился, и ему по большому счёту было всё равно, не исчезало лишь желание двигаться, он решил идти на звук работающего двигателя, на этот единственный вменяемый, оставшийся от реальности звук. Вскоре он понял, что звук был везде, везде, куда бы он не сворачивал, и... главное... этот звук вытеснил прекрасное непрерывное «ля» его беспутной юности, а вместе с ним и кристаллический небосвод, и...

Мрачное полуденное отчаяние охватило Страпарола,. Улица теперь была полна прохожими. Он оглянулся. Рядом с ним спиной к нему стояла молодая женщина.

Страпарол как-то машинально и решительно взял её за руку. На миг ему показалось, что именно этот момент был целью его движения:

– Пойдём.

Женщина вяло отняла руку:

– Не могу.

– Почему?

– Он ждёт меня...

– Кто?

– Арсений...

– Ах, Арсений...

Страпарол вдруг почувствовал беспричинную ненависть к незнакомому Арсению.

– Скажи ему, что ты больше не придёшь!

Вселенная целей, до этого момента наполненная текучим газом невоплотимых идей, неожиданно сгустилась и отвердела в образе этой молодой женщины, даже имя которой было Страпаролу неведомым.

– Кому сказать? Арсению?

– Ну да... кому же ещё...

– Ммм... не знаю...

Страпарол со злобой больно сжал руку женщины возле локтя. Она вскрикнула, и он поцеловал её прямо в полураскрытые яркие, немного припухлые, но ясно очерченные губы.

Она вдруг прижалась к нему всем телом и как-то обмякла.

– Иди и скажи своему Арсению, что ты больше не придёшь.

Страпарол начал нагло и решительно покачиваться с носков на пятки и обратно. Женщина всё также вяло ответила:

– Хорошо (Страпаролу показалось, что она добавила «милый», или это только ему послышалось?). Ты подожди здесь, а я пойду и скажу ему... скажу, что больше... – она на секунду запнулась, – больше не приду...

Покачиваясь на длинных каблуках, она пошла вдоль аллеи, вдоль отраженных в воде пруда плакучих ив; спина ее, так казалось Страпаролу, выражала покорность... и когда она скрылась за поворотом аллеи, он глядя на

неподвижное зеркало вод с длинными листьями зелёных слёз, пробормотал, почувствовав себя, наконец, абсолютно спокойным:

– Царевна-Ива...

Ожидание казалось ему вечностью. Стрелки часов ползли столь медленно, что, казалось, часы сломались, и их пора отнести в починку. Часовщик-ожидание не знает правильного чередования периодов. Метроном отказывается работать...

Беспокойство вновь охватило Страпарола. Он думал об Арсении:

«Зачем ему удерживать её, ведь всё уже решено... Да и кто такой этот Арсений? Её муж? Любовник? Сын? Просто знакомый или сослуживец? Может быть, я принудил эту милую женщину расстаться с самым для неё дорогим, и теперь она вся в слезах на коленях молит простить её...».

Картины одна ярче и сентиментальнее другой теснились в сознании Страпарола. Женщины не было уже час или больше, и Страпарол решил отправиться на поиски.

– Но кого искать? Я даже не догадался спросить, как её зовут... Я не имею ни малейшего представления о том, кто такой Арсений и где он живёт... Почему она так легко согласилась оставить своего Арсения ради меня? Как она могла так сразу мне поверить? Отдаться безраздельно на всю оставшуюся жизнь?

Страпарол торопливо шёл по улице, не имея ни малейшего представления, когда и где ему следует остановиться.

Интуиция подсказала ему, что этот трёхэтажный дом старинной постройки как раз и есть жилище загадочного пока Арсения. В абсурде происходящего была какая-то скрытая логика, которую Страпарол теперь ясно прозревал не внутренним взором, а каким-то древним, проснувшимся в нём чутьём. Он вошёл в подъезд и поднялся на второй этаж. Дверь на лестничную клетку была открыта. Высокий мужчина в дверях мрачно предложил:

– Заходите, она вас ждёт...

Страпарол прошёл анфиладу комнат и остановился в глубине.

Она сидела на кушетке, распустив волосы. Подняла глаза на Страпарола:

– Как ты хотел? Я всё сделала правильно?.

Страпарол, не отвечая, снова взял её за руку. Рука теперь была послушна и тепла. Она с нежностью провела тыльной стороной ладони ему по щеке. И они пошли мимо мрачного Арсения на лестничной клетке возле всё еще не закрытой двери, мимо старушек на лавочке, затем по бульвару мимо плакучих ив, где в пруду важно, как будто посвященная в тайну, скользила по зеркальной воде пара лебедей... и дальше... дальше... назад в то незабываемое мгновение, когда ночь и ветер, и долгое нескончаемое «ля», и её раскинувшееся в лунном сиянии среди кипени простыней тело...

Часть IV

[Разумный бред, или бред разума]

23[В «Метрополисе» было]

Он наконец прибыл в страну, которая называется Гилея.
Здесь он нашёл в пещере некое существо двойной природы:
наполовину ехидну, наполовину деву, которая выше ягодиц
была женщиной, а ниже змеей...

Геродот, «История»

В «Метрополисе» было так набито, что и Фрицу Лангу не снилось, а «Кофеин» по сравнению с этим показался бы пустым, как «Хайям». Нечего было и мечтать найти место не то что сидячее, но и висячее. И, как Адам почему-то и ожидал, большинство присутствующих были мужчины. Впрочем, многие из них были одеты в какие-то легкомысленные юбочки, что в сочетании с небритыми физиономиями давало своеобразный зрительный эффект.

– Это что, нынче все ведьмы такие? – громким шёпотом спросил он.

Нинлиль раздосадованно пробормотала:

– Да это «Мантикора», чтоб их тролли на части разодрали!..

– Кто?

– Ну, Орден Мантикоры! В нем, в основном, состоят би- и транссексуалы, считающие себя язычниками. Придурки, явились не запылились!

– И что, они всегда так ходят? В сарафанчиках?

– Какие сарафанчики? Это килты! Ты что, килтов никогда не видел? Они же ещё и в кельтов играют... Тима бы сюда, он бы им показал кельтов! В полный рост!

К ним шагнула женщина неопределенного возраста – при взгляде справа ей можно было дать лет сорок пять, при взгляде в упор она словно начинала двоиться и могла быть как семидесятилетней, так и тридцатилетней.

– Ночь и день! – прошептала она. Адам понял, что это приветствие.

– Их противостояние и взаимная тяга! – без малейшей запинки ответила

Нинлиль. – Когда вы мне дадите слово?

– Да хоть сию минуту! Начинай, все в сборе.

– Да уж вижу...

Нинлиль каким-то образом протолкалась к стойке бара и, взяв в руки чей-то пустой бокал, легонько постучала по нему ногтем. Как ни странно, этот слабый звук привлёк всеобщее внимание, и все взоры обратились к ней.

В этот момент раздался звон колокольчика, и за окном кафе... если бы там появился огнедышащий дракон, Адам изумился бы меньше. В конце концов, чем дракон невозможней кентавра?

За окном появился точильщик!

Ничего подобного Адам не видел уже много лет и даже не подозревал, что такое всё ещё существует!

Невысокого роста мужичок в выцветшем джинсовом костюме и белой кепочке-семиклинке, нелепо украшенной синим помпоном, катил перед собой тележку, над которой гордо возвышалось красное точильное колесо с тонким ободом, и деловито позванивал в колокольчик. К тележке сзади зачем-то были привязаны какие-то цветные тряпки и ленты, и всё это вообще имело вид чего-то такого, чему Адам уже и название не мог вспомнить!

«...Хиппует чувак!» – всплыло, наконец, в мозгу, и хотя к точильщику это едва ли имело непосредственное отношение, Адам почувствовал тем не менее, что попал в точку.

Тем временем Нинлиль в наступившей тишине произнесла:

– ...Dafür soll er sich reinigen und einer Jungfrau dem Symbol der von menschlicher Hand nicht verschmutzten Natur folgen⁵...

Видимо, это была тема доклада. Впрочем, она тут же перешла на английский и начала довольно занудно приводить примеры бинарных оппозиций: life – death, right – left, male – female, hot – cold, clean – dirty, cosmos – khaos...

Адам слегка отключился, рассматривая лица слушателей, и вернул внимание, лишь услышав:

– ...исходя из того, что подсказывают нам данные мифологии и антропологии, то есть из архаического отношения к женщине как к носительнице мощной магической силы, мы вполне можем предполагать, что «левое, тёмное, влажное» не всегда рассматривалось как «плохое» – точно так же, как, скажем, более позднее понятие «демон» не всегда осознавалось как «враг». Нечто угрожающее, способное стать очень опасным – но не «плохое». Естественно, я исхожу из того, что «левое, влажное, иррациональное» – изначально «женское», в чем вообще-то не уверена. Напоминаю, я не антрополог и не филолог, я биофизик. С другой стороны, не лишним будет вспомнить, что в XIX и особенно в XX веке «левое» стало расцениваться как «прогрессивное, революционное, освободительное», тогда как «правое» – как «реакционное, империалистическое, расистское». Как вы все хорошо знаете, нашей лаборатории удалось создать ряд право-левых биоморфов, но ни один из них пока не обладает теми качествами, на которые мы рассчитывали. Ничего удивительного, конечно, ведь это все-таки не големы. И мне хотелось бы в этой связи предоставить слово моему близкому другу... мистеру Элу!

Адам увидел, как все повернулись к нему, следуя за жестом Нинлиль.

Чего, собственно, они ждут?

Ну ладно. Это у нас всегда с собой.

Адам откашлялся:

– Леди и джентльмены! Продолжая заданную тему, напомним вам: неолитические охотники знали, что не возьмут зверя, если женщины вначале не станцуют по всем правилам ритуальный танец. То же условие было для критских моряков залогом их благополучного возвращения в порт. Примеры из литературы: «Песнь о нибелунгах», – он улыбнулся Нинлиль, – где, как вы помните, Брюнхильда запросто вздёргивает Гунтера на крюк, что, в свою очередь, отправляет нас к аккадскому «Схождению Инанны»... или неоконченный роман русского... то есть, простите, украинского писателя Гоголя-Яновского «Тарас Бульба». Жанр этой книги я определил бы как лироэпическое фэнтези. Автор реконструирует и концентрирует события неких утерянных исторических хроник о последней вспышке борьбы западной ветви митраизма с манихейством. Однако для нас существенно зафиксированное в романе отношение к женщине. Казалось бы, жена главного героя не смеет не то что поднять руку на мужа, но и рта раскрыть без его

⁵ Для этого он должен очиститься и следовать Деве, символу природы, не осквернённой рукой человека (герм.)

дозволения. Однако же перед отбытием из родного дома в военно-разбойничий посёлок, где их сыновьям предстоит пройти обряд инициации, герой требует, чтобы юноши подошли под материнское благословение, охраняющее от любого вида оружия. То есть по-прежнему очень высоко, хотя уже неосознанно, ценится сакральная, магическая сила женщины, воспринимаемой, как и тысячи лет тому назад, в качестве ипостаси Великой Богини – в данном случае Барбело, или, как сказали бы мои потомки – то-есть, простите, предки – Шехины...

Вспыхнул ропот, и Адам понял, что многие настроились к нему весьма недружелюбно. Однако Нинлиль перехватила внимание:

– Внимание!! Мистер Эл, помимо чисто теоретических штудий, обещал продемонстрировать нечто практическое.

«Я? Обещал?! Ты о чём это?!» – изумился Адам, но было поздно. В руке Нинлиль сверкнул стилет – и тут Адам осознал себя уже на улице. Навстречу ему точильщик опять катил свою тележку. В следующий миг он был снова в кафе. Стиллет торчал в двери на уровне его шеи.

– Что и требовалось доказать! – торжествуя воскликнула Нинлиль. – Позвольте представить вам нового участника группы паракинетиков!

Адам протянул руку и попробовал вытащить стилет. Это удалось не сразу – клинок вошел глубоко, бросок был вполне профессиональный. Если бы он остался стоять на месте...

Он глянул на Нинлиль и, встретив её встревоженный взгляд, улыбнулся ей. Улыбка, впрочем, получилась несколько вымученной.

Откуда ни возьмись вновь появилась женщина неопределённого возраста.

– Надо срочно расходиться, – сообщила она Нинлиль театральным шепотом, – полиция прочесывает весь район!

– Чья полиция? – в тон ей также демонстративно громко прошептала Нинлиль.

– Международники.

– И чего им не сидится в их благоустроенных казармах?

– Кажется, ищут «Наводящего морок»...

Кокетливые ведьмы-мужчины из Ордена Мантикоры, напирая друг на друга, устремились в боковые двери. Скульптурное лицо Нинлиль неожиданно утратило неподвижность, и на губах появилась почти застенчивая улыбка. Одним прыжком она вскочила на стойку, и Адам увидел, как она отворила маленькую дверцу под потолком. Ярко блеснул голубой квадрат неба. Через секунду она была уже снаружи и оттуда сделала Адаму знак следовать за ней. Адам неуклюже проделал тот же путь к небесам, и вот уже они, как в плохом детективе, карабкаются вверх, съезжают на закорках и спускаются вниз по пожарной лестнице глухого колодезного двора.

На уровне третьего этажа Нинлиль протянула ногу и одним ударом отворила окно на лестничную клетку. Внутри подъезда после полуденного сияния солнца, режущего глаза, казалось темно, но Нинлиль легко ориентировалась во всех поворотах коридора и переходах с этажа на этаж. Наконец, она остановилась перед дверью, похожей на полсотню других дверей, которые они уже миновали. Дверь была незаперта и, когда Адам переступил порог, он понял, что находится в

своей собственной квартире. На полу с побитой мордой валялся пьяный Мунд. Увидев их, он приподнялся и нагло пробормотал:

– Арбайтен, киндерхен, арбайтен! Ди зоннэ штэйт хох!

24 [Оккультус ноктюрум]

– Я могу быть свободным, сэр? – скромно напомнил о своем существовании кентавр.

О'Хара свирепо зыркнул сначала на кентавра, потом на Боа, потом снова на кентавра и раздражённо буркнул:

– Нет! Сейчас ты проводишь нас на плоскогорье Утраченных Иллюзий, к пещере, а потом поглядим, кто и на что способен!

Гарм Видар, «Чужое небо Энферна»

...Тим О'Хэра подрулил к пропускному пункту и картинно развернул джип. Всё заволокло пылью. Сонный часовой под вывеской «ДОСК-А», что должно было означать: «Добровольное Общество Сохранения Кентавров, отделение А» (маленькими буквами снизу было приписано: «Биолаборатория»), – выразительно поправил автомат на груди:

– Пропуск заказывали? Без пропуска нельзя!

– Ничего, мне можно. Звони начальству, скажи: полиция.

Часовой неуверенно набрал номер внутреннего телефона.

Через несколько минут из дверей вышел тщедушный человечек с прилизанными к лысине жидкими волосами и бородавчатым носом:

– Петрофф. Замзаф. Фто Фам угодно? У нас фдефь фферхфекретный объект... Пофторонние категорифефки не допущаются.

– А у меня – вот, предписание! – Тим О'Хэра вытащил из нагрудного кармана помятую бумаженцию. – Распоряжение правительства по борьбе с беспределом ваших кентавров... Распустились, понимаешь ли...

– Ф фём конкретно фогтоит претенфия, и фем мы могли бы быть полефны? Голос замзава, до этого категоричный, приобрел вкрадчивые обертона.

О'Хэра нахмурился:

– Ваш кентавр уже второй раз умыкнул еврейскую девушку.

– Фто Фы! Наф кентафр? Не мофет этого быть, ффе кентафры ф фтойлах, мофете фами убедитья...

Мунд отодвинул лэптоп, встал и начал раздражённо мерять шагами комнату.

Нет, всё это никуда не годится. Не пройдёт, и думать нечего. Надо же было так подсесть в юности на этих кентавров, о которых нынче ни одна тварь слышать больше не желает, не то что в сериале на них смотреть! Никого уже не интересует эта комбинация слепой силы инстинктов и направляющего голодного духа! Все уже давно выучили наизусть и Юнга, и... и Лотреамона! Выучили – и забыли, гоблины вонючие!

Не пройдут и намеки на сверхсекретность, не говоря уж о «еврейских девушках». Ещё ведь и права отберут, падлы зловещие!

Раньше была нормальная цензура – то есть, конечно, те ещё твари беспросветные, пробы ставить некуда... но всё ж таки конкретные живые люди, с которыми худо-бедно можно было как-то добэкаться, которые вполне просекали, что и скриптор тоже ведь живой человек, тоже, как и они, хавать-берлять хочет... и на определённых условиях, за определённую мзду...

Теперь вместо них – «Кольцо Nohireth», и с этими-то не договоришься. Да и не заговоришь...

Цванциг хундерт ферфлюхтэн аршгефиктэн тойфель!..

И хуже всего, что эта палка – о трёх концах. Когда удавалось протащить очередной сценарий и получить очередной гонорарий, то к радости каждый раз примешивался отвратительный страх, всё крепчавший. Сначала непонятный, потом... кое-что ему растолковала Линда, но основное он со временем понял сам.

Даже такой, написанный исключительно для заработка текст, как и любой артефакт, обладает гиперфизической энергией. Тем более, если в него вложено хоть немного силы духа. В этом признался когда-то псих Бунюэль в связи с фильмом «Преступная жизнь Арчибальдо де ла Круса»: в фильме герой символически убивает возлюбленную, сжигая в камине изображающий её манекен – и через некоторое время после выхода фильма актриса, игравшая её роль, покончила с собой и завещала себя сжечь. Похожая история произошла с художником Рене Шарбонно, написавшим картину «Жанна д'Арк на костре»: ему позировала студентка Жанна Ленуа, а на следующий день после того, как полотно вывесили в выставочном зале, в университетской лаборатории взорвались реактивы, и находившаяся там Жанна не смогла выбраться из помещения и сгорела заживо. И таких примеров – хоть отбавляй, взять хотя бы этого имперского художника Рэпын с его знаменитой картиной «Ivan the Terrible kills his son». Натурщик, с которого Рэпын писал царя, сошел с ума и пытался убить своего маленького сына. А уж натурщик, с которого был написан царевич...

Мунд рассеянно глянул в окно. И остолбенел...

Оккультус ноктюрнум!!

Он давно уже не удивлялся своей способности видеть то, чего не видят другие, но всё-таки... всё-таки ему и в голову не приходило, что они решатся проводить ритуал среди бела дня... ну, не среди дня, вечером... – на улице, перед фотомагазином, где крутятся десятки людей... играют дети... спит на скамейке бездомный старик... полиция в двух шагах, наконец!!

Вот если б написать об этом!..

Вот это был бы сериал так сериал!..

Нет уж, нет уж, данке шён! Лучше зубы на полке, чем думмкопф в мусоропроводе, как говаривала бабушка Рапунцель, а уж она-то зря не сказала бы! Как раз на ее пятнадцатилетие проклятые парфяне вошли в Париж, и ублюдки-лягушатники тут же стали пачками сдавать германцев, которых до этого звали не иначе как своими арийскими братьями – а теперь вдруг вспомнили, что они вообще-то кельты и, стало быть, германцам спокон веку заклятые враги... так что несовершеннолетняя тогда бабушка всякого навидалась и на волосок от гибели погуляла вдосталь. И уж на чужой обряд даже глядеть не стала бы – от греха подальше.

Не совсем чужой, впрочем...

Если бы, однако, люди видели, что происходит у них под носом!

Мунд никогда в таких случаях не мог быть полностью уверен, что именно из увиденного им действительно происходит, а что он достраивает собственным воображением. В данном случае он видел четырёх женщин в сверкающих кольчугах и жутковатых чёрно-красных масках, образовавших тесный кружок. В

центре кружка стоял мальчик, сомнабулически поворачивая голову во все стороны. В руке он держал золотой серповидный нож и всем своим видом напоминал статую юного Митры. Второй, большой круг из людей, одетых в алые плащи, окружал их, не давая проникнуть посторонним, которые, впрочем, совершенно не замечали происходящего – если кто-то из прохожих и натыкался на стоящих, то озадаченно хмыкал, что-то произносил (видимо, извиняясь) и удалялся; большинство же вообще обходили ритуал стороной, словно открытый люк в асфальте.

Мунд напряг зрение – нет, Линды среди них как будто не было. Но это ни о чем хорошем не говорило, скорее наоборот. Может, её отстранили, и это означает, что за ним могут очень скоро прийти... Может, она уже среди элиты, и это означает... Может...

Любой, совершенно любой расклад может быть плохим. Для него.

Запищал!.. мобильник, высветив её номер.

– Да?!

– Где ты? – дурацкий вопрос, типичный для Линды.

– Не там, где мне быть хотелось бы!

– Там, где тебе быть хотелось бы, тебе быть больше не светит. Отвыкай!

Такой ответ был вполне в духе Линды. Деликатностью она никогда не отличалась.

– Слушай... этот твой парень...

– Да, малыш, он мой парень. И прежде чем ляпнуть о нём что бы то ни было, подумай дважды. Ты меня хорошо понял?

– Я тебя хорошо понял. Но у меня к тебе есть конкретные вопросы.

– Давай твои конкретные.

– Это он убил Бео?

– У тебя богатое воображение. Конечно, нет. Хотя даже если бы и он...

Мунд скрипнул зубами:

– Как... как ты можешь?! Морозилка по тебе плачет!

– Знаешь... по мне столько всего плачет – считать устанешь.

– А Зигги кто убил? Тоже не он?

– Зигги? – в голосе Линды послышался сдерживаемый смех. – Малыш, ты в окно смотришь?

– А... да.

– Посмотри внимательнее. Мальчика видишь?

– Да.

– Это Зигги!

– Что?!

– Это он, милый! Не моя вина, если ты не узнаешь его.

Мунд впился взглядом в продолжавшийся обряд. Женщины одновременно извлекли из-за поясов короткие клинки и синхронно ткнули в горло мальчика, который, однако, не обратил на это ни малейшего внимания. Клинки явно не причинили ему никакого видимого вреда.

– Ну, видел? – Линда уже откровенно смеялась. – И ты еще сомневаешься, что это он?

– Он... каменный?

– Лучше быть камнем, чем дубиной! – и Линда отключилась. Слушая гудки, Мунд пожалел, что он не биоморф.

Отрепешенно глянув в сторону лэптопа, он лёг на пол ничком и зашептал, почти не понимая произносимый древний текст:

– ...Die Jünger drängten Jōhānā, da stand Jōhānā auf, stieg in den Jordan, ließ den Jordan frei fließen, breitete seine Arme aus, empfing Mandā d̥Haijē und sprach zu ihm: «Komm, komm, kleiner Knabe von drei Jahren und einem Tage, Kleinster unter seinen Brüdern und Ältester unter seinen Vätern, der klein ist, dessen Reden aber bedeutsam sind!».

Darauf ging Mandā d̥Haijē zu Jōhānā an den Jordan. Als der Jordan den Mandā d̥Haijē erblickte, sprang und hüpfte er ihm entgegen und hüpfte über seine Ufer. Jōhānā stand über dem ersten Munde im Wasser und unter dem letzten Munde zwischen den Wassern. Er schwimmt und hat nicht die Kraft zu stehen. Mandā d̥Haijē erblickte Jōhānā und betrückte sich über ihn. Der Glanz des Mandā d̥Haijē drückte auf den Jordan, und als der Jordan den Glanz des Mandā d̥Haijē erblickte, wandte er sich rückwärts, und Jōhānā stand im Trocknen.

Mandā d̥Haijē ging dann an Jōhānā heran und sprach zu ihm: «Taufe mich mit deiner reinen Taufe und sprich über mich etwas von dem Namen, den du auszusprechen pflegest!».

Darauf sprach Jōhānā zu Mandā d̥Haijē: «Tausend mal tausend Menschen habe ich in den Jordan hinabsteigen lassen, und zehntausend mal zehntausend Seelen habe ich im Wasser getauft. Ein Mann, der dir gliche, ist mir noch nicht durch die Hände gegangen. Jetzt hat sich hier Trocknis gebildet; worin soll ich dich taufen?»⁶...

⁶ Ученики теснили Юханну, там стоял Юханна; стоя в Иордане, позволял Иордану течь свободно, распростер свои руки, принял Манда д'Хайе и сказал ему: "Приди, приди, маленький мальчик трех лет и одного дня, самый младший среди своих братьев и самый старший среди своих отцов, маленький, речь которого знаменательна, однако".

На это сошел Манда д'Хайе к Юханне в Иордан. Как Иордан заметил Манда д'Хайе, он прыгал ему навстречу и прыгал в своих берегах. Юханна стоял первым ртом над водой и последним ртом в воде. Он плыл и не имел силы устоять. Манда д'Хайе увидел Юханну и опечалился о нем. Сияние Манда д'Хайе упало на Иордан, и Иордан, увидев сияние Манда д'Хайе, обратился вспять, и Юханна стоял на сухом месте.

Манда д'Хайе подошел к Юханне и сказал ему: "Крести меня твоим чистым крещением и произнеси надо мной некое имя, которое ты обычно произносил".

На это Юханна сказал Манда д'Хайе: "Тысячу раз тысяче душ я позволял спускаться в Иордан, и мириад раз мириад душ я крестил в воде. Человек, который был бы равен тебе, еще не проходил через мои руки. Теперь здесь сухое место; где я должен крестить тебя?" (*старогерм.*).

25 [Что-нибудь в этом роде]

– ...Вальс безнравственный, непристойный танец, а сейчас я видел, как девица Альбертина Фосвинкель, и притом в подвенечном наряде, вальсировала с молодым человеком, да ещё так, что у меня в глазах помутилось. И всё же я не могу от нее отказаться, нет, не могу!..

Э.Т.А.Гофман, «Выбор невесты»

– Что-нибудь в этом роде я и ожидал увидеть... – сказал Адам, глядя вверх на болтающееся под потолком чучело странного существа с кайманьей пастью, четырьмя петушиными ногами и крыльями огромной бабочки. – Кстати, я ведь впервые у тебя дома.

– Кстати, не раскатывай губу – ночевать я тебя не оставлю.

– Да? А, собственно, почему?

– А потому! Как теперь принято говорить, такой прикол...

Нинлиль ещё что-то сказала, но внимание Адама отвлекла огромная, в полстены, фотография – точнее, фотоколлаж. Атлетического сложения юноша развалился в ампирном кресле, небрежно уронив руки на подлокотники; на плечах у него восседала с грустно-отрешённым лицом нагая Нинлиль, сжав бёдрами его голову. Правда, волосы её были тёмными, почти чёрными, отчего он и не сразу узнал её – но, собственно, и фото было чёрно-белым; торс Нинлиль был почти весь заслонён развесистой головой парня, чьи глаза и пол-лица скрывались за тёмными очками-консервами (Адам краем сознания вспомнил, что у него тоже есть такие очки), нос и челюсти были идеально-правильными, как у андроида, и, чтобы подчеркнуть это, автор коллажа «вскрыл» его черепную коробку, заставив торчать оттуда множество проводков и прочих деталей загадочного механизма. Из-за всех этих андроидных деталей разглядеть можно было только правый сосок Нинлиль.

Адам подумал об отношениях, которые, вероятно, связывали её с автором фотоколлажа. И, возможно, с «андроидом».

– Не медитируй на это, – небрежно заметила Нинлиль, – фотографа уже нет в живых.

– О, вот как?

– Именно так. Я своими глазами видела его тело. Без головы и без руки.

– М-да... а натурщика? – Адам кивнул на «андроида».

– Не узнаёшь? Это Мунд.

– Да-а? Вот бы не подумал!

– Ага. Он тогда выглядел совершенно иначе. Вообще, можно сказать, был другим человеком. Носил кличку «Неброэль», ампаланг в ухе и пирсинг по всему телу, волосы красил в цвет мирового льда, глаза – в цвет заката Европы. Увлекался, знаешь, всякой такой уж хренью: то кибернесторианством, то панкорфизмом, то коловратоедением, всего уже и не упомню; даже был однажды в какой-то ролевой игре... этим, как его... имитатором кимитори. До чего ж был пацан прибацанный!.. пока повзрослел, столько дырок мне в голове продолбал – вместо дуршлага использовать можно было бы...

– А ты?

– Что – я?

– Ты чем увлекалась?

– О, я-то всегда знала, что моё место – в Ордене Полной Луны. Сколько себя помню, хотела войти в него. И вошла.

– Расскажи мне об этом, – Адам, не глядя, придвинул к себе кресло (вроде то самое, ампирное) и сел.

– Постепенно всё расскажу, не бойсь. Прими-ка сперва вот это... – Нинлиль протянула ему упаковку таблеток.

– Что это? – спросил Адам, уже зная ответ, и получил ожидаемое:

– Metadon-generik.

– О-о!

– Ага. С сегодняшнего дня будешь принимать его вместо мелфиата, постепенно уменьшая дозировку, пока не вылечишься.

– А кто тебе сказал, что я хочу вылечиться?

– А кто тебе сказал, что ты всё ещё можешь делать то, что хочешь? Будешь теперь делать то, что я тебе скажу. И не говори мне, пожалуйста, что я тебе покамест не жена.

– А... нет, я только хочу сказать, что уж если бы я хотел вылечиться, то обратился бы к специалисту.

– Ага, а специалист запихнул бы тебя в клинику, где тебя избавили бы от зависимости, возможно, быстрее – но мне не нужно быстрее. Мне нужно достаточно медленное излечение, чтобы ты не утратил инициированные наркотиком паракинетические способности...

Адам расхохотался так, что кайман/петух/бабочка закачался под потолком. Как всё же хорошо, что она, участница довольно-таки мрачных ритуалов и обладательница тайн, которые ему лучше не помнить, тем не менее...

– Что ты ржёшь, мой конь ленивый? – хмуро спросила Нинлиль.

Вместо ответа Адам встал, шагнул к ней и церемонно поклонился:

– My lady! Shall we dance?

Нинлиль даже несколько растерялась:

– А... а ты уверен, что я вообще танцевать-то умею?

– Уверен! В Ордене у вас наверняка есть всякие церемониальные танцы, так что ритм ты уловишь. А я несколько лет занимался сценическим движением, так что ноги тебе не отдавлю.

Они танцевали без музыки, и это был самый странный танец, какой только можно себе вообразить, так что пытаться описывать его столь же бессмысленно, сколь и интересно. Они танцевали, на ходу изобретая всё новые фигуры, и даже если бы из стенного шкафа вдруг вывалилось безрукое и безглавое тело несчастного автора фотоколлажа, они не перестали бы танцевать. В ритме их движения Нинлиль что-то шептала, и Адам сперва не понимал ни слова, потому что язык был явно искусственный, но вот она перешла на староанглийский и чуть повысила голос:

– Our Mother, Who art here present, honored be thy name! Thy time is come. We shall be One On Earth, which is our Heaven. Give us this day our daily love. And love us in our imperfections as we forgive those who trespass against us. For thine is the spirit of the great transformation forever and ever...

– Amen! – подытожил Адам, вращая партнершу вокруг себя всё быстрее. –
Хотя, по-моему, лучше бы обратиться совсем к другому божеству.
– К Приапу, что ли?
– Примерно...
– Так, по-моему, и обращаться не надо.
– That's right, my lady, that's right! As always...
– Слушай... а давай назовем это – Кофейный Танец!
– Почему вдруг?
– Ну, понимаешь, у этих трансгендерных олухов из «Мантикоры» есть
Чайный Танец. А у нас пусть будет альтернативный!
– Нормальный ход! Но тогда уж, может, Капуччинный?
– Нет... не звучит как-то... да и не выговоришь сходу.
– Как скажешь, владычица трёх миров!
– А... а какие миры ты имеешь в виду?
Адам ни на секунду не замедлил с ответом:
– Конечно, Тиферет, Йесод и Малхут!
– То есть самый-самый высший мир ты мне всё-таки не отдаёшь, да? И даже
Хесед?
– Эй! А ты-то откуда это знаешь? – запоздало удивился Адам.
– Ну да, как же, один ты у нас такой образованный!..

26 [Толпа в чёрных плащах]

Голова его касалась звёзд, руки его простирались одна до заката солнца, другая – до восхода. Они оканчивались ста головами драконов. Часть его тела ниже бёдер состояла из огромных извивающихся кольцами змей, которые, вздымаясь до самой вершины тела, издавали громкий свист... Боги, увидев, что он устремился к небу, кинулись бежать в Египет; преследуемые, они превращались в животных.

Аполлотор, «Мифологическая библиотека».

Толпа в чёрных плащах, затаив дыхание, слушала монаха, отличавшегося от них только белым цветом плаща. Он говорил, не повышая голоса:

– Во имя Великой Жизни! Вставай, избранный, вставай, праведный, вставайте, верные, совершенные! Вставайте, поклонитесь и прославьте Великую Жизнь! И восхвалите великого царя Шислама-Рба, и восхвалите тайную Танну и Хам-Зиву, и восхвалите великого Явара и великого Злата, и восхвалите Симат-Хийю, от которой родилась Вселенная...

– А ты вообще помнишь, как это началось? – тихонько спросила Нинлиль.

Адам покосился на неё. В чёрном плаще с надвинутым капюшоном она совершенно не была похожа на себя обычную. Впрочем, такой плащ очень меняет человека – не похож на себя был и Мунд, сидевший справа от неё. Да и он сам, наверное, тоже...

– Что «это»? – вопросом на вопрос ответил он, выигрывая время.

– Брось, ты меня прекрасно понял.

Адам неуверенно улыбнулся:

– Ну... вот, например, для меня когда-то много лет любимой книгой – любимой сценой в этой книге – была последняя глава... финал, когда вождя разгромленного восстания ведут по городу среди обезумевшей толпы, и вся она участвует в небывалой телесной пытке: его бьют – но не более чем тремя пальцами, колют, царапают, режут, забрасывают отбросами, хлещут бичами... почему-то накрепко запомнилось, что бичи те – из гиппопотамовой кожи... прижигают раны раскалённым прутом... это длится, длится, длится и длится, и он всё идёт, живой кусок ободранной плоти, держась на ногах даже не из последних сил – какое там, их давно нет!.. а непонятно как, на автопилоте... и где-то в конце улицы и жизни его ждёт любимая, ради которой он, собственно, и возглавил мятеж, и где из него, полуживого, вырвут сердце и преподнесут ей... невеста-смерть... По сравнению с этим страдания Иешуа, Мани и даже Акивы – ещё далеко не худшее!.. Но самое главное: как они в любой момент могли призвать себе на помощь легионы ангелов, прекратить муки и посрамить палачей – так и он владеет некоей сверхмагией, к которой, однако, не позволяет себе прибегнуть...

– Подожди! Это в книге так?

– Да нет же, я ведь пробую пояснить, с чего началось... понимаешь, это я придумывал новый финал, потому что тот меня не устраивал... я воображал себе: он знает нечто... ритуал, скажем так... хотя тогда я и слова этого не знал... он посвятил себя Молоху...

– А!

– Ты понимаешь, да? Он в принципе способен разорвать путы, разогнать толпу, разрушить город до основания... да вообще сделать что угодно... но нет! Себе дороже. Потому что это будет уже не он, а зомби. Одержимый. Даже точнее – как бы киборг, простой придаток жуткого божества. Он утратит нечто... сейчас бы это назвали... очень приблизительно... душой... а мои потомки... предки, тьфу!.. сказали бы «руах». Вернее, руах и нефеш сразу...

– Не отвлекайся!..

Монах возвысил голос:

– ...И люди будут обмануты, они последуют за лжепророками, все будут творить зло. И даже многие верные к ним присоединятся. И вот тогда-то явится великое знамение на небе и на земле, на Луне и на Солнце, и в созвездиях зодиака. Храдесахр, который дал знание Первочеловеку и который во все времена посылал людям знание, и в это последнее время, близкое к Обновлению, встанет на небесах и воззовет громким голосом, и зов этот будет слышен во всей вселенной. И ангелы неба и земли, хранители народов и пределов, и даже демоны – все они восхвалят Храдесахра. И правители земли, глупые, развратные, злобные и притесняющие, тоже преклонятся перед ним и воздадут ему хвалу. И скажут верные: «Великий! Если ты хочешь, мы расскажем тебе, что эти грешники сотворили с нами!». А Храдесахр, светлый ангел, ответит им так: «Кто бы когда бы ни сделал вам зло, тому воздам я по справедливости. Но всё, что вы хотите сказать мне, я уже знаю!». И он благословит их, и утешит сердца их, и поставит их справа от себя. А злых он отделит от верных и поставит слева, и проклянет их: «Да не будете вы вовеки в Совершенном Свете за несправедное горе, которое вы причинили верным!». А верным он скажет: «Придите, вы, кто получили благословение Отца Величия, ведь вы накормили меня, когда я голодал, и одели меня, когда я был наг, и исцелили меня, когда я был болен, и освободили меня, когда я был узником, и приняли меня под свой кров, когда я был изгнан...». И верные скажут ему: «Великий, ты ведь ангел бессмертный, и желание не побеждает тебя, и не чувствуешь ты голода и жажды, и боль и болезнь тебя не поражают. Как же мы совершили для тебя всё это служение?». А Храдесахр ответит им: «То, что вы делали людям, вы сделали и мне!». И злым, которые стоят по левую руку, он скажет так: «Вы служили материи, и я был голоден, а вы не дали мне еды, и я был наг, а вы меня не одели, и я был болен, а вы меня не вылечили, и я был изгнан, а вы не приняли меня в свои дома!». А злые скажут ему на это: «Господин, когда же был ты в таком горе, и мы не спасли тебя?»...

– И в какой-то момент он не выдерживает – так представлял себе я с восторгом и ужасом... и у него мгновенно отрастают четыре... шесть... восемь и более рук, завершающихся сверкающими лезвиями и факелами... и весь город вокруг чудовищного медного идола, где ещё недавно сжигали детей, чтобы вызвать дождь... всё... все вокруг – растерзаны им мгновенно, и она вместе со всеми... потому что он уже не может остановиться...

– Тише вы! – яростно шикнул на них Мунд справа.

Нинлиль сверкнула на брата глазами:

– Хочешь, чтоб я сейчас встала и сорвала службу? Я могу, ты знаешь. Нет?

Тогда помалкивай. Продолжай, Адам.

Они оба чувствовали: что-то происходит.

– Да, собственно, и вот. С этого и началось...

– Погоди! Ты хочешь сказать, что текст в книге стал таким, как ты придумал?

– Нет, конечно же, не так просто. Текст Полибия, на который опиралась книга... исчез.

– В каком смысле исчез?

– В прямом. Стал числиться среди недошедших...

Монах вдруг таинственно усмехнулся:

– И когда Храдесахр обратится к материальному миру, то день, месяц и год прекратятся, и жадность, и похоть, и боль, и голод, и мучение задрожат и не смогут больше совершать преступлений. И ветер, вода и огонь пройдут по всему миру, и наступит Обновление, и поднимутся мёртвые, и вознесутся верные, а животные и растения, и птицы, и жители вод, и гады земные исчезнут из мира. И ветер, и вода, и огонь уйдут с нижней земли. И ангел, строящий Новый Мир, завершит его и узилище для демонов. И когда Ахура-Мазда поднимется вверх, то тьма охватит мир от верхнего неба до нижней земли, выйдет она из ножен своих и разобьет оковы свои. И Митра спустится с колесницы Солнца в мир, и ангелы небес и земель, племён и стран, хранители пределов и мучители демонов, и сами демоны – все услышат призыв Митры. И Первоматерь появится на колеснице Солнца. И тот ангел, который стоит над всеми небесами, и те пять эонов, которых от начала захватили Аз и Анхри-Манью, все станут они такими же, как в тот день, когда сотворил их Ахура-Мазда, и они не были ещё захвачены...

Монах вскинул лицо, и вслед за ним все подняли глаза к куполу баптистерия, где ало-золотая роспись вторила его словам:

– И тогда десять небес и колесо зодиака, со всеми дворцами и тронами, странами и пределами, месяцами, днями и часами, и четыре нижних земли одна за другой, со всеми их горами, реками, морями, океанами, и ад с Ашторет, Анхри-Манью и всеми архонтами падут в четырехслойное узилище для демонов. И три отравленные траншеи с огненными стенами, которые были выкопаны вокруг космоса в первую битву, обрушатся на них сверху. И яростный огонь, который охраняет теперь стены вокруг мироздания, охватит север, восток, юг и запад Вселенной, высоту её и глубину, ширину и длину. И все небеса и земли сгорят в этом огне, как воск, и пожар продлится 1468 лет. И сила и свет, которые оставались во Вселенной и были обессилены демонами, выйдут из мира в этом великом пожаре и будут вознесены к Солнцу и Луне. И Ахура-Мазда на северной стороне, и ангел Светлого Мира на восточной, и ангел Нового Мира на южной, и Митра на западной стороне, на великолепных стоянках их, восстанут вокруг этого вселенского огня и будут смотреть на пожар. И верные встанут с ними. А злые будут корчиться в этом огне, верным же он не причинит вреда, подобно тому, как сейчас огонь Луны и Солнца не причиняет вреда людям. И злые посмотрят наверх и скажут верным с мольбой: «Да постигнет нас ваша добрая судьба! Дайте же нам луч жизни в руки наши, чтобы вытащить нас отсюда. Если бы мы знали, что попадём в этот огонь, то мы помогали бы вам и страдали бы вместе с вами!». А верные ответят: «Мы помним, как вы ненавидели нас и преследовали, как гнали из страны в страну; и не думали вы тогда, что эта кара падёт на вас. Но если бы вы приняли от нас знание Света и стали бы нам помощниками, то не пылали бы сейчас

тела ваши в этом великом пламени. И как мы спасём вас, когда суд над вами уже совершён?». И каждая душа, которая родилась в теле с Ашторет и не отбросила, но сохраняла творения Анхри-Манью, останется с демонами в вечном плену...

Потому говорю я: Отец Величия, если мы когда-либо совершали грех в мысли, слове или действии: преступали клятвы, обманывали, подстрекали сердца и умы, преследовали невинных, практиковали чёрную магию, отнимали жизнь у живых существ, творили любое дело, которое не может быть принято Иисусом-Сиянием, богом Солнца и Луны, грешили любым способом и любыми органами после того, как переродились людьми, причиняли любые разрушения – то мы просим освободить нас от всех десяти видов грехов! За всё прости нас, Свет Пресветлый!..

Глухо ударил гонг, и толпа, словно пробудившись, начала медленно расходиться.

К ним неспешно пробились трое, ничем на вид не отличавшиеся от прочих.

– Оттокар фон Вохтлиндек, – скромно представился первый. – Можно просто Отто.

– Эдмунд Вандеркамен, – вежливо наклонил голову второй. – Можно просто Эди.

– Светозар-Жарко Влахич, – буркнул третий. – Меня лично устраивает полное имя.

– И заметьте, – сообщил первый, – это наши настоящие имена.

На лице Нинлиль в первый раз на памяти Адама промелькнул страх.

– Собственно, наши беседы впереди, – обаятельно улыбнулся Оттокар, – а пока хотелось просто познакомиться...

При этих его словах одна из полустёртых фресок на стене вдруг просветлела, и на ней, как на громадном экране, стало видно толпу людей в чёрном, несущих распятую на пятиконечной звезде женщину. Женщина была обнажена, груди её были выкрашены чёрной краской.

Человек, поддерживавший звезду-распятие, споткнулся и уронил свой конец. Звезда упёрлась лучом в землю. Тело женщины содрогнулось и провисло. Судя по всему, она была без сознания. Волосы женщины, прежде закрывавшие её лицо, как это было принято в ходе языческих похорон, упали на сторону, и Адам с ужасом узнал в ней компьютерщицу, накануне приходившую к нему по вызову.

«Сара...» – всплыло в памяти её имя. Он ещё раз, пока несущие звезду суеились, исправляя положение, взгляделся в лицо женщины.

– Сара! – невольно произнёс он уже вслух. Видение на стене медленно погасло, и Адам увидел остановившиеся огромные глаза Нинлиль, лицо которой по-прежнему сохраняло полную неподвижность.

Светозар-Жарко Влахич потёр свой гладкий подбородок жестом, выдававшим недавно сбритую бороду, и равнодушно заметил:

– Сладкая пытка первой степени. После этого она будет готова.

– Так она жива? – вырвалось у Адама, – но пытка?.. зачем?..

Нинлиль продолжала смотреть на него огромным неподвижным взглядом. Казалось, глаза её распространили себя на весь окружающий мир.

– К чему она будет готова? – добавил Адам, тут же сообразив, что именно этого говорить не следовало. Происходящее и раньше казалось ему бредом, но теперь бред начал приобретать самые мрачные свои оттенки.

– Зачем? К чему? – Эди повернул капюшон в сторону Адама, и тот, к ещё большему своему ужасу, увидел, что с одной стороны лица у Эди выступили наружу кости черепа.

«Костливец!» – сверкнуло в мозгу полузабытое чешское слово.

Именно эта обнажённая кожей часть лица Эди как будто осклабилась самой своей «обворожительной» усмешкой.

По какой-то аналогии в памяти всплыл рассказ Юань Мэя, в котором некий человек постоянно измывался над мертвецами. Однажды он увидел возле дороги череп и присел над ним справить нужду, приговаривая при этом: «Ешь, разве не вкусно?». «Вкусно!» – неожиданно ответил череп и лязгнул челюстью. Человек страшно перепугался и побежал по дороге, а череп, приговаривая: «...вкусно... ..вкусно...», покатился за ним, не отставая. Человек опрометью заскочил в свой дом, а череп скатился под помост. Вскоре человек тот...

– Ну, Вы и нашли же, что вспомнить! – рассмеялся Эди обеими сторонами своего лица, нормальной и мёртвой. – Уж лучше б тогда историю о том, как Чжуан-цзы положил высохший череп себе под голову и лёг спать, а ночью череп явился ему во сне и поведал о том, что у мертвых нет ни государей, ни подданных, ни забот, которые приносят четыре времени года, так что они вольны и беспечны, как небо и земля, и так же вечны...

«Да что ж это такое? – голова Адама готова была, кажется, взорваться. – Есть тут вообще хоть кто-нибудь, кто НЕ читает мои мысли?!».

И, практически уже не соображая, что говорит, он яростно прохрипел:

– Ты... трупак ондатровый... глуши мотор и завязывай тут косить под смотрящего! Срубил, сифон ржавый?! А то и расписать недолго... под хохлому!

Наступила пауза – короткая, впрочем.

– Я вижу, Вы претендуете на роль персонажа, которому ничего не страшно, ничего не больно, ничего не стыдно? – деловито поинтересовался Отто. – Рано, друг мой, рано. Поверьте мне.

– А на Ваш вопрос позволю себе напомнить, – как ни в чём не бывало продолжил Эди, – что цели нет! По крайней мере, видимой цели. Всегда происходит то, что получается, и только после того, как оно *уже* произошло, мы начинаем думать, что происшедшее и было целью.

– Вот представьте себе, – вмешался Светозар-Жарко, – лётчика, который бросил атомную бомбу на Хиросиму...

«На Хиросиму?... при чём тут это?!»

– Когда бы ему, – продолжал Светозар-Жарко, – ещё в лётной школе заслуживающий доверия человек сказал, что его карьера лётчика приведёт его в сумасшедший дом, то стал бы он учиться в этой школе, как Вы думаете?

– С другой стороны, – возразил ему Отто, – не брось он эту пресловутую бомбу, разве не попал бы он в сумасшедший дом тем не менее?

Неожиданно для себя Адам совершенно успокоился.

– Позвольте заметить вам, милорды, – неторопливо и даже чуть с ленцой возразил он, – что лётчик, о коем вы тут изволите рассуждать, никогда не бросал

никакую бомбу на Хиросиму. Он пилотировал маленький самолёт, и его заданием была всего лишь метеорологическая разведка в предполагаемом квадрате бомбометания. Бомба, носившая имя «Мальчуган», была сброшена с другого, огромного по тем временам самолета «Энола Гей», причём гражданскими специалистами, собравшими её непосредственно над Хиросимой. И никто из них, равно как и из экипажа бомбардировщика, ни в какой сумасшедший дом не попал и даже малейших угрызений совести по этому поводу ни разу в жизни не испытал!..

– Именно, именно, вот и я о том же, – подхватил Эди, – результатом многие полагают личный итог, а судьба Хиросимы их меньше всего волнует...

– Здесь неплохо вспомнить случай с Чарли Чаплиным, – снова встрял в беседу Отто.

– Это когда ему в молодости цыганка, гадавшая по руке и картам за доллар, предсказала всю его судьбу? – Светозар-Жарко Влахич повернулся к нему, уже, видимо, позабыв о существовании Адама.

Троица удалялась, и неспешная перебранка становилась всё тише. И только Нинлиль не спускала с Адама своих огромных глаз.

27 [Крики и паника усилились]

– У нас, – сказала Алиса, с трудом переводя дух, – когда долго бежишь со всех ног, непременно попадаешь в другое место.

– Какая медлительная страна! – сказала Королева. – Ну, а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте!

Л.Кэррол, «Алиса в Зазеркалье»

Пока распростёртый на полу Мунд с налитыми кровью глазами пытался доползти к отлетевшему в угол мобильнику, на площади происходило что-то невообразимое. Четыре женщины в сверкающих кольчугах и жутковатых чёрно-красных масках, сцепив руки, пытались не выпустить из своего круга мальчика, который с пронзительным криком бросался на них, пытаясь освободиться. По лицу его, по шее, по одежде всюду лепились бордовые кровавые пятна. Толпа в панике металась вокруг, из переулка с прозрачными пластиковыми щитами наступал омон. Солдаты со щитами на секунду остановились, и из-за щитов полетели в толпу дымовые шашки. Крики и паника усилились. С другой стороны неотвратимо наезжали грузовики, из которых посыпались зелёные мундиры. Солдаты в противогазах хватали всех подряд и забрасывали, как поленья, в крытые чёрным брезентом вездеходы. Похожие на громадных шмелей снаряды вышибали двери и окна окружающих площадь домов. Грохот дубинок о щиты смешивался с рёвом моторов и динамиков, через которые транслировались парализующие волю каскады мощнейших апокалиптических звуков, производивших впечатление приближающегося конца света.

Из толпы в солдат и милицию летели мобильные телефоны, камни, палки, комья земли; домашняя утварь высыпалась целенаправленным градом из разрушенных снарядами окон. В переулке быстро росла баррикада, слышались звуки выстрелов. Крики женщин, вопли раненых, сирены машин скорой помощи... Одно из зданий вокруг площади загорелось и вслед за этим со страшным взбухом осело, но продолжало гореть, распространяя едкие клубы дыма ядовитого цвета... Прогрохотал гусеницами танк, лихо развернулся на месте и, содрогнувшись, как животное, выплюнул снаряд в баррикаду, образовав в ней огромную дыру и разбросав трупы по всему переулку; баррикада загорелась. Наконец, прибыли пожарные расчеты, ударили водомёты, разгоня толпу, смывая с асфальта мусор и кровь.

Не прошло и десяти минут, как площадь была пуста.

На груде камней, оставшейся от упавшей стены здания, с дворовой стороны сидел мальчик. Он плакал, размазывая по лицу кроваво-грязные разводы. Рядом с ним валялась собака с вывалившимися внутренностями. Она была ещё жива, подёргивала лапами и время от времени издавала хриплый булькающий звук.

Отряды спецназа производили зачистку и в поисках террористов обшаривали дом за домом, квартиру за квартирой.

Алиса остановила автомобиль прямо перед оцеплением:

– Что здесь произошло?

Молоденький солдат посмотрел на неё пустыми, блестящими как начищенные пуговицы глазами.

– Взрывное устройство в теплотрассе... – как-то автоматически ответил он, но вдруг опомнился и воровато посмотрел по сторонам; очевидно, говорить об этом было нельзя. – Точнее, я не знаю, может, и ещё что-нибудь...

Поняв, что он снова совершил какую-то ошибку безгласности, он снова оглянулся. На него никто не смотрел.

Алисе было видно как в скорые помощи втаскивают носилки с ранеными или... убитыми?

Прямо в центре площади зияла громадная воронка, из которой всё ещё поднимался дым. В него спускались пожарные и солдаты в противогазах.

– Можно проехать?

Солдат, не поворачивая к ней головы, процедил сквозь зубы:

– Куда проехать? Не видишь... Давай в объезд!

Алису это только разозлило. Она знала здесь каждый закоулок. Через несколько минут она проникла за оцепление, но в квартиру Мунда ей войти не удалось.

Из коридора в здании напротив через окно с выбитыми стеклами она увидела, как два солдата вывели из подъезда Мунда в наручниках. Мунд нетвёрдо держался на ногах. На мгновение он остановился и растеряно покрутил головой. Казалось, что у него мгновенно развилась близорукость.

Обычно бесшабашная Алиса в этот момент почувствовала, как страх сводит мышцы живота.

«Если уж Мунда арестовали, то могут взяться и за всю нашу группу, несмотря на её близость в административному ресурсу...».

Она огляделась и безошибочно выбрала направление, по которому можно было уйти незамеченной. Боковым зрением она видела какого-то мальчика на грудке строительного мусора, но приглядываться не стала, хотя явственно услышала как он позвал её.

«Что теперь делать с Ангелом?».

Но где-то в глубине её финансово озабоченной совести шевелилось подозрение, что так даже лучше и Ангела можно будет продать кому-нибудь ещё, да и гораздо дороже...

Когда она уже была в двух шагах от автомобиля, она почувствовала, что кто-то крадётся за ней. Алиса оглянулась и увидела того же самого окровавленного мальчика. Мальчик стоял, растопырив пальцы повернутых к Алисе ладоней, его огромные синие глаза были спокойны.

Склонность к авантюрам и непоследовательность были чуть ли не главными чертами характера этой непоседливой девушки. Она села за руль и жестом приказала мальчику занять место на заднем сидении.

– Ложись! – скомандовала она тоном, не предполагающим возражений, и, когда мальчик лёг на сидение, бросила на него сверху овечью шкуру с пассажирского кресла рядом.

Автомобиль рванул с места и уже через каких-то полчаса мчался по загородной трассе, отмеривая по сторонам километры чахлого северного перелеска.

«Иметь Мальчика и Ангела одновременно – это крутизна полная, и пусть остальные члены группы «switch reality» завидуют чёрной завистью...»

Подкатив к даче, она не спеша за рулила в гараж и, выключив двигатель, откинула овчину с заднего сидения. На сидении никого не было. Алиса даже перегнулась через спинку кресла, чтобы убедиться в том, что мальчик исчез, но в этот момент перед ней возник Наводящий морок...

28 [Можете называть нас]

Различающий эрос любит свой объект или субъект за его добродетель или достоинства; неразличающая агапе своей любовью создаёт ценность и добродетель даже в лишенном прежде ценности объекте или субъекте.

П.А.Сорокин, «Главные тенденции нашего времени»

– ...Можете называть нас храмовой службой безопасности.
Адам кивнул:
– То же самое. Всегда то же самое, одно и то же.
– Вот это вы напрасно. То же, да не то.
– Ну конечно, вы мне ещё скажите, что несёте грешникам любовь!
– О нет, вот как раз этого мы ни в коем случае говорить не собираемся, – мягко возразил Оттокар. – Мы вообще не признаём любовь в том смысле, в каком вы её обычно понимаете, потому что у нас нет желания обладать. Ведь это демоны захотели овладеть Светом, а не сыны Света вторглись в царство Тьмы. Это у демонов пылкая любовь к нам, а не у нас к демонам. Это демоны возжелали Ангела-Андрогина, видя его как прекрасную обнажённую деву, и неистово мастурбировали, изливая проглоченные ими частицы Света. А демонессы видели его как нагого юношу невыразимой красоты и зачинали от одного лишь вожеления к нему. Таков был их, неминуемо плотский, уровень видения и понимания. Но любил ли их Андрогин? Да нет же, конечно. А была ли любовь у Зардушты? Нет, он всего лишь хотел, чтобы доброе было и дальше добрым, а злое – злым. Поймите же, ради Света, наша цель не перевоспитать зло, но отделиться от него. Пусть оно оставит нас в покое и не мешает наслаждаться добром. Была ли любовь у Будды? Тоже нет. Монахи уходят из дома и взирают на жизнь безучастно, сказано в Дхаммападе. И даже в пресловутом западном митраизме была ли любовь? Первоначально – едва ли. В любви нет страха, пишет Сирий, а боящийся несовершенен в любви. Но если нет страха, то такая любовь, не страшась потеря и не желающая приобретений, в действительности не является любовью. Любим ли мы, например, животных? Нет, конечно! С какой стати? Просто мы не едим их, чтобы не участвовать в делах Тьмы, в которых одни убивают других и гложут их, тем живя. Любим ли мы грешников? Нет и нет! Когда их начнёт пожирать мировой пожар, мы будем смотреть на это спокойно – они заслужили свою участь. Проповедуем ли мы грешникам? Нет, ни в коем случае. Выбравший Тьму должен погибнуть, а выбравший Свет – жить вечно. Свет светит только зрячим. Если мы что-то говорим, то для тех, кто избран, чтобы слышать. Прочие воспринимают это как бессмысленный шум. Любим ли мы друг друга? Нет. Мы друг другу помогаем. Запрещено обличать, принуждать, манипулировать друг другом – всё то, чем, увы, грустнопрославлен западный митраизм. Я имею одно понимание Света, а брат мой другое – но разве же я сторож брату моему? Поучать другого – это демонстрация превосходства, то есть по сути форма насилия. Хочет ли Свет сделать кого-то лучше? О нет! Он предлагает человеку некий вариант действий, а дальше уж дело человека, выбирает тот получить жизнь через Него или нет. Свет не вмешивается в человеческий выбор, и всякий, отказавшийся от насилия, становится самодостаточным, как Свет, потому что он ни от кого ничего

не хочет, как Свет. Любим ли мы Свет? Нет, мы не любим и Его. Свет – естественен, за Него не нужно бороться, Его потери нет смысла страшиться. Когда мы называем Свет Отцом Величия, это ничуть не похоже на любовь к биологическому отцу, которую мы, к слову сказать, отвергаем, ибо никто не сможет войти в Царство Света, не отвергнув своих домашних, как верно отметил Иисус-Сияние. Любит ли нас Свет? Нет. Он просто намерен взять нас обратно. Произошла космическая нелепость, исчадия Тьмы завладели частицами Света, потому что полюбили его. Задача Отца Величия как раз изгнать из мира любовь и тем вернуть демонов в их хаос, а нас – к себе в чистый мир. Итак, мы никого не любим и не хотим быть любимыми. Потому что любовь есть обладание. Присвоение. Насилие. Зло. Поэтому в царстве добра нет любви – а значит, нет и ненависти. И каждый, пытающийся внести в мир любовь – хотя её в мире и так более чем достаточно, – естественным путем вносит и ненависть. И тем вредит себе и миру. И нашей церкви, разумеется. Подумайте об этом. Мы ещё встретимся в должное время.

Трое надвинули капюшоны и один за другим, не прощаясь, вышли.

Хлопнула дверь.

Нинлиль отбросила простыню и села, скрестив ноги:

– Ну вот скажи мне...

Адам был уверен, что вопрос будет: «...как они вообще ухитрились войти?!»

– но она спросила совершенно иное:

– ...ты действительно считаешь, что мир создан Творцом?

– Так верили мои потомки... то есть предки...

– Это Тима ты можешь дурить!.. подожди, не о том... Творец создал мир, так, но кто создал Творца?

– Хм... Творца никто не создавал. Он был всегда.

– Окау, а что такое «всегда»?

– Хорошо, если тебе так понятнее, назови это природой, она была всегда.

– А что такое, по-твоему, «природа»?

– Весь мир. Вернее, мегамир как совокупность всех миров. Просто раньше Творец не создавал мир, но сам Он был всегда.

– Так что же всё-таки такое «всегда»?

– Ну, видишь ли, просто до начала... цимцума... не было времени.

– А! Гениально! Значит, тогда не было времени...

– Не «тогда», а «там»... Слушай, так ты, что ли, их не испугалась?

– Что?! По-твоему, это на меня похоже?

– Ну... вообще-то, когда они вошли, ты вскрикнула и натянула простыню до подбородка!

– Знаешь, если б они меня застали за едой, я бы вообще под стол залезла, еда для нас куда более интимный процесс, чем секс. Однако из этого бы ещё не следовало, что я испугалась, верно?

– Гм... но если мне не изменяет память, ты неоднократно ела и пила в моём присутствии...

– Балда ты всё-таки! Тебя я ВЫБРАЛА! От тебя у меня в пределе нет и не может быть ни секретов, ни защиты.

– А что значит «выбрала»?

Нинлиль посмотрела на него, как на умственно неполноценного:

– Ты что, совсем ничего не соображаешь? ВЫБРАЛА – значит ВЫБРАЛА. Что бы до сих пор ни происходило со мной или с тобой, с момента ВЫБОРА это уже не имеет значения. Других мужчин у меня отныне быть не может. Непонятно?

– Так-так-так... а если бы у меня была... э-э... жена? невеста? girlfriend?

– Ещё concubine забыл! Какое мне-то до этого дело? ВЫБОР предполагает обязательства только с моей стороны.

– То есть... а как насчёт... ну, там, применить магию, приворожить меня, устранить соперницу... или такого у вас нет?

– Ну почему же, есть, конечно; да можно запросто и без магии обойтись, достаточно задействовать орденские структуры. Но это всё не из той оперы, врубись, наконец! ВЫБОР есть ВЫБОР, он исключает борьбу. Если бы у тебя была другая женщина, я бы просто ждала. Если бы понадобилось ждать много лет, ждала бы много лет.

– Да-а... если бы я пил, я бы сказал, что это надо запить... – задумчиво произнёс Адам. – Слушай, а ты не сама ли их вызвала, раз так?

– Опять *прахом* затарился? Точно нет?! А то что-то у тебя сегодня глюк на глюке!

– Ладно-ладно, и пошутить уже нельзя... иди лучше сюда! Как знать, может, в свой следующий приход они нас... того... при попытке к бегству... может, сегодня у нас последняя возможность...

Нинлиль усмехнулась:

– Размечтался! Да не думай ты о них особо, у них работа такая: припугнуть.

– Погоди-ка! но ведь в храме ты точно испугалась, я же видел!

Она встала и нагишом подошла к окну, нимало не заботясь о том, что прекрасно видна с улицы. Не оборачиваясь, бросила:

– За тебя, а не за себя. Если у них работала подслушка, и они уловили, о чём мы тогда трепались... моя вина, конечно, что уж теперь... мне-то они ничего не могут сделать, орден им пока не по зубам, а вот тебе... но вроде нет, не услышали.

29 [Просто мистика какая-то]

JOHN. Well, fuck the opera! Let's stay home and fuck!

MARY. Good fucking idea!

Из учебника «English as a second fucking language».

Тим О'Хэра крайне не любил бумагомарательство. Теперь предстояло несколько часов попотеть над отчётом о трагическом происшествии на площади. Что это, катастрофа или теракт? Происки неоязычников, специально спровоцировавших беспорядки для того, чтобы выглядеть мучениками, или обычные действия спецслужб, которым во что бы то ни стало надо поддерживать впечатление, что страна наводнена террористами? А может быть, это некий политический ход со стороны кентаврического электората с их вооружёнными гладиаторскими отрядами и тачанками? А если слухи о возрождении западного митраизма – не утка, и это ловкая акция полумифических «Мстителей Предела»?

О'Хэра понимал, что ошибиться тут нельзя, иначе с повышением по службе, да и с самой службой, можно распрощаться.

С другой стороны, только ему одному принадлежит заслуга по задержанию Мунда, которого спецслужбы уже несколько лет нарочито безграмотно пытаются застукать прямо на месте преступления. С третьей стороны, всё происшедшее можно свалить на него: будет стопроцентная раскрываемость, журналистам выбросят всю псевдосекретную информацию, заткнут пасть оппозиции, к которой легко можно причислить Мунда. Но, с четвёртой стороны, книг у Мунда не нашлось, ни той, ни другой... Как ни искали, даже ободрали обои и вскрыли пол... Но что неприятнее всего, так это разбросанные по всей квартире материалы по делу кентавров, строго засекреченные и известные только очень узкому кругу... Откуда эти материалы у Мунда? И потом этот сценарий... Похоже, Мунд хотел представить секретные материалы в виде художественного произведения. Это могло вызвать грандиозный скандал... Всё, что касается инструментальных технологий информационных способов преодоления межвидовой генетической несовместимости, строго засекречено... Всё-таки как они к нему попали? Без ответа на этот вопрос отчёт подавать нельзя...

– Просто мистика какая-то! – пробормотал О'Хэра и вытащил из сейфа бутылку с кубинским ромом. Постоял с ней, покачиваясь с пяток на носки и обратно, и почему-то поставил обратно в сейф. Мысль о том, что Мунд обладает телепатическими способностями, пока не приходила ему в голову.

За дверью его кабинета раздался шум, крики и топот многих ног.

– Опять эта германская фурия! Её братец заслужил тюрьму уже хотя бы за то, что не придушил её в детстве подушкой...

О'Хэра свирепо выругался, дверь без стука отворилась, и в ее проёме, доставая головой до притолоки, обозначился Адам:

– Labas vakaras!⁷

Капитан ответил традиционно-непереводимым:

– Just fuck you, fucking motherfucker!

⁷ Добрый вечер! (литовск.)

– Dėkui, jums taip pat, – обаятельно улыбнулся Адам, подошёл к столу, взял стул и сел, не дожидаясь приглашения. – Kodėl tu tols piktas šiandien?⁸

Капитан привычно взял себя в руки, сызнова извлёк из сейфа бутылку и приглашающе помотал ею в воздухе:

– А?

– Labai galia, bet aš turiu atsisakyti, – и Адам улыбнулся ещё обаятельнее, хотя, казалось бы, это было уже невозможно.

Вопреки его ожиданиям, капитан не вышел из себя окончательно, а сел, отставил бутылку и спокойно, хотя и довольно мрачно, произнёс:

– Na, gana juokauti. Laborantas jau paruošė preparatą.

– Ar galima susipažinti su instrukcija?

– Tai neįmanoma.⁹

Последовала короткая пауза, которую первым нарушил Адам:

– Капитан, а не расставить ли нам точки над запятыми?

– Дуй! – кивнул О'Хэра, демонстративно поправляя кобуру подмышкой. – Только смотри, как бы очередная точка не оказалась дыркой в черепе.

– Так вот, капитан, если я и согласился быть Вашим информантом, то уж точно не для того, чтобы мои близкие попадали за решётку, да ещё накануне Пурима.

– Чудак ты на букву «м», что тут ещё сказать! По-твоему, ты мне можешь что-то вообще диктовать?

– По-моему, в разумных пределах очень даже могу. Кстати, поздравляю, такие клише даже для полиглота редки.

– Редки, да метки! – хмыкнул капитан. – Парень, кто тебе тут близкий? Этот обсосок Мунд, что ли?

Адам пожал плечами:

– А что делать? Родственников ведь не выбирают.

– «Родственников» – это ты верно заметил, куда уж родственней. Да ты вообще в курсе, что он со своей сеструхой лет с тринадцати трахался всю дорогу, как заведенный?

– Что Вы говорите, шеф? Ай-яй-яй, какой пассаж! Но, между прочим, я хоть и плохо помню, что сам вытворял в тринадцать, однако смутно подозреваю, что тоже был уже отнюдь не девственник!

– Интере-есно... Да у вас никак...

– Yep, boss! Can you imagine? True love can cast a powerfull spell, you know? Sometimes you become even a prophet!.. And by the way, would you mind to be more... ahh... polite with me?

– Wha-at?!!

– Ну как же, капитан, я к Вам всегда на «Вы», а Вы со мной вдруг с какого-то хрена перешли на «ты», как будто уже и разницы не видите между мной и шайкой Ваших осведомителей, а?

⁸ Благодарю, взаимно. Зачем так злиться? (литовск.)

⁹ Спасибо, не употребляю.

Ну, довольно шуток. Лаборант уже приготовил препарат.

Могу я ознакомиться с инструкцией?

Это исключено. (литовск.)

После очередной нехорошей паузы О'Хэра встал, подошёл к стене, прошёлся невидящим взглядом по карте города и, не оборачиваясь, пробурчал:

– Что ж, может, так оно и лучше выйдет... Okay, Junior... забирайте своего... как это у вас там? снохача, что ли?

– Шурина, кэп, шурина.

– Во-во, шурина! Так не пробуйте меня обшурить, понятно?

– Вероятно, Вы хотели сказать «обмишурить», нет?

– What's the fucking difference?! Мне нужны все его связи, и не позже среды!

– Вот это деловой разговор, гражданин начальник. Будут Вам связи; чего б хорошего, а уж это я Вам обеспечу...

– All right then. My kisses to the powerful druid priestess!

– Full Moon priestess, – поправил Адам. И когда О'Хэра повернулся, Адама в кабинете уже не было.

Тим О'Хэра нажал кнопку вызова и, когда здоровенный сержант возник в дверях, распорядился:

– Free this cocksucker!

– Which one of cocksuckers, sir? – остроумно осклабился сержант.

– You bet your ass I mean that redhead bastard with ass eyes, damn it!

– Ah, you mean Zygmund, sir? – догадался сержант и исчез в электрическом сиянии коридора.

Но уже через несколько минут он появился вновь:

– Sir, he isn't there...

– Wha-a-at?!

О'Хэра даже выронил сигару. Это был дурной знак, такого с ним не случалось раньше.

Подозреваемый *исчез* прямо из камеры!

Повышение по службе становилось всё более призрачным, а увольнение без выходного пособия – всё более реальным. И подумать только, что он мысленно уже видел себя в чине *magister equitum*...

«Спокойно! – приказал он себе. – Спокойно и ещё раз спокойно. Ты разрешил Junior'у забрать его, так? Вот и он забрал. Как – меня это пока не касается. Пока. Всему свое время...».

И ему послышался смех и далёкий возглас:

– И каждому овощу – своя фрукта!

О'Хэра подобрал сигару и снова раскурил ее, знаком дав понять сержанту: вернитесь на пост!

Часть V

[Странное помещение]

30 [Каждую секунду рискуя]

– Там? – тихо спросил кентавр.

Гианес утвердительно кивнул головой. Четвероногий богатырь бешено метнулся по тропинке и, стуча о корни копытами, скрылся в лесной чаще, откуда скоро послышался раздирающий визг и громкий торжествующий хохот.

– Зачем ты указал ему нимфу? – спросил Антем.

– А что ей от этого сделается? Ведь она кричит только для вида...

А.Кондратьев, «Сатиресса»

Когда кентавр, держась двумя руками за перила, задом спустился по лестнице, каждую секунду рискуя переломать себе ноги, явилась милиция.

– Старший оперуполномоченный уголовного розыска капитан Бригадкин.

Бригадкин захлопнул корочки и посмотрел на испуганную безмолвную

Сару:

– Не можете ли Вы в качестве потерпевшей ответить на мои вопросы?

Сара, всё ещё не пришедшая в себя после нападения кентавра, опустилась на постель.

Грозная поза наклонившегося над ней капитана, её бессильно распростертое на постели тело – всё это можно было бы воспринять как преддверие изнасилования, если бы не две фигуры в форме и не столпившиеся в дверях с лицами, выражающими крайнюю степень любопытства, соседи. Впрочем, бывают ведь и групповые изнасилования...

От этой мысли у Сары слегка прибавилось если не сил, то присутствия духа. Она села и огляделась.

Ваза с хризантемами стояла на прежнем месте, но запах не чувствовался более.

– Гражданин капитан, – попросила Сара, – а пойти умыться мне можно?

Капитан внимательнее пригляделся к ней:

– Та-ак... приходилось срока мотать, девушка?

– Из чего видно?

– Ну как же, обращение...

– А... да, видите ли, сериалы смотрю, всякие там «бандитские таганроги», вот и знаю, как обращаться. Так можно или нет?

Капитан насупился и отрубил:

– Нет. Вот ответьте на вопросы, а тогда уж мойтесь-стирайтесь в своё удовольствие. Хоть сутки напролёт.

Сара встала, прошлась по комнате, вынула букет из вазы и неожиданно сунула его соседям, ничего подобного не ожидавшим:

– Держите! Пригодится.

Потом обернулась к капитану:

– Что ж, давайте Ваши вопросы... старший опер... как там дальше?

Бригадкин опустил свое грузное тело на стул и приготовился записывать.

– Я предупреждаю Вас об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и отказ от дачи правдивых показаний... – Бригадкин посмотрел на часы и зафиксировал время.

– Что Вы, – Сара уже оправилась от испуга, – конечно, я все скажу.
– Кто тут у нас с паспортами? – капитан грозно покосился в сторону толпившихся возле входа соседей.
Вперед выступили маленькая, похожая на ребёнка девушка.
– Ты, небось, в школу ещё ходишь, – проворчал капитан, но девушка звонко отчеканила:
– Ошибаетесь, я уже взрослая, мне двадцать два весной исполнилось.
И она протянула раскрытый паспорт.
Допрос пошёл по обычной накатанной колее:
– Фамилия, имя, отчество, полностью.
– Сара Степановна Ахундова.
Капитан с удивлением приподнял брови, построив их домиком:
– Вы что, издеваетесь?
– Вы это о чём?
– Кхм... ладно. Год рождения?
– Как-то невежливо у дамы, – Сара состроила кокетливую гримаску, – может, мне проще Вам паспорт предъявить?
– Всему своё время, – нелогично отвел Бригадкин её резонное возражение, и допрос продолжился без немедленного предоставления документов.
Молоденький старшина, без дела слоняющийся по квартире и теперь рассматривающий семейную фотографию в деревенской раме на комод, обернулся:
– Если уж наш капитан сказал «без паспорта», то так оно и будет.
Бригадкин переместил на него свой самый грозный взгляд, и старшина захлопнулся, как сундук с ценным содержимым благоглупостей.
– Итак, – решил, наконец, Бригадкин приблизиться к теме допроса, интуитивно понимая, что ничего интересного ему уже не светит, – что Вы делали на площади во время фестиваля испанских народных песен и танцев?
– А, так это был испанский фестиваль? Тогда почему они разговаривали на каком-то неизвестном языке?
– Молчать! – вдруг с бешенством рявкнул капитан, глядя почему-то на без дела слонявшегося старшину, – вопросы здесь задаю я!
– Хорошо, хорошо... – Сара от испуга вся сжалась.
Капитан снова построил брови домиком, но на этот раз промолчал.
– Я бежала за ангелом, как вдруг появился этот урод...
– Какой ещё ангел?
Это была совсем новая для Бригадкина информация. Про уродов же он знал практически всё.
– Какой? Обыкновенный ангел, с крыльями.
«Придется отправить на психиатрическую экспертизу!», – с какой-то даже грустью подумал Бригадкин. До этого он ошибочно предполагал, что можно будет обойтись составлением протокола.
– Так, гражданка Ахундова, про ангела, пожалуйста, подробнее. Где, когда вы с ним познакомились и прочее... – капитан Бригадкин был в некоторой растерянности: за долгие годы службы ему еще не приходилось получать показаний про ангелов. Про убийц, насильников, воров, даже про чертей – сколько

угодно, а вот про ангелов... капитан даже покрутил, побагровев, своей бычьей шеей... про ангелов – впервые.

– Я пришла по вызову чинить компьютер, – снова начала Сара...

– Ближе к делу... – прервал ее Бригадкин.

– Вы же сами сказали «по порядку»...

– Да, сказал, но причем здесь Ваши компьютеры?

– Это у меня работа такая...

– Ну и что?

– Я пришла чинить компьютер к Адаму и быстро его починила.

Капитан посмотрел на нее с возрастающей подозрительностью:

– Повторите, к кому Вы пришли?

– К Адаму?

– Апокрифов начитались? – усмехнулся капитан.

– Н-нет, просто так клиента зовут... хотите, я Вас с ним познакомлю?

– Познакомишь, познакомишь, но позже... я попросил бы придерживаться фактов...

– Я придерживаюсь. У этого клиента, Адама... у него очень много книг...

Подозрения капитана резко возросли.

– Целые полки с книгами, как в библиотеке, я ни у кого такого не видела.

Одна книжка, потрёпанная такая, сразу бросилась мне в глаза. Зачем я только её открыла? Он ведь предупреждал...

На глаза Сары навернулись крупные слезы, подбородок задёргался.

– Ну вот, опять истерика! Николай, – повернулся Бригадкин к старшине, – принеси-ка гражданке воды!

Стуча зубами о стекло, Сара глотнула из стакана. Вода отдавала хлоркой.

Старшина набрал её прямо из-под крана.

– Кто этот, как Вы говорите, Адам? – продолжил свой допрос Бригадкин.

– Я же уже говорила, клиент, у которого компьютер сломался.

– Как его фамилия?

– Фамилия... фамилия?... какая-то не русская... не помню... а зовут точно

Адам.

– Значит, фамилия не русская, а имя – Адам... Вы не находите, что чем-то оно на Ваше похоже? – неуклюже сострил старшина.

– Охолопись, Николай, мешаешь снимать свидетельские показания! Не видишь, она и без твоих замечаний такое уже наплела, – физиономия Бригадкина была хмурой, как ненастный осенний день в Люберцах, – сядь вон на диван и сиди, пока я тебя не позову.

Николай послушно приземлился на диван, посверкивая своими преданными капитану и вообще милиции глазками.

– Продолжайте, гражданка Ахундова.

– Ну вот, там эта книга была...

– Ближе к делу! – по всему было заметно, что терпение Бригадкина на пределе.

– Книга пророка какого-то... кажется, Авра... – Сара запнулась. Глаза ее сосредоточились на блестящей форменной пуговице в самом центре капитанского живота.

– Мужа моего... мужа!! – вдруг истошно завопила Сара и бросилась на капитана, не ожидавшего такой атаки.

– Сволочи! Что Вы с ним сделали?! – истошным голосом выла она, пока не потерявший присутствия духа старшина, перехватив Сару за талию, пытался оттащить ее от начальственного тела. Наконец, Бригадкин опомнился, и вдвоем со старшиной они повалили отбивающуюся и дико орущую Сару на постель. Капитан придавил Сару коленом:

– Николай, вызывай дурку!

Толпа соседей возросла, задние напирала на передних. У стены на лестничной клетке немного в стороне от толпы стоял старик с чёрной кожаной повязкой на глазу...

31[Во время движения]

Смущена была душа его. И явился ему некто в образе нагой женщины с задницей, как створки прекрасной раковины, и спелыми, как сентябрь, грудями и сказал: «Почему ты решил, что Я – муж жестокий и ревнивый? В такой же мере Я жена нежная и мягкая, как волна. Так следуй же Мне».

Но что означало это видение – Симеон понять не смог.

Ю.Буйда, «Симеон Грек»

Было ровно пять утра. На улице стояла особая утренняя тьма, которая осенью кажется особенно зябкой. Адам потёр руки, чтобы избавиться от озноба, отворил гараж, сел в ледяные объятия мёртвого ещё автомобиля. Включил зажигание. Нервная дрожь импульсами поднималась от желудка к горлу. Автоматически нашарил на заднем сидении последнее: четыре оранжевые таблетки обетрола и целлофановый пакетик с порошком псилобицина. Заглотнул таблетки. Запить было нечем. Оживший автомобиль согревался. Дрожь унялась. Он включил фары.

Во время движения он всегда успокаивался. Шёл мелкий дождь. Дворники ритмично обводили свои перевернутые секторы прозрачности, ровно гудел двигатель. Колеса прокручивали дорожное полотно. Было пусто и радостно. Город давно закончился, но ожидаемого перекрёстка всё ещё не было видно.

Он остановил машину. Не выключая мотора, вскрыл пакетик, задержал дыхание и втянул носом порошок. Весь, без остатка. Открыл дверцу и выбросил в грязь пустой пакетик. Через шоссе и лесополосу просвечивал вертикальный столб дыма. Из него медленной дробью проступал вертолет. Проиграл свой марш и скрылся, так и не появившись в поле зрения. Предстояло принять решение.

Он извлёк из вшитых в воротник куртки ножен маленький кинжал и снова вспомнил гликоковый рассказец Василия-Волка. Кинжал был невесом и тёпл. Угрелся, зараза. Наборная рукоятка, титановое лезвие. Пятидесятые годы двадцатого века, урановые рудники. Когда-то выменял на мекленбургский охотничий нож с рукоятью из турьего рога. Ах, зачем я не мандей, я б не убивал людей...

There may be such a thing as a life force flowing through the universe. Вот сейчас и узнаем.

Он вскинул голову как можно выше и одним точным движением, как учили, перерезал себе горло. Захлебнулся кровью, почти не чувствуя боли и ещё успев удивиться этому.

Одноглазый появился перед ним, как он и ожидал, улыбаясь половиной лица:

– Хочешь мёду?

– Пей сам. Я хочу увидеть настоящий облик.

– Настоящий облик чего? Кого?

– Да хотя бы твой для начала.

Наводящий морок, который сейчас совершенно не выглядел стариком, да и вообще мало походил на человека, весело рассмеялся:

– Да изволь!

Перед Адамом стояла девушка, похожая одновременно на Нинлиль, только гораздо выше ростом, но в то же время и на Сару, и на «Юдифь» Климта и ещё на кого-то. Кожа её была неестественно белой, словно отбеленный морем камень.

– Ну, и как тебя называть? Белой Богиней, конечно же? – угрюмо спросил Адам.

– Да хоть Бабой-Ягой зови, хоть Эннойей, мне по барабану. Ты решил сесть в экспресс, который называется «Самоубийство», а куда он тебя доставит, даже не поинтересовался. Истинный воин Света!

– Почему же, очень даже поинтересовался. И продолжаю интересоваться.

– Ну да? И ты, видимо, полагаешь, что всё происходящее сейчас – это очередной глюк, и ты рано или поздно очухаешься, помятый, но вполне живой, как всегда?

– Не совсем так... – он запнулся; любимое присловье ему самому вдруг показалось странным. – ...то есть... когда я был...

– Когда ты был Первочеловеком и сжался, освободив место для Вселенной, или, как говорят твои заклятые друзья-манихеи, был разорван на Первоэлементы в качестве Первожертвы, ты и тогда хотел знать, вправду ли это, так?

– Так.

– А если я тебе скажу, что этого знания нет?

– Я не поверю.

– А если я тебе скажу...

– Не... говори. Слова... – кровь, заполнявшая рот, была тошнотворной на вкус. – Покажи.

– Скоро. Когда твой мозг отключится, и ты увидишь сам, что нет ничего, кроме тьмы, да и её тоже нет, ты убедишься. Но будет несколько поздно. Увы, увy.

– Боги существуют?

– Неправильный вопрос. Тем более, что ты знаешь ответ.

– Правильный ответ на неправильный вопрос?

– Воистину так, скрелинг, – богиня откровенно смеялась над ним.

– Кто?

– Извини, обозналась. Ха-ха. Если я, как и все боги, – проекция твоей мысли, то и отвечу я только то, что ты способен измыслить, не более того.

– Но и не менее?

– Вот это не факт. И даже если наш разговор будет продолжаться почти бесконечно в твоём иллюзорно-личном времени, на самом деле он может занимать не более нескольких секунд до окончательной гибели твоего мозга, после которой ты уже будешь не ты. Даже если твоё тело найдут и спасут. Если, конечно, хоть кто-то захочет его искать. С другой стороны, это самоубийство вполне может быть иллюзией. Галлюцинацией.

– Ты хочешь сказать...

– Что ты НЕ совершил самоубийство, а лишь выпукло представил себе его, находясь под действием псилобицина и обетрола – вообще-то не рекомендуемых к употреблению в сочетании.

– То есть боль... вкус крови...

– ...и сам кинжал – существуют только в твоём воображении. Как и большая часть твоей коллекции, кстати.

– Минутку. Но если это говоришь мне ты... то есть я сам...

– Да-да. Ты разговариваешь сам с собой; по крайней мере, так ты сейчас думаешь. Боги – это определенным образом связанные клетки твоего мозга. И я – одна из этих комбинаций.

– А я?.. нет, не то... а Нинлиль?

– О, вот она-то реальна! – девушка, смеясь, росла на глазах, её голова уже уходила под облака, но он по-прежнему четко видел ее лицо. – Она вообще единственная реальность этого мира. Лилит, как тебе, несомненно, известно, была создана раньше Адама... и Евы...

– Словом, мне ничего не удастся узнать? Независимо от того, действительно ли я перерезал себе глотку, или это очередной глюк...

– Ну, как сказать. Что-то ты узнаешь всегда. Другое дело, удаётся ли сохранить это знание. Не говоря уж применить его или хотя бы понять... Вот скажи: тебя никогда не удивляло, почему тебя так тянет к холодному оружию? И почему ты выбрал такой способ? Что, нельзя было найти комбинацию препаратов... да просто повышенную дозу снотворного! Очипок надеть не захотел?

– Что?

– Извини, интерференция... или даже интерполяция. Но если твоя попытка – реальна, то поспеши!

– Погоди, не сбивай... итак, неважно, действительно ли я... или это мой глюк... – он глянул на себя, залитого собственной кровью, ощутил немеющие руки, слабеющее зрение, – и если ты и другие боги суть лишь участки моего мозга... и даже Бог... стоп-стоп, не о том... пока не о том! Итак, в любом случае... если смерть настоящая, и в отчаянной борьбе за жизнь моё гаснущее сознание подключает сейчас резервы отовсюду...

– Да с чего ты взял, что подключает? Что вообще борется? Это твоё-то торчковое сознание? Да ты, может, вообще уже полгода в коме, как тебе такой расклад? – богиня приняла вполне человеческий вид, волосы посветлели, сходства с Нинлиль прибавилось.

– Ну да, и всё вообще есть моя иллюзия...

– Продолжай-продолжай, епископ.

– Не глумись, Ванасса... СТОП!!!! Откуда я знаю это имя?!

– Расслабься, умирающий лжепророк. Это не резервы включились, это ты элементарно вспомнил прочитанное где-то – скорее всего, в Сети, – что «Афродита» лишь один из эпитетов Богини, а настоящее имя – Ванасса, откуда и «Venus». Этимология неясна, но предположительно от «Инанна», которое, в свою очередь, от древнейшего На или Ма...

– Я хочу сказать... что неважно, убил я себя или под галлюциногеном поверил, что убил!.. я в самом деле могу что-то узнать таким образом!

– Можешь. Уже узнал. До сих пор тебе и в голову не приходило, что я – женщина. Не так?

– Не...

Вокруг становилось всё темнее. Если глюк, то очень качественный. Помоему, я уже давно не дышу.

– Вернемся к тому, с чего начали, – улыбочиво шепнуло существо-сущность, уже совершенно не понять, мужчина или женщина. – Хочешь мёду? Тебе не

приходило в голову, что моё распятие на Иггдрасиле было тем же самым? Что я убил себя, чтобы получить мёд? И когда я получил его и выпил, я понял, что моей жертвы в действительности не было – или, точнее, я вспомнил, что я женщина! А ну, попробуй представить себе, каково это – ты привык к себе в образе старца, бывалого бабника, отца и мужа, царя-мудреца и охальника-трикстера... и вдруг выясняется, что ты женщина. Тоже, кстати, далеко не юная...

– Оружие... – простонал Адам. – Копьё Одина...

– Да. Моё копьё, за которое сражались последний вождь вандалов и остроготов с вождём гуннов и наконецник которого должен прийти в мир снова...

Всё кружилось вокруг Адама.

– Ты умираешь, хлопчик мой, – печально говорила Нинлиль-Сара-Юдифь-Один. – Когда твоё сознание исчезнет, я окончательно отрежу твою голову. Она станет лучшим экземпляром в МОЕЙ коллекции. Хочешь напоследок что-то сказать? Ну, скажи, что любишь меня...

– Раскатала губу, падла... – пролепетал Адам стынувшим языком.

– И если сказано тебе, – бубнил голос, – что разделение полов происходит от демонов мрака, и любое проявление его есть грех, – не верь. Хоть это и правда.

Кто-то – как будто Мунд – захохотал и запел из темноты:

Ди фанне хох, ди миллион марширен...

И тогда Адам вдруг понял то, что должен был понять, и закричал, хотя у него уже не было ни голоса, ни горла, но ему необходимо было выкрикнуть это, потому что это и было последней истиной, и пусть слова были совсем не те, но главное было в смысле, какой в них влагался:

– ВОЛОСЫ НЕВЕСТЫ ПРИВОДИЛИСЬ В ПОРЯДОК ЦЕЛИБАРНЫМ КОПЬЁМ, ВЫНУТЫМ ИЗ ТЕЛА УМЕРЩВЛЁННОГО ГЛАДИАТОРА, ДАБЫ КАК ОНО БЫЛО СОЕДИНЕНО С ЕГО ТЕЛОМ, ТАК И ДЕВА БЫЛА БЫ ЕДИНА СО ВСТРЕЧАЮЩИМ ЕЁ МУЖЕМ!!

– Ну что ж... эту инициацию ты прошёл успешно. Дай-ка я тебя поцелую! – Нинлиль-Один, снова став неряшливым сухопарым стариком, склонилась над его бездыханным телом и вlepила ему тяжкую пощёчину, окончательно перервавшую тонкий лоскуток кожи, на котором ещё держалась мёртвая голова.

32 [Два капитана молча]

Я в основном сижу на старом добром амфетамине, том самом амфетамине, что шоферюги и старшеклассники глотают фунтами и ширяются галлонами...

Р.Шекли, «Через пищевод и в космос с тантрой, мантрой и крапчатыми колёсами»

На этот раз Тим О'Хэра не успел как следует насладиться нирваной. Дверь без стука отворилась, и в дверном проёме во всю его немалую ширину нарисовалась грузная фигура капитана Бригадкина:

– Всё медитируешь? В городе полный отстой творится...

Бригадкин сделал паузу, наблюдая за метаморфозами Тима О'Хэры, выходящего из нирваны, и продолжил:

– Не плеснёшь коллеге по цеху грамулечку своего любимого?

Тим О'Хэра с явной досадой поднялся из свастикасаны:

– Что, там на двери слишком мелко написано: «Не входить, идёт допрос!»?

Сядай, please...

– Знаем мы твои допросы, – миролюбиво проворчал Бригадкин, опускаясь во вращающееся кресло.

– Что, снова непредвиденка? Вечно у вас не понос, так золотуха.

– Ты уже и пословицы наши выучил, а пару месяцев назад ещё «*твоя моя не понимай*» едва выговаривал... способный, бродяга. Все у вас такие?

– Такой только я один, – Тим О'Хэра отворил сейф, сурово разлил остаток рома в гранёные стаканы и вытащил из недр письменного стола краюху черного хлеба и луковицу. Кто-то ему сказал, что у русских это лучшая закуска. Сам О'Хэра никогда не закусывал спиртные напитки, считая, что это вредно для организма джентльмена.

Два капитана молча звякнули краями и одновременно проглотили обжигающий пиратский напиток.

– Как там тебе служилось на севере? – поинтересовался О'Хэра, решив сделать Бригадкину приятное, так как знал, что когда коллега служил в Северной Африке, командование наградило его медалью «За отвагу». По слухам, этот русский умудрился подорвать больше сотни противопехотных мин, прежде чем на них наскочили транспортеры с пехотой. Правда, ради справедливости надо заметить, что и мины были их собственные...

Бригадкин неуютно заёрзал в кресле. Разговоры о былых подвигах мало его интересовали. Просевшее под капитаном кресло жалобно скрипнуло.

– Я к тебе по серьёзному делу, а ты в воспоминания ударился...

– Ну, выкладывай, – физиономия О'Хэра выражала крайнюю степень скуки.

Вместо ответа Бригадкин машинально отломил кусок от краюхи, но есть не стал, а только понюхал свой мундир возле запястья. Эта привычка Бригадкина невероятно веселила Тима О'Хэру, и он, подчиняясь какому-то импульсу, вдруг спросил:

– А ты вообще откуда родом?

– Я-то? Из Тотьмы.

– То Тьма... That's Darkness, – перевёл О'Хэра. – Интересно. Так ты тоже манихей?

– Чего?! я что, по-твоему, похож на еврея?

– Ну, во-первых, похож, насколько я могу судить. Все евреи, которых я видел, тоже такие... плотного сложения, выпить не дураки... впрочем, это как раз не все... – О'Хэра помрачнел, – а во-вторых, существует теория, что русские – тоже евреи.

– А?!!!

– Потомки одного из утерянных еврейских кланов, а именно клана Эфраима. Он всегда был в конфликте с другими кланами, и вот этим-то и объясняется многовековая вражда между русскими и евреями.

Бригадкин только рот открыл и закрыл, как рыба, выброшенная на сушу.

Взгляд его лихорадочно носился по зеркальной поверхности стола с рассыпанными на ней хлебными крошками и огромной фиолетовой луковицей в центре. Наконец, Бригадкин прохрипел что-то отдаленно напоминающее «падлы». Тим О'Хэра вспомнил, что так русские называют труп лошади.

– Неужели вы кентавра опять грохнули? – озвучил О'Хэра и криво усмехнулся. «Или это он так о начальстве?» – подумал он в виде варианта.

Но Бригадкин продолжал невразумительно хрипеть, извергая потоки инвектив. Наконец, брызжа слюной от возмущения, он изложил свою версию событий в «Рагнарёке». Более путаного рассказа О'Хэра в жизни своей не слышал. Но общий контур ему был ясен: безобразия в городе имеют тенденцию к усилению. Он открыл шкаф и, продолжая курить сигару, вытащил оттуда парадный китель. Бригадкин даже вытаращил глаза от изумления:

– В такую минуту...

– Мы, коллега, всегда должны быть на высоте положения... -- наставительно заметил О'Хэра, натягивая китель. – Но зачем было вводить ограниченный контингент, если никто нам не докладывает о том, что происходит?

– А чего докладывать? Трубопроводы вроде в порядке...

О'Хэра изобразил на физиономии сарказм и поправил портупею:

– Listen to me, pleasure... Плюнь ты на это дело, я сам им займусь. Давай лучше поговорим о хорошем. Дома-то как?

– О хорошем?

Бригадкин по полной программе выпучил глаза, которые над его толстыми пролапсными щёками выглядели особенно глупо, но, надо отдать ему должное, крайне выразительно.

– А чё дома?... Дома, кажись, пока всё путем...

Жуткое подозрение при этих словах шевельнулось в толстом сердце капитана Бригадкина.

«На что он намекает, этот О'Хэра?..»

Бригадкин вытащил мобильник из закоулка форменных брюк и трясущимися пальцами торопливо набрал номер.

– Васютка, это ты? – отозвался в трубке женский голос. Жена всегда, когда была в настроении, звала Бригадкина Васюткой, но сейчас ему было не до шуток, тем более О'Хэра как-то подозрительно усмехнулся.

– Какой я тебе к херам Васютка!! – грубо заорал он. – У тебя там всё в порядке?!

– Всё, Васенька, нормально, не переживай так, – залебезила в трубке жена, – тут к тебе старичок один приходил. Сказал, что еще зайдёт... оставил... вот... записку...

– Ну-ка посмотри, что в этой записке! – Бригадкина аж холодом прохватило...

– Ничего... наверное, забыл написать, просто чистый листок...

– Как он выглядел, этот старик...

– Да ты не беспокойся, старенький такой, одноглазый, худой, – жена быстро щебетала в трубке, и чем дальше она продвигалась в описании посетителя, тем мрачнее становился Бригадкин.

– Так, – резюмировал он полученную информацию. – Запри дверь и занавесь окна. Дети дома? Хорошо. Никому не открывай, пока я не приеду!

Он, как подброшенный невидимой пружиной, выскочил из кресла и, не говоря ни слова, ринулся в дверь.

Тим О'Хэра скептически посмотрел вслед Бригадкину и вызвал по селектору дежурного:

– Проследите за ним!

– No problem, – рявкнул в ответ селектор, и О'Хэра вновь принял свастикасану. Но нирвана теперь никак не расширяла его сознание то ли вследствие неурочной порции рома, то ли из-за информации, поступившей от капитана Бригадкина. Наконец, он решил, что следует доложить начальству.

– Слушаю, – голос генерала на другом конце города звучал почему-то так как будто он находится в двух шагах и даже ближе. Тим О'Хэра вытянулся во фрунт:

– Разрешите доложить?

– Докладывай, сынок, – голос генерала звучал как никогда добродушно и даже ласково.

– На вверенной нам территории, кажется, снова появился «Наводящий морок»...

– Так кажется или появился? Не могли бы Вы докладывать более точно? – голос генерала набирал суровые обертона...

Не прошло и пяти минут, как улицы наполнились воем полицейских сирен.

«Разобраться бы ещё, в каком мы сейчас городе...» – пробормотал про себя О'Хэра. Впрочем, природный кельтский оптимизм тотчас победил, и капитан, махнув рукой, засвистел сквозь зубы «Гимн магических курсантов»:

Гофман, Гофман, ты могуч!
Не сдавай меня под ключ!
Hoffman, Hoffman, you are strong!
Please, don't bite my youthful shlong!

33 [Впечатляет, знаешь ли]

Грильпарцер, отчего так ночь блаженна?

Грильпарцер, отчего не рад я дню?

И.Липинский.

Они неторопливо брели по улице доктора Корчака. Навстречу им двигалась группа темнокожих подростков, весело балаболя на каком-то птичьем диалекте.

– Как ты думаешь, по-каковски это они? – поинтересовалась Нинлиль.

– Креольский, – не задумываясь, ответил Адам. – Не бойсь, это ребятишки с Ямайки, сравнительно безвредные. Вот будь это русские подростки, я бы их обошёл десятой дорогой.

– А что, есть печальный опыт?

– Ну, было однажды, наскочили как-то вечером пятеро в подземном переходе, – с эпической скромностью поведал Адам. – На чистейшем великом-могучем вякают: эй, мужик, бабло есть? А как же, отвечаю, натурально, есть, вам как: наличными или чек выписать? – и достаю выкидуху...

– Достоешь что?

– Кнопочный нож с выкидным лезвием. Впечатляет, знаешь ли, неподготовленного человека, когда из кулака вдруг выскакивает клинок. Гопнички, конечно, сразу на попятный: да ну, мужик, да ты вообще, что ль, юмора не понимаешь?..

– Интересно, что бы ты делал с этой своей выкидухой, если бы у них оказались пистолеты, пусть даже газовые? Или хотя бы велосипедные цепи?

– «Разве ты не знаешь, что такое нож в руках джигита?!» – гордо процитировал Адам.

Нинлиль кивнула:

– «И в воздухе сверкнули два ножа!

Пираты затаили вмиг дыханья.

Все знали, что дерутся два вождя...».

В этот момент подростки поравнялись с ними, и Адам в очередной раз убедился, что он непрерывно формирует мир вокруг себя. Высокий паренек, явный заводила в компании, обратился к нему на ломаном русском:

– Хэй, мэн, не хотел бы дарить тут мене кожан? Как два мой размер. А то мене на байке скакать не в чем...

– Дарить тут, значит? – переспросил Адам и сунул руку в карман «кожан». Однако ожидаемой «выкидухи» там почему-то не оказалось!

– Ну так! – зубы предводителя перламутрово сверкали. – Не жудись, мэн! Ваш Ленин сказал: нада телиться! Ты мене – кожан, а мы не тронь герлу, okay?

Боковым зрением Адам увидел, что подростки заходят справа и слева. В следующий момент предводитель скрючился у его ног, а Нинлиль обволакивающе мягким тоном сообщила остальным:

– Kids, let's not continue this conversation, all right? I'm not vanilla girl, as you can see. Actually I'm sort of your angry granma. So, take him, and get out of here... now!!

Подростки с перекошенными от ужаса мордочками подхватили слабо шевелящегося заводилу и на довольно приличной скорости поволокли его прочь, стараясь не оглядываться.

– «...Два мастера по делу фехтованья!» – завершила прерванную цитату Нинлиль.

– Магия? – хмуро осведомился Адам, обнаружив тем временем искомый кнопочный нож в другом кармане. – Или секретное оружие Ордена?

– Да какая к лешему магия! Ткнула ему пальцем в сонную артерию, всего и делов-то. Рекомендую на все случаи жизни, когда угрожающий стоит близко к тебе. И никакого оружия не надо. У нас в Ордене оно вообще запрещено, между прочим.

– Да? По-моему, ты обращаешься с оружием дай бог всякому.

– Не в Ордене выучилась... – уклончиво ответила Нинлиль.

– Так-так. «А король вынул свой золотой меч с рукояткой из... из алмаза и сказал: – Суки несосанные, спецслужба вами займётся!...».

– «Some call me Juno, others Bellona of the Battles, and still others Hecate...» – парировала Нинлиль.

– Хм... Сдаюсь. Это откуда?

– Эх ты! «The Golden Ass», конечно.

– Вот чёрт, не узнал старину Апулея! Богатый будет.

– То-то. Не такие уж мы, биофизики, тёмные, в чем-то и вам, журналюгам, можем фору дать... Слушай, давай-ка зайдём вот в это кафе, пора подкрепиться. Надеюсь, у них там не очень людно...

Кафе называлось просто и со вкусом: «Baba Yaga»; ниже, более мелкими буквами, «Traveling Teahouse». Адам толкнул стеклянную дверь, и они вошли. Внутри было довольно уютно, хотя и несколько странновато. Здесь как-то совмещались собственно кафе на три столика, книжный магазин на четыре полки и лавочка сувениров. Посетителей не было вообще, ни одного.

Они выбрали столик у окна, и Нинлиль, как всегда, села спиной к залу. К ним подошёл малиновокудрый парень в малиновом же кимоно и молча положил перед ними меню, содержавшее всего два блюда: «Svadhithana Pilaf» и «Visuddha Soup». Зато разновидностей чая было десятков пять, в том числе «Sleeping Magenta Dragon» и «Mighty Scarlet Warrior». Адам заказал суп себе и плов Нинлиль, и малиновый тотчас принёс еду. Нинлиль придвинула к себе треугольную тарелку:

– Не смотри на меня!

– Стесняешься?

– Тебя – нет. Но мне хочется поесть спокойно, без лишних эмоций, ладно?

– Okay.

Адам углядел над стойкой длинный плакат и, рассеянно перемешивая двуглавой ложкой суп в кубической миске, углубился в чтение:

«Blessed Beltane, May Day, and Walpurgisnacht! This year should be much more exciting. We are honored to have as Main Event an Asatru ritual. The Main Event is a chance to learn more about a path or group that you may not have had exposure to, as well as to help connect these groups to the larger community that follows a path of Earth Centered Spirituality. Look for more exciting things at that time of the month starting in the summer. We welcome everyone whether you follow Asatru or Wicca; Voodoo or

Ceremonialism, or any other path between or outside that. This is a place of connection between different paths, a common meeting point, a social network, and a place of healing and learning for those who wish...».

Неожиданно поднялся занавес, открыв крохотную сцену в углу кафе. Три женщины в чёрных платьях и белых масках раскланялись с Адамом и Нинлиль – единственными посетителями. Первая женщина села к инструменту, похожему на рояль, но раз в пять меньше; вторая взяла кларнет и попробовала губами мундштук, а третья подошла к микрофону. «Петь будет...» – подумал Адам и ошибся. Женщина повернулась к микрофону и зрителям спиной, минуту постояла неподвижно и начала раздеваться, двигаясь по сцене. Вскоре на ней остался только чёрный купальник. Она расстегнула его внизу, и он превратился в майку, которую она стянула через голову, оставшись только в маске. Затем сбросила и её. Тем временем сидевшая за мини-роялем заиграла что-то знакомое.

– Ффуберт, – пробурчала Нинлиль с полным ртом.

– Со стриптизом! – хмыкнул Адам.

– Сам ты со стриптизом! Что, никогда очистительного обряда не видел?

Тут вступил кларнет: «Blue train» Колтрэйна. Кларнетистка вела себя так, как будто она играла на саксофоне: извивалась, плавно продолжая движениями бёдер и плеч каждую ноту; и каким-то образом Шуберт и Колтрэйн вполне мирно сосуществовали, а продолжавшая ритмично двигаться обнажённая по прежнему не поворачивалась к зрителям лицом. Адам обратил внимание, что её фигура была, что называется, «несграбной», толстые в коленях ноги, да и вообще она немолода. Однако буквально через несколько минут её... танца? пантомимы? перформанса?.. движения стали более плавными и гармоничными, изменилась форма ног, выпрямилась фигура, и сама она словно помолодела лет на десять. Вот она встала на одно колено и стала что-то сыпать из кулька себе на грудь, так что струйка порошка жемчужного цвета устремилась между её ног, образуя холмик.

– Перец, что ли?

– Почти угадал: бахарат.

Кларнет заглушил мини-рояль и вдруг заглох на взвизге. Обнажённая улеглась на насыпанный холмик, приняв позу зародыша, так что видна была только её спина, в гаснущем свете вызывавшая ассоциации не столько с телом, сколько с лунным пейзажем. Шуберт всё ещё бубнил что-то, всё тише, и свет постепенно сворачивался, пока занавес не опустился.

Адам зааплодировал. Нинлиль толкнула его ногой:

– Ты что, спятил? Хочешь, чтобы то, от чего происходило очищение, перешло на тебя?!

Адам не нашёл, что ответить, и решился, наконец, отведать суп, состоявший, судя по виду и запаху, из одних пряностей. Впрочем, в нём плавали креветки и кальмары, иные вроде бы даже живые.

Занавес поднялся вновь, и в бордовом свете ramпы появился человек в сером комбинезончике, с привязанным к поясу белым плюшевым медвежонком.

– О, вот ему можешь аплодировать сколько влезет! – прокомментировала Нинлиль. – Это Колбасенников-Братвурст, такой придурок местного значения, считающийся великим пиитом в «Манतिकоре» и ещё паре-тройке... э...

– Конкурирующих организаций? – подсказал Адам.

Нинлиль улыбнулась и покладисто кивнула.
Великий пиит местного значения махнул чубом и дико завыл:

Распят над рекой козодой,
И Дева-Луна далека.
Но Митра, такой молодой,
Опять убивает быка!..

Адам звучно поперхнулся супом, и пиит тут же прервал чтение, соскочил со сцены и подбежал к нему. Адам уже привстал, готовясь к драке, но пиит положил лапки ему на плечи и заботливо забормотал:

– Вы же не так сидите! Вам же нужно в главный момент обеспечить нужный угол зрения!! Да-да! Если мы с вами не выстроим кропотливо и настойчиво мизансцену, если не разьясим друг другу подробно предлагаемые обстоятельства, то Вы не сможете! Вы не сможете увидеть!! Поймите, всё происходит с одной великой целью: преподнести желанный образ, высказать необходимую мысль. Такой метод делает неудачи очень заметными, особенно, когда финальный кадр оказывается не стоящим всех этих изощрённых усилий. Но наслаждение, которое вы получите, когда всё удастся, даёт право простить все прошлые конфузы. Вы должны терпеливо ждать, пока я совершу некие манипуляции... – при этом пиит двигал стул обалдевшего Адама и поворачивал его голову. – Поймите! Поймите, это же малый футарк, фигурально говоря!! Это беспощадная новая искренность!..

И так же неожиданно он уметнулся обратно на сцену и вновь взвыл в голос:

О, точка сборки!
Пиво, в ночи расплавленное,
целовалось с тобой в отдалении.
А жюльен?
А портвейн?
А устрица?!
Все в астрале...

Адам вздохнул и отодвинул миску.

– Не нравится? – не без ехидства поинтересовалась Нинлиль.

– Ты про суп или?..

– Или! Ты его в первый раз слышишь, везунчик. А мне-то он в Северо-Западном раз семь уже попадался. Кошмар неизреченный... Лучше поаплодируй ему, а то ведь не уйдёт, пока оваций не добьётся.

Тем временем Колбасенников-Братвурст начал новый шедевр:

Ложись обратно, Бета-Ли, и вздору не мели!
Знать, не читала ты огня из тонкого меня.
Мы сеем мак, а вы – коньяк...

– Кто автор, тот дурак! – брякнул Адам.

– Тихо ты! – ужаснулась Нинлиль и громко воскликнула:

– Браво! Какие подлинные эмоции, какие сильные, полные жизни образы! какие общечеловеческие проблемы...

Пиит скромно ей поклонился.

– Слушай, чего это ты? – с изумлением спросил Адам. – Он что...

– Он ничто средней паршивости, – исчерпывающе прошептала Нинлиль. –

Но мне легче соврать ему, чем... Впрочем, узнаешь в свое время.

– А теперь представьте себе, что вы в военном лагере, готовящемся к генеральному сражению! – возопил Колбасенников. – Есть ли рядом с вами кто-то, за кого вы хотели бы погибнуть?! Делайте ваши выводы, господа!... и дамы!

И не дожидаясь ответа, снова завыл:

Я массажет эпохи Апостата.

Покуда пасаргад, укрывшись шкурой, смолк,

Я акинак точу и знаю: будет толк!

Ведь это ж не сапёрная лопата.

Пусть Анаит не выпускает реостата!

Пусть воет ветер, как эламский волк!

О, как душа моя предвиденьем брюхата!..

Пиит вдруг резко оборвал чтение, увидев бешеные глаза Адама, кашлянул и как-то мгновенно испарился.

– Повбывав бы! – пробурчал Адам, медленно остывая. – За Апостата особенно. Это ж мой любимый персонаж!

– А что так? почему именно он?

– А потому, что он разрешил восстановить Храм.

– И восстановили, да?

– Не смешно.

– А что ж помешало?

– Ну, ты же знаешь, что после гибели Юлиана западный митраизм потерял позиции ведущего мировоззрения... Впрочем, дело не в этом.

– А в чём же?

– Во мне, если хочешь знать... А-а, ладно, не сейчас. Долгий разговор.

– Похоже, что у нас обоих намечается долгий разговор.

Малиновый официант очень кстати возник с вопросом о десерте, и Адам переадресовал этот вопрос к Нинлиль:

– Я, пожалуй, выпью этого «дракона», а тебе что взять?

Нинлиль как-то оценивающе глянула на него:

– Fine, мне тоже. Но – ты вообще пробовал когда-нибудь этот чай?

– Да нет, – легкомысленно ответил Адам. – А что?

– Ага. Да ничего. Учти только, он действует примерно так же, как первитин.

– Ну прямо...

– Увидишь.

– Ништяк себе!!

– А ты думал! Вы, бедняги, ширялись и вмазывались, а ханьцы того же самого достигали легко и приятно.

– То-то их и делали, как детей, то чжурчжэни, то монголы.

– Зато уж в ваших сварах они не принимали участия.

– В наших?

– Ладно, в наших общих.

34 [Его явно ждали]

Черт ты возьми, парень, ты что, никогда не работал на правительство? Будь их воля, они бы и половые сношения засекретили...

Р.Хайнлайн, «Дверь в лето»

Мунд сделал рукой приглашающий жест.

Адам огляделся.

Кроме них, в зале никого не было.

– Ну, в чем дело, херр информант? – Мунд слегка нахмурился. – Вам же нужны мои связи, нихт вар? Вот сейчас и свяжете, доннер унд блиitze!

Адам хмыкнул и сел рядом с ним.

На экране появилось название:

«ЧЕТЫРЕ ДОРОГИ».

Буквы заколебались и растаяли.

Снова появились, но уже – «ПЯТЬ ДОРО... ГЫ-ГЫ-ГЫ».

Первый кадр был явной цитатой из знаменитого фильма Люмьеров – поезд, несущийся на публику, – только в виде стоп-кадра.

Медленно сквозь него проступил другой поезд, вылезавший из стены на картине Магритта.

Этот поезд в свою очередь сменили человеческие ноги.

Ноги шагали мимо детской площадки. За кадром, видимо, дети играли в поезд, судя по звукоподражательным воплям:

– Чух-чух-чух-чух... уuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuuu!!.

Человек с папкой подмышкой, лица которого зрителю по-прежнему не было видно, вошёл в подъезд, поднялся по лестнице.

Остановился у одной из дверей. Нажал кнопку звонка.

Ему открыли, и он вошёл в помещение, где его явно ждали.

За кадром всё ещё слышались вопли детей, постепенно стихающие.

Он подошёл к столу, положил на него кожаную папку – старинную, потёртую – и медленно раскрыл её, одновременно начав рассказывать откуда-то с середины фразы, что эти карты – не подлинники, а копии, но где-то же должен быть и подлинник этого удивительного документа эпохи и, шире, уходящей цивилизации, когда, например, в одном городе могли звучать сразу десятка два языков рядом, и говорящие понимали друг друга без переводчика...

В кадре появилась одна из карт, с надписями на чешском.

Говорящего теперь можно было увидеть несколько лучше, хотя его лицо по-прежнему оставалось нечётким. Он был довольно высок, широкоплеч, как-то подчеркнута старомодно одет, лопоух и вообще чем-то немного похож на Кафку.

В кадре, наконец, появился его собеседник... вернее, собеседница, – полураздетая женщина в маске.

Впрочем, крупные планы вскоре продемонстрировали, что это не маска в буквальном смысле. Её лицо было разрисовано под маску театра Но.

Он как будто не замечал этого. Возможно, и в самом деле не замечал, поглощённый своей идеей.

Он доказывал ей, что любая карта в принципе есть карта острова сокровищ («...о, поверьте, совершенно не случайно прилагаемое к карте описание традиционно именуется легендой!..»), что за этими полустертыми, выгоревшими, замасленными, обтрепавшимися листами скрывается нечто неопишимо прекрасное.

В кадре (на внутреннем экране) появились края старинных карт с драконами, единорогами и сиренами на полях.

Он говорил о железной дороге как о метафоре, о том, что кольцевой рельсовый путь есть описание замкнутости и гибельности империи с её бесконечно-иронической повторяемостью ситуаций и сюжетов.

О сакральности числа «четыре» как составляющей ещё более сакрального числа «семь».

О пересечении, перекрёстке, кресте, свастике, звезде, соединении, совокуплении – как архетипе преодоления круга, то есть дурной бесконечности.

О смысле понятия «Шакти», утраченном в фельетонную эпоху.

О лошади как символу Ночи и о паровозе как символу Солнца.

О необходимости воссоздать сокровище, тайну, традицию, миф.

Миф Дороги.

Всё это во внутреннем экране комментировалось пейзажами из окна поезда как цитатами невысказанных миров.

Крупным планом появился отрезок железной дороги на карте, от Нью Мехико до Аризоны.

Тот же отрезок, но еще более крупно, возник и во внутреннем экране. Теперь можно было разглядеть, что среди названий населенных пунктов есть такие, как Ксанадупур, Посейдонис, Итиль, Баальбек, Афродисиас, Ананкэ и т.п.

Её наводящие вопросы, преимущественно иронические, сводили сюжет на землю: о возможном количестве копий этих карт, о возможности воссоздания реальной дороги по этим картам, о возможной прибыльности этой затеи в принципе.

Из этих вопросов постепенно выяснялось, что карты, может быть, не соответствуют действительности, и в реальности такой дороги никогда не существовало.

«Тем хуже для действительности! – страстно восклицал он. – Тем хуже для так называемой реальности! Если её нет, её стоит создать! Если есть – её необходимо пересоздать!! Не так ли была некогда создана и эта страна? да и любая другая, собственно...»

Женщина расхохоталась, достала флакон странной формы с четырьмя горлышками.

Налила из одного горлышка себе в бокал, жестом предложила налить ему – из другого.

Он – жестом же – отказался.

Затем они вдруг понизили голоса и заговорили о некоей катастрофе, которая произошла в этой местности и о которой люди всегда строили множество догадок, но теперь уже ничего не известно, кроме полулегендарных историй, почти утративших смысл.

Тут у них неожиданно вспыхнул горячий спор о том, что же такое смысл и чем он отличается от идеи.

Всё это время входили и выходили, мешая диалогу, отвлекая от него и порой вмешиваясь, сотрудники и обслуга женщины: учёные, лаборанты, секретарши, журналисты, фотографы со вспышками, какие-то хипповатые юноши с птичьими клетками и попугаями в них, телохранители, официанты, уборщики, сантехники и т.д.

Он поглядывал в их сторону с удивлением, но тут же о них забывал.

Карты в кадре наложились друг на друга. Тройная экспозиция.

Закрутились во фрактал.

Женщина хлопнула в ладоши:

– Вы приняты!!.

Аплодисменты со всех сторон заглушили его реакцию.

На него навалились несколько человек и натянули на него белую маску.

Он попытался снять, но маска сидела как влитая и сросшаяся с кожей

Кто-то за кадром произнёс его имя:

– Фантомас!..

Теперь стало понятно: человеку в маске предстоит быть одним из участников фирмы этой женщины, занимающейся чем-то странным и едва ли законным.

Её журчащий голос заполнил всё пространство:

– От века я избрана княжить, от начала, прежде бытия земли. Я родилась, когда не было бездн и источников, полных воды. Я родилась прежде, чем погружены среди вод были горы, прежде холмов; когда ещё Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок Вселенной.

Когда Он уготовлял небеса, я была там; когда Он проводил круговую черту на поверхности бездны, когда Он утверждал облака на высоте, когда укреплял источники бездны, когда полагал для моря устав Свой, чтобы воды не переступали Его приказ, когда полагал основания земли, и была я у Него питомицею, и была радостью каждый день, веселясь пред Ним всё время, веселясь на обитаемой земле Его, и радость моя – с сынами человеческими...

Модель железной дороги на столе заняла весь кадр.

На заднем плане смутно виднелось его лицо в маске над столом.

Снова стало слышно, как гомонят дети за окном.

Диафрагма начала медленно закрываться... и в зале вспыхнул свет.

Адам оглянулся, словно его кто-то толкнул.

О'Хэра и несколько человек в незнакомой униформе стояли у двери.

– Какие будут приказания, легат? – почтительно спросил О'Хэра.

Мунд встал ему навстречу и протянул руку, тыльной стороной кисти вверх. О'Хэра склонился к ней и поцеловал перстень на среднем пальце. После чего с облегчением распрямился и кивнул людям в униформе:

– Взять его.

Молниеносно на голову Мунда был наброшен чёрный мешок, и его выволокли за дверь раньше, чем он успел издать хоть звук.

– Thanx, Junior, – буркнул О'Хэра.

Адам пожал плечами:

– Ну, капитан, я-то при чём?
– Во-первых, уже не капитан. Можете обращаться ко мне: *magister equitum*. Во-вторых, очень даже при чём, не скромничайте. Этот фильм... о! да, вытащить из него такое... Вы гений! Или почти...

Он уселся рядом с Адамом. В кресло, где только что сидел Мунд. Задрал ноги на спинку кресла впереди:

– Как вообще дела, а? *You're all right, Junior?*
– Почти, вот именно... Вы завтра освободите его.

Адам сказал это ровным тоном, не спрашивая и не утверждая. О'Хэра кивнул, улыбаясь:

– Конечно, конечно. Кстати, Junior, за вами очередной взнос.
– Да хоть сто порций, – пожал плечами Адам и слегка понизил голос. – Не в первый раз мне снится...

– *Just a moment!* – О'Хэра чем-то щёлкнул в кармане. – *From the very beginning, please.*

– ...Не в первый раз мне снится сон, в котором я убиваю, – но впервые я убил женщину.

Битва была в таком густом тумане, что на расстоянии вытянутой руки ничего не удавалось увидеть; звуки столкновений казались слабыми – видимо, сражающиеся в таких условиях действовали очень медленно. Словом, всё было нереально и так и воспринималось. Я стоял, держа перед собой мой двуручный меч. Страх не было. Впереди возник человек – весь закованный в латы, но без шлема. Я взмахнул мечом горизонтально, справа налево, и голова отлетела, а тело, как металлическая статуя, ещё некоторое время стояло недвижно. Кровь на лезвии у самой рукояти показывала, что человек был ко мне очень близко. И, глядя в лицо упавшей к моим ногам головы, я увидел, что это совсем юная девушка.

Я знал, что могу оживить её, если постараюсь, и сосредоточился на этом.

И оживление удалось, но сразу стало понятно, что это ненадолго. Мы были перенесены в другое место и время, на солнечную площадь какого-то города, с огромным фонтаном в центре. Девушка, одетая и причёсанная по моде семидесятых, шла мимо фонтана, стуча каблучками; я следил за ней издали и знал, что вот сейчас она чувствует, будто что-то дёргает её за гладкую башенку причёски, всё сильнее. И вот – голова оторвалась, и она упала в бассейн фонтана, немедленно превратившись в белую статую, неотличимую от остальных среди кипения воды.

Я был наказан за это странным наказанием, сходным с наказанием Данаид – мне предстояло носить какие-то мешки, с виду тяжёлые, на деле же очень лёгкие. Но их невозможно было донести до места назначения, они как-то незаметно исчезали. И когда я пытался найти утерянный мешок, на меня обрушились какие-то подростки, сначала трое, потом шестеро, потом толпа, передразнивая меня, высмеивая и угрожая. Чтобы спастись от них, я присоединился к группе парней постарше, которых подростки почему-то опасались и только следовали в отдалении, как шакалы за тиграми.

Проснувшись, я попытался рассказать всё это полусонной... – Адам запнулся, – ...Линде... но это было не настоящее пробуждение, а следующий сон, и я вскоре был втянут в его сюжет. На сей раз я оказался в мафиозной клинике – не в

переносном смысле, а в самом прямом. Молодой мафиози, страшно израненный, должен был подвергнуться арт-терапии, и проводить её должна была юная Цветаева (точнее, её новая инкарнация), очень неразговорчивая, но уверенная в себе. На двери палаты она вывесила расписание этой арт-терапии, и буквы оранжево светились. Я же был кем-то вроде помощника охранника, который хвастался передо мной огромным пистолетом, в действительности бывшим пластмассовой игрушкой...

На следующий день я заболел. Уже пять недель без мелфиата... врагу не пожелаю.

О'Хэра хмыкнул и извлек из кармана плоскую флягу:

– А? Клин клином, Junior!

– Нет уж, спасибо... а впрочем, давайте! Когда-то надо начинать, в конце концов.

Фляга, уже откупоренная, переключалась в руку Адама. Он хлебнул и зажмурился от отвращения:

– Свет Пресветлый, какая же гадость невообразимая! И как вы только это пьете без наркоза?!

– Понимал бы... – О'Хэра отобрал у него флягу и основательно приложился. Отдышавшись, хмыкнул:

– Мои предки называли это shebeen¹⁰.

– А мои потомки... тьфу ты!..

– Ништяк, Junior, я тебя... то бишь Вас... правильно понял. А знаете – я ведь тоже видел сон, где участвовали Вы. Лично Вы.

Адам промолчал.

– Нет, кроме шуток! – настаивал О'Хэра. – Интересный сон, и вы там были как живой. Шел снег, и я видел, что Вы – совершенно голый – укладываетесь спать в снегу прямо на мостовой. Я пытаюсь Вас поднять, но Вы отмахиваетесь: мол, мне тут удобно. Я уйду в дом, но позже выйду посмотреть, как вы там. Снег полностью завалил Вас, но из снега что-то торчит. Я разгребаю снег и вижу, что это Ваша рука с тяжелым непальским ножом, которым можно пользоваться и как молотком в случае чего.

– Кхукри?

– Именно. То есть Вы приготовились к защите на всякий пожарный. Я решаю все же разбудить Вас, встряхнув как следует, и после некоторой тряски Вы открываете глаза. И спокойно спрашиваете: «Который час? Уже пора, что ли?»...

– Пора, – сказал Адам и поднялся.

– Just you wait, Junior! What about my second proposal?

– No.

– You're sure you'll not regret?

– Doesn't matter. Never. Did you get me, magister equitum?

– Oh, I will get you, Junior. I will.

– We shall see.

¹⁰ Нелегальная выпивка (ирл.).

35 [Ваши рассуждения вызывают]

Один наш матрос, будучи в этом сумеречном состоянии, всё порывался даже писать об этом в газеты, даром что был вовсе неграмотным.

Е.Таратута, «Сто и одна минута»

– Ваши рассуждения вызывают серьёзные сомнения. – Мунд, несмотря на то, что руки у него были скованы за спиной, говорил легко, спокойно и без обычного ёрничанья. – Значит, только германцы и прочие язычники? Ваши слова: «...митраисты этого никогда не делали, это живодёрство, мерзость...»? Но храните ли вы в памяти историю? Великолепные процессы ведьм, костры по всей Европе? Уж это ли не самые красивые ритуальные убийства, горделиво свершаемые именно митраистами? Не считаете ли вы все сожжения на кострах, все ведьмовские процессы, когда в массовом порядке были истреблены тысячи людей, не считаете ли вы это самыми кровавыми религиозными жертвоприношениями за всю историю человечества, пред которыми бледнеют все невинно убиенные младенцы?

О'Хэра пожал плечами:

– Поймите главное: необходимо уметь отличать убийство невинного от убийства преступника. Вот подумайте: слова многозначны. Смысл слова всецело зависит от контекста, так же как смысл фразы – от интонации и ситуации, ради которой данный текст написан, а смысл текста – от окружения, социального и природного. Например, «убийство». Очевидно, что убийство с целью ограбления – преступление; убийство ради садизма – гнусное преступление; а убийство на дуэли – деяние хотя и наказуемое, но не преступное, ибо тот, кто остался жив, подвергал себя равному риску быть убитым и защищал свою честь; убийство врага на войне не преступление, а подвиг; казнь преступника палачом, тоже убийство, – выполнение долга, а казнь заведомо невиновного – хуже, чем преступление: это грех. И совершенно бессмысленно философское резонерство всяких графов-писарей (от grapho – пишу!), трактующих смысл слов вне контекста, а значение текстов вне исторической обстановки. Принципиальная ошибка анализа остается, а глупость – такой же источник людских несчастий, как и злая воля. Даже, может быть, порой глупость хуже, потому что она требует для себя права на безответственность: «Я, мол, так думал, значит, я не виноват». И тут злая воля получает необходимый ей простор. Она может действовать не прямо, в чем всегда есть доля риска, а через обманутых дураков, которые уверены в своем праве не продумывать того, что они творят, а действовать по чужой указке... Если вкратце, то можно сказать, что за всю историю западного митраизма было убито всего тридцать семь тысяч человек. И делалось это государственной властью, по её инициативе и согласно её законам. А уж никак не Храмом Митры. Не повторяйте, пожалуйста, неправды, которую вкладывают в головы людей ненавистники митраизма или просто те, кто не знают вопроса.

Мунд усмехнулся:

– Любезный, я говорил о времени, когда по всему Старому Свету полыхали костры и на них горели так называемые ведьмы, которые были уличены в преступлениях, согласно, например, обвинительной догматической базе такого относительно раннего документа (митраистского по самое не могу) как «Пила

ведьм». О ведовских процессах в Европе, а также в американском Салеме, написано много дюжин великолепных научных книг... рекомендую хотя бы «Witch-craze in Modern Europe» или серию Северо-Западного университета, много ученых томов, объединенные одним названием «History of European Witchcraft». Костры, где горели ведьмы, в большинстве своем именно женщины, о чем опять-таки есть очень много научных работ, были широчайше распространены во всех странах Европы. Но спасибо за Ваш ответ. Если, по-Вашему, «сожженный еретик» (например, соседка, которая наводит порчу и лишает мужской потенции – а это были официальные обвинения, заслушиваемые в зале, – или германец, который занес чуму в Европу – как раз с этого начались, кстати, все европейские процессы ведьм) есть всегда уголовный преступник, достойный смерти, а не жертва религиозного мракобесия; и сожжен сей гнусный преступник именно вопреки воле наигуманнейшего Храма (это же всё дикие ненавистники распространяют дурацкий слух, что, дескать, Храм как-то санкционировал эти костры!), когда из виду упускается знание элементарных азбучных истин о разделении типов властных законов и права в Европе и каждому студенту-первокурснику известно, что ведьмы были сжигаемы именно по «храмовому» закону, а не по «гражданскому»... если все это для Вас обстоит именно так, то что ж, все стало на свои места, и разговор лишен смысла, а тема закрыта, ибо все понятно.

– Да Вы не драматизируйте так, легат, – улыбнулся О'Хэра. – Преступники, деяния которых угрожают существованию людей, земному и Небесному, предавались казни всегда. В любых человеческих сообществах. Таких преступников казнить должно. А вот если казнили невиновных (так тоже бывает, из-за чьей-то ошибки, невольной или намеренной) – это безусловная скверна, и оправдываться она не может никогда. Так вот, западные митраисты за не имевшие ни малейшего отношения к митраистскому ритуалу и осуществлявшиеся государством казни невинных (если они были), принесли покаяние. Несмотря на то, что теперешние митраисты к тем, кто, допустим, действительно преследовали невинных, не имеют никакого отношения. Вам этого мало? А вот германцы, которые повинны не в том, что по ошибке убили невинного, а в намеренном неизреченном изуверстве, в зверских ритуальных убийствах детей и девственников, и не думают о покаянии. Напротив, смеются в лицо тем, кто им об этом говорит. Вот и вся разница, постарайтесь это понять.

– Нет уж, любезный херр хауптман...

– Magister equitum!

– ...это Вы уж как-то постарайтесь... да, сделайте такое усилие, пусть худо-бедно, но понять, что «виновным» кого-либо может назвать лишь суд. У Вас нет абсолютно никаких мыслимых легитимных правомочий объявлять о чьей-либо виновности или невиновности. Нет не только «права», но и «смысла» – всмотритесь в ту вопиющую словесную нелогичность и вопиющую историческую школьную неаккуратность, с которой Вы сейчас мне отвечаете. «...Германцы, которые повинны ... в намеренном ...изуверстве... и не думают о покаянии...». Где все эти германцы? покажите хотя бы одного конкретного германца, который повинен в том, что пил или пьет кровь митраистских младенцев и дев, и притом не думает о покаянии? вы можете указать хотя бы на одного такого вот подсудного германца, о котором известно, что он регулярно... да хоть бы и нерегулярно!.. пьет

кровь или в сосиски с капустой ея подмешивает; при том, что всё это доподлинно известно, но означенный германец упорно не желает признавать очевидное и каяться. Укажите на такого германца или на группу таких германцев! И еще хорошенько подумайте о смысле слова «повинен». Вы – хотите являть в одном лице и дознание, и суд, и палача? весьма интересно и смело. И думаете, что произвольная нарезка фантастических цитат может дать вам право объявлять кого-то виновным, а кого-то праведником, пафосно требовать покаяния? А не с самого себя ли следует начать это самое покаяние? То, как вы обвиняете целый народ в том, что его члены пили и пьют кровь детей митраистских, это по-меньшей мере весьма самонадеянно и выглядит довольно глупо. Не обессудьте, но больше я отвечать не буду, ибо несколько потерял интерес к разговору

– Будете. Никуда не денетесь. Здесь и не такие начинали отвечать.

– Натюрлихь. Однако я – не «не такие».

– Увидим. Руки на стол!

– Извините, они у меня скованы за спиной.

– А. Ну, не беда.

О'Хэра, не глядя, нажал кнопку на пульте. Наручники со звоном разомкнулись и упали на пол. Мунд со вздохом начал разминать кисти. О'Хэра вынул из ящика стола здоровенный охотничий нож в косматых ножнах и обнажил тяжелый сверкающий клинок – мечту подростка:

– Нравится, а? Германский, между прочим. Не удержался, знаете ли, скоммунякнул у нашего общего друга Junior'a. Несу его этак вчера по коридору, а подчиненные за спиной перешёптываются: «И откуда это шеф разжился ножичком?»... Руки на стол!!

Из стены возник Светозар-Жарко и мрачно изрек:

– Ан никакой он не германской – наш он, мекленбургской, сиречь оботритской нож-то, альбо ж лютичской. Вона на лезвии клеймо – круг двойной, и рыбка внутри...

– Кыш на пост, ублюдок! – отмахнулся О'Хэра, и Светозар-Жарко исчез тем же путем, что и появился.

– Руки на стол!!! – в третий раз скомандовал следователь, и Мунд спокойно положил руки на полированную поверхность. О'Хэра полоснул лезвием по одному из пальцев, и тот отвалился, словно пластиковый, каковым он, собственно, и был.

– Это протез, magister! – расхохотался Мунд. – Забыли?

– Отакой! – смущённо отозвался О'Хэра. – Авжеж, забыв, шляк бы його трафыв! Файно, легат, ото ж ваша черга!

И он толкнул нож по блестящей поверхности стола к Мунду, а сам положил руки на стол.

– Крыша поехала, что ли, magister? – спросил Мунд, побледнев.

– Ты ба, интеллигентик германский! Млеко, яйки, сальтисон, масло, пиво, быстрый сон! В темпе взял нож, яйцеголовый, кому сказано! Ну?!

– Да отвяжитесь от меня!! – завизжал Мунд, вмиг утратив невозмутимость.

– О как?! А смолы горячей не хошь? «Отвяжитесь», а? Нет уж, баварская морда, бери! Или колись, как на духу! Всосал?

Из стены на сей раз вышла Нинлиль.

– Барахло ты, малыш, – хмуро сказала она брату. – И всегда был барахлом. А ещё Победитель мира. Смотри и учись, пока не протух.

Она уверенно взяла нож в левую руку и одним точным движением отчекрыжила следователю правую кисть. Фонтан тёмной жидкости залил стол мгновенно.

– А вы, мисс Нафлунг, та ещё стервь, – прохрипел О'Хэра, оседая на пол. – Впрочем, спасибо. Вы сделали то, что нужно, и теперь повязаны.

Он перекатился по полу и встал, шатаясь.

– Ди эрсте колонне марширт, – пробормотал Мунд.

– Это я-то повязана? – недобро усмехнулась Нинлиль. – Не туда хвост пружинишь, Тим, пора бы просветлеть, наконец. Помолись своему Кернунносу, гиппарх. Митра тебе сегодня уж точно не в масть.

– Манда д'Хайе со мной всегда... – забулькал следователь.

– Ну конечно же, когда вам надо, так вы все вспоминаете, что вы на минуточку сплошные манихеи в полный рост. А кто тут только что распинался в своем митраизме, а? Чума на оба храма ваши!

– Look, who's talking!..

Серия взрывов за стеной заставила всех троих обернуться к окну, где, впрочем, ничего не увиделось, кроме густого облака поднявшейся пыли.

– Ну, ты всё понял, фотограф? – спросила Нинлиль. – Можно, конечно, войти в старую историю, просто начав правильно ее рассказывать по новой: не торопясь, принимая всё, что изменилось, храня неизменным то, что измениться не могло, к примеру, богов, даже если они давным-давно сменили места жительства, имена, атрибуты и занятия. И тогда сквозь нарратив начинают вроде бы просвечивать архетипы. Этому немудрено удивиться, поскольку архетипы ведут к неким императивам, а ведь давно уже стали привычны сюжеты, полностью их лишённые. В сущности, это даже и не императивы, а просто такие как бы изначальные правила, без которых невозможно само существование людей, богов, героев и чудовищ. Правила можно при желании назвать законами – нет, не природы, а сверхприроды всего сущего. Один из этих законов гласит, что цена, которую приходится платить за исполнение желаний, чаще всего непомерно высока. Другой – что, сделав неверный шаг, отыграть назад невозможно, а если и возможно, то лучше бы не надо. Ещё один – что судьбу можно одолеть и всю жизнь потом жалеть об этом. И ещё один, очень важный – что страдания любого существа могут превратить его в чудовище, страшное всем.

Мунд уронил голову на стол и расплакался, как ребёнок.

– Не вой, Зигмунд, – не повышая голоса, бросила ему сестра.

– ...шульдигунг, Зиглинда... – он быстро вытер нос протезом и поднялся. – Нервы стали... ну совершенно же ни к чёрту!

– То ли ещё будет, малыш. О, то ли ещё будет.

Она шагнула к нетвёрдо стоявшему на ногах О'Хэре, тетешкавшему свою искалеченную руку, и привычно скомандовала:

– Голову поднять, дыхание задержать. Сейчас ты пойдёшь на улицу Нетда.

И когда он покорно и почти радостно подчинился команде, она взяла его правой рукой за волосы, движением справа налево уверенно отрезала ему голову и поставила её на стол. Тело рухнуло.

36 [Нет смысла убивать]

Стремясь удержать в городе дух богов, статуи их заковали в цепи.

Г.Флобер, «Саламбо»

– Нет смысла убивать, ещё раз говорю, – буркнул Адам. – Тот, кто убит, пройдёт определённые круги...

– Ада?

– Ну... можно сказать и так... и станет, вот это главное, только сильнее. Очень сильным. Может быть, даже почти что неуязвимым. Как Сталин. Или...

– Чикатилло, да? Слушай, а ты по-прежнему полагаешь, что одержимость... богом... сродни одержимости демонами?

Адам сделал вид, что обдумывает вопрос:

– Ну-у... мне легче вот как... давай я тебе сказку расскажу. Моя очередь.

– Давай! – Нинлиль свернулась в клубок, как кошка.

– О братьях и сестре, – провозгласил Адам. – Это название. Значит, так.

Родители у них, понятное дело, были, но детьми они, видать, не занимались – может, были заняты чем-то более важным (хотя что может быть важнее...), а может, просто были очень далеко (хотя опять-таки непонятно, как же это вышло, что дети, совсем маленькие, оказались так далеко от родителей – ведь войн тогда ещё не было...). А так или иначе, близнецы были предоставлены самим себе.

И не жалели об этом.

Каждый день был для них радостным, они ели и пили когда хотели, строили башни из песка и купались вволю. Еды им хватало – рыбы в реке сами шли к ним в руки, и сладких ягод вокруг было столько, что они их не только ели, но и разрисовывали друг друга ярким соком; а стоило им пожелать, как тут же начинался дождь, прохладный и вкусный. Больших зверей вокруг не было, мелких тоже. Дети считали, что мелкие сами их боятся и поэтому не показываются, но это было не так – или не совсем так. Каждая ночь была тёплой и нестрашной, они смотрели на звёзды и думали иногда, что где-то там их мать.

Хотя все трое были близнецы, но один из братьев, конечно же, считал себя старшим и командовал остальными. Те не возражали. Они вообще не спорили между собой. Говорить они не умели, да и не нуждались в этом – каждый слышал внутренние голоса двух других не хуже, чем свой. Если один из них что-то мысленно напевал, другие подхватывали; если смеялся – хохотали и остальные.

И время шло, хотя совсем не так, как привычно нам, и дети росли, хотя мы бы этого не заметили, если бы мы там были. А уж как это вышло, что они всё же заспорили и поссорились, а потом и подрались, теперь и не скажешь, потому что и сами они после не очень-то помнили. Или очень не хотели вспоминать.

Так или иначе, но младший брат ударил старшего – или, наоборот, старший младшего, ведь точно неизвестно, кто из них действительно был старшим. И первый же удар был и смертельным, потому что никто из них ещё не знал своих сил и не умел ни управлять ими, ни защищаться. Так в их мир пришла разрешительница споров и укротительница желаний.

И оставшийся в живых брат тщетно пытался поднять упавшего, а когда увидел, что тот не встаёт, и понял, что никогда и не встанет, то в отчаянии разорвал

тело на множество частей и разбросал в разные стороны, чтобы только их не видеть.

Но они всё равно были видны.

И тогда он выкопал первую в этом мире яму, очень-очень глубокую, и сбросил туда останки брата, и забросал ветками и песком. И мысленно приказал сестре не смотреть туда.

Но сестра впервые не послушалась – ночью она тайком подошла к яме и раскопала её. И спустилась внутрь.

И там, в той яме, было без счёту живых существ – маленьких и покрупнее, красивых и отвратительных, дружелюбных и враждебных. И некоторые из них были с зачатками крыльев и пытались улететь, а другие – со множеством лап и глаз, а третьи были покрыты слизью и не имели ни глаз, ни голов. А иные пытались заговорить, и вот это-то было воистину ужасно.

И девушке стало ясно, что всё это и есть её брат, который вот так вернулся к жизни; и она поняла ещё, почему не было зверей вокруг – все они в них, внутри!

И она обняла их всех, хотя ей и не хватало ни рук, ни всего тела, потому что существ было очень много, гораздо больше, чем её – ведь и брат был куда крупнее, чем она.

И сразу же она очень изменилась, хотя и не сразу поняла это. В её теле поселилось новое существо и мгновенно выпило изнутри её кровь и силу. И, раскрыв сестру-мать, как бабочка раскрывает кокон, существо вышло наружу.

То был великолепный юноша с головой сокола – так, по крайней мере, рассказывают. Другие, впрочем, рассказывают иначе, да и не счесть всех рассказов: и про то, как юноша сразился со своим дядей-братом, и про то, как оба они в пылу битвы рухнули в реку и превратились в гигантских крокодилов, сражающихся по сей день, отчего и не прекращаются у нас землетрясения и цунами, в то время как сестра стала звездой и поднялась на небо, где, наконец, встретилась с матерью. Рассказов много, и нет им конца: это всем известные истории Сетха и Осириса, Каина и Эвея, Энкимду и Думмузи, Анхри-Манью и Ахура-Мазды, Этеокла и Полиника, Ромула и Рема, Хун-Ахпу и Шбаланке, Чернобога и Белобога, Сатанаила и Иешуа, Темуджина и Джамухи, Сталина и Ленина, Альфы и Омеги, Наполеона и Бонапарта, Злоробота и Добробота, Магацитла и Опрометла, Йэху и Гуинггма, и ещё, и ещё, и ещё... И сестру тоже называют самыми разными именами, все их и вспомнить невозможно, да к тому же большинство из них табу; а иногда ещё говорят, что сестра и была матерью близнецов, и в небе встретила она самое себя, потому что небо – это великое Зеркало... Иногда даже говорят и совсем странное – будто братьев было не двое, а двенадцать. Или ещё того похлеще – что никакой битвы вовсе и не было, а брат и сестра попросту сожрали своего сына-племянника и с тех пор – по сей день! – играют при свете факелов в бродячем уличном театрике, изображая там в лицах свою бесконечную историю.

Нам же стоит помнить самое главное: мы, люди, происходим от тех существ, страшных или прекрасных, коих сестра извлекла из ямы. И поэтому, прежде чем раздавить паука или муравья, или красного лаккона, или даже эндорху, стоит остановиться и подумать немного. Да, они не только уродливы, но и очень опасны; да, они приносят неудачу на охоте; да, норовят отравить нашу кровь – но не они ведь виноваты в том, что мы, люди, живем теперь в руинах и не владем

мощной магией предков, и днем не можем выходить из-за радиации, а по ночам на нас охотятся упыри и русалы.

Может быть, от них, этих уродцев, пойдут новые люди, которые будут жить лучше нашего. Хорошо бы, правда?

После долгой, очень долгой паузы Нинлиль тихонько спросила:

– Вот почему у вас, саббатианцев, так: других богов вы не признаёте, но имена их тщательно запоминаете? И месяц у вас таммуз, и в личных именах – то шамаш, то мардук, то баал, то иштар... и вообще, чуть что – боги, элохим, крувим... почему, а?

– Ты вообще-то льстишь мне, относя к саббатианцам...

Она вдруг, прыжком, вскочила на ноги:

– Знаешь, мне придётся уехать завтра.

– Надолго?

– На несколько дней... или лет...

– Что?!

– Шутка!

– А-а! Так предупреждать же надо: щас шутить буду, всем лечь ногами к вспышке...

– Короче, связываться будем по e-mail'у. – она сунула ему в руку клочок бумаги. – Это мой адрес, только для тебя. Не посеи. И никому его не давай.

– Кому никому?

– Никому никому, понял?

– Jawol, seligstes Weib¹¹!

– Где-то я это уже слышала... – задумчиво заметила Нинлиль.

¹¹ Слушаюсь, благословеннейшая из женщин! (*герм.*)

37 [Жест вместо поступка]

Начал некромант творить эти ужаснейшие заклинания, призывая поименно великое множество этих самых демонов, начальников этих легионов, и приказывал им силой и властью Бога несотворенного, живого и вечного, на еврейском языке, а также немало на греческом и латинском; так что в короткий срок весь Кулизей наполнился в сто раз больше, нежели они то учинили в тот первый раз.

«Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции»

druidess@yahoo.com

Мне надоело. Осточертело. Знал бы ты, как!

avel@gmail.com

Что именно надоело-то?

druidess@yahoo.com

Убивать. Ты можешь вообще это понять? Ты полагаешь, это удовольствие? У тебя огромная сила, несоизмеримая с моей. Я имею в виду, как ты понимаешь, не только и не столько физическую силу! Ты мужчина, в конце концов. Почему всегда я? Почему ты должен непременно устранился? Почему я должна всегда помогать тебе выпутываться из всех сетей, вылезать из всех засад – а ты даже пошакалить немного не желаешь? Почему так? Почему я всегда защищаю тебя, а не наоборот? Ты трус, вот ты кто!

avel@gmail.com

Да чёрт меня возьми...

druidess@yahoo.com

И что, взял? Вот так и всегда, жест вместо поступка. Заведомая безопасность. Почему-то большинство из вас таковы, спасатели своих задниц.

avel@gmail.com

«Вас»?

druidess@yahoo.com

Да, вас, евреев. Слабые мужчины, вот вы кто. Потому-то у вас и один бог. Надёжный господь для ненадёжных господ... Да и как кусать руку, которая тебя кормит?

avel@gmail.com

Так-так. Ладно – я тебе и не то прощу, чего там. А Господь, как мне кажется, один для всех, хотя с Ним скорее всего совсем не то, что мы тут себе представляем.

druidess@yahoo.com

Я не нуждаюсь в твоём прощении! Больше я не буду тебе писать. Вообще ничего. Понятно? Пусть все парфянские катафрактории защитят тебя. Хотя и это едва ли поможет. Трус опасен в своей непредсказуемости.

avel@gmail.com

Ага, то ли дело вы, друидессы... Ну, а как же Выбор с большой буквы?

druidess@yahoo.com

Are you really stupid?! I'm just kidding, silly!.. я же прикалывалась!!!

avel@gmail.com

А-а. Так предупреждать надо, my lady... я уж тебе сказывал...

Адам выключил лэптоп и откинулся на спинку кресла.

Зачем бессмертие? Для чего оно? Причем, если всерьез, ответ вполне может быть этическим, а не теоретическим. То есть одно дело рассуждать по поводу желания жить, другое дело – испытывать это желание. Если кто желает жить, причем вечно, он вроде бы должен неустанно делать зарядку, не курить, не пить, не жевать, не глотать и не колотиться, вообще никакими излишествами не заниматься, а хранить себя и беречь. Если кто хочет жить дольше отпущенного природой – зачем? Чтобы больше и больше удовольствий? Чтобы видеть новое? А потом ещё новое новое? И ещё? Потому что – страшно, чтоб не было?

Ладно. Есть возможность мысленно проверить. Допустим, убрали страх смерти, гарантировали отсутствие мучений. Если нет страха – зачем жить вечно?

«Не будем ограничивать решение такими узкими условиями, – бубнил в голове его вечный корифей хора, – старостью там, немощью. Пожалуйста, вот тебе бессмертное тело – и всегда в прекрасном состоянии, возраст можно выбрать. Скажем, тридцать лет и три года. Я бы полагал, что это нескончаемый ужас – сколь же приятно будет убедиться, что большинство людей склоняется в пользу этого варианта...».

Нескончаемый ужас? жить вечно или хотя бы очень долго в молодом и здоровом теле?! В чём же он, ужас-то?

«Все вы игнорируете, что бесконечная жизнь – это бесконечная возможность ошибаться. Никакого саморазвития там не останется, одни повторения злодеяний...»

Не так! Нет! Это было бы так только при условии, что мыслящее существо неспособно совершенствоваться и навсегда застывает в каком-то хаотическом душевном состоянии. Но даже на примере моей жизни я вижу отчётливо, что это не так – тем более это можно было бы увидеть на примере жизни действительно бесконечной. Человек способен понимать, что и почему он делал неправильно и корректировать своё поведение. Человек способен на очень многое, отнюдь не только на злодеяния. Человек даже способен понять, что злодеяния невыгодны ему самому.

Простой пример: в юности я обожал воровать разные мелочи и совершенно искренне не видел в том ничего плохого. Но однажды заметил, что моё действие

получает адекватный ответ: спёр какую-то вещь – утратил вещь примерно той же стоимости. Смешно? Конечно. Но я стал присматриваться и отмечать другие неминуемости. Нахамил – вскоре и мне нахамили; обидел – меня обидели; солгал – мне солгали; струсил – кто-то, на кого я очень рассчитывал, струсил тоже...

Вывод отсюда был весьма прост.

Надеюсь, никто не полагает, что я уникален в этом «открытии»?

Бесконечная жизнь – это бесконечная возможность совершенствоваться. В том числе учась на своих и чужих бесконечных ошибках.

«Да, именно о том и говорю, – голос откровенно смеялся. – Люди слишком хорошего о себе мнения. Разумеется, это я обо всех людях, а не о ком-то одном конкретно. И, конечно же, я совершенно не подвергаю сомнению факт, что кто-то один конкретно значительно изменился и стал лучше – раз так, то так. Причем не ради фигуры речи – ну, конечно, лучше. Радости полные штаны. Но не думаю, что человек бесконечно изменчив. Там функция с затуханием...».

Ну вот вернёмся к этому диспуту через хотя бы лет двести, даст Бог и все боги, и обсудим, так ли это, или всё же мой сдержанный оптимизм точнее отражает реальность, чем мой же нездоровый скепсис. Мне думается, что не такая простая эта функция, а скорее уж многомерная... Да и почему, собственно, затухание? Что может помешать ему меняться? Допустим, память в достаточном количестве есть, скорость обработки информации тоже не страдает.

«Потому что дело тут не в памяти и не в скорости обработки. Разве ж не ясно?».

Неясно. Неясно.

На самом-то деле, человек способен на всё, во что он поверил. Поэтому человек, поверивший, что он будет жить вечно или хотя бы очень долго... скажем, несколько тысяч лет... мог бы в самом деле жить вечно или несколько тысяч лет.

«Да. Но не так всё просто. Мало жить долго – надо ещё быть всё это время молодым и здоровым, а не дряхлеть и впадать в маразм, как струльдбругги. Значит, надо верить и в это – а это уже куда труднее.

Но, предположим, удалось и это – трудности только начинаются!

Мало кто захочет пережить своих детей. Значит, надо, чтобы в то же самое поверили и они – а это уже куда труднее, ведь ты не можешь верить за них!

Но, допустим даже, удалось и это – проблема всё равно не решена.

Всё вокруг построено на короткоживучести человека. Если вдруг появятся люди, живущие тысячи лет, и при этом молодые и здоровые, дееспособные и энергичные, это будет катастрофой для многих и многих человеческих учреждений. Страшновато даже предположить, к чему это приведёт – особенно столкновение их с обычными людьми...».

Значит, надо, чтобы все... а это...

«Тяжело?»

Да, конечно, мне тяжело. Но, Бог мой и все боги, мыслимые и немыслимые, древние и новые, разве мне тяжело по-настоящему? Разве так тяжело тому, кто сейчас сражается? тому, кого в следующий момент должны проткнуть насквозь довольно-таки тупым куском железа, который когда-то был гордым сверкающим лезвием из маргианской стали – возможно, даже с фианитовым покрытием – и мог рассекать камень и медь, не говоря уж о плоти и кости, а теперь ржаво-чёрен от

крови, воздух и земля возобладали над ним, и только тупая боль измученного тела, которое с опережением в несколько секунд не может ни жить ни мерть и тупо орёт, пытаюсь вырваться в то или это, доказывает остаток его силы? Разве так тяжело тому, кто не может дать кусок хлеба своему ребёнку, потому что ребёнок давно покинул его и обитает в океане грязи... что лезет в голову, что? Мне тяжело? Мне? Тяжело?! Да как ты смеешь? яд и трезвость пропитали мои поры, не могу я больше пить этот бесконечный кофе с метадоном, и есть я тоже не могу уже седьмой день, автотелеграмма ты моя, телеписьмо стоеросовое... тяжело ему, видите ли!

Путаница солнечных пятен на полу переместилась на несколько миллиметров. Отравлен хлеб, и бекон сочится кровью; не пей вина, Зиглинда, не слушай ни Вагнера, ни Гёльдерлина, чьё имя с таким трудом вспоминается; отравлен хлеб, его корочка поджарая почти сожжена, мышьяк сжёг её; Гештинанна – это я, зомби комфорта; если у вас есть глаза, из этого ещё не следует то, что вы ими ищете; ждите ответа, вызванный стреляет первым, я дрался с ним трижды: на эспадронах, бумерангах и ортокарбоксилазе, во втором случае оружие дважды возвращалось с головой противника, но тот вставал из непрухи, как две лернейских гидры вместе взятых, и только в третий... хоть бы в этот раз устоял... клинок, затупленный много эонов тому...

– Данн хат зи мих гефунден... – буркнул Мунд без малейшего сочувствия.

Дверь распахнулась, ударившись о стену, и вошёл О'Хэра. Без головы и без руки, как показалось Адаму в первый момент. Но нет, голова была на месте. Руки, правда, действительно не было.

Хмуρο скользнул по ним взглядом, дёрнул дверцу стенного шкафа, вытащил оттуда протез. Кривясь, приладил. И тогда уже встал, пятки вместе, носки врозь, руки, живая и протезированная, по швам, голову рывком склонил перед Мундом:

– Легат!..

– Magister equitum! – в том же тоне отвечивал Мунд, привстав.

Их протезы встретились со звяканьем – и смехом хозяев.

– Ну что? – спросил бывший капитан и бывший труп. – Выпить не хотите, Junior? Шучу, шучу. А как насчёт задолженности нашей?

Адам подавил желание обматерить его по-арамейски и негромко включился, как будто и не молчал:

– На этот раз мне снились один за другим три сна, как бы и не связанные между собой, только общим контрастом. Контрастом между цветом, радостным, сияющим, и ситуацией, мрачной по самые уши. В первом я вошёл в замок и поднимался по винтовой леснице на вершину башни, где, я знал - вернее, смутно догадывался - владелец замка собирался принести очередную жертву демонам. Человеческую жертву. Для этого он специально заманивал в свой замок подростков, увлекая их некоей парфянской эзотерикой.

Я шёл и знал, что освобожу жертву – девочку лет тринадцати – и, видимо, должен буду её заменить собой. Или убить хозяина замка и тем самым подтвердить легитимность жертвоприношений.

Второй сон был ещё нелепей – я участвовал в задержании террориста. Он лежал на полу, закованный в кандалы, а юный солдатик осторожно заклеивал липкой лентой почему-то не рот и не глаза его, а нос! Моё участие выражалось в

том, что террорист с какой-то стати меня боялся, хотя я не был вооружён в отличие от солдата, который побаивался скованного и безоружного террориста.

Третий сон – я путешествовал... то есть... – Адам вдруг поперхнулся. – Нет, не помню. Только что помнил – и вдруг белое пятно. Странно. И такое всё чаще.

Ну ладно, а зато вот четвёртый сон. Очень короткий. Старина Фрейд рыдал бы от счастья. Мне снилось, что я стою на балконе и вбиваю в какую-то дощечку гвоздь изрядных размеров, да не обычный, а как-то очень сложно, зизгагообразно изогнутый, так что вообще непонятно, как можно его куда-то забить. Тем не менее я его забил – и тут увидел, что забил-то не в доску, а в свой собственный пенис, пардон! Причём ни боли, ни какого-то хотя бы неудобства не испытываю...

– Ампалланг! – встрепенулся Мунд.

– Вспомнили юность, легат? – съехидничал безглавец.

38 [Взирающий с высоты]

Я мог достичь её в четыре прыжка... если она позволит мне их сделать. Травяные стебли могут оплестись вокруг моих ступней, невидимый камешек – распороть мне пятку, какая-нибудь скрытая до поры яма – запросто переломить угодившую туда ногу. Но я не собирался уходить, не стоило тогда полдня красться по этому лугу, припадая к земле, прячась за каждую кочку. Мне нужна была напая, как нужны были все наяды, дриады, лимнады, что жили окрест.

Е.Филенко, «Дочь морского бога»

Лёжа в наполненной тёмной жидкостью ванне, Алиса цитировала себе под нос:

– ...Если упорствует, его запирают, чтобы наказать его; а если не поможет, связывают узами. Однако побои и узы применяются не для того, чтобы его убить; не побьют его плетью, не отсекут ему членов, как наказали бы раба, если бы он провинился. И вот, так поступает с вами и Судия, взирающий с высоты...

Кровь медленно остывала. Всё-таки клоны суть клоны.

Алиса лениво протянула руку и, не глядя, взяла с подносика бутерброд: ломоть лосиного окорока на куске пекорино, и всё это обильно смазано маковой пылью и чесночно-креветочной пастой, а сверху воткнут флажок никогда не существовавшего государства – чёрный кентавр на жёлтом фоне с пучком синих и белых молний в руках.

Маленький экран, внешне выглядевший как мыльница, засветился платиновым светом.

– Ты звала меня, красна девица? – нежно пропел с него молодой (на первый и даже на второй, но не на третий взгляд) резколицый круглоголовый человек. – Да не спеши прикрываться, сквозь эту непрозрачную жидкость я всё равно практически не вижу твоих юных прелестей!

– Кому ты нужен, звать тебя! – буркнула и не думавшая как-либо прикрываться Алиса, удержав анти-сэндвич у раскрытого рта.

– Вот как? Ну, тогда ты нужна мне, моему верному Белому Рыцарю. Дошло до меня, обожаемая, что ты вышла на самого Наводящего морок.

– А больше до тебя ничего не дошло? – окрысилась купальщица и демонстративно набила рот едой.

– Почему же, дошло. Мальчик, например. Куда ты его спрятала, моя радость? И вот что: не веди себя, пожалуйста, так, как будто это я твой неоплатный должник, а не наоборот, лады? Конечно, молодой симпатичной девушке, да ещё и с таким ведьминским профилем, воистину многое дозволено – но тем не менее, как ни неприятно мне об этом тебе напоминать, ты у меня в долгу. И долг, между прочим, всё растёт.

Алиса стала нарочито громко жевать, перейдя из лежачего положения в сидячее, что собеседник не преминул отметить:

– А вот что пирсинг этот дебильный из сосков убрала – молодец! Я всегда знал, что ты рано или поздно повзрослеешь. Так вот, о Мальчике... ты вообще понимаешь, что с тобой сделает Мунд, если узнает, что ты его упустила?

– Примерно то же, что с тобой сделает твоё начальство, если узнает то же самое! – выпалила Алиса, проглотив кусок.

– Умница. Стало быть, сечёшь, что у нас с тобой общие интересы, хотя и разные цели. В таком случае, хватит foreplay – переходим к самому волнующему: где он сейчас? И не заставляй тянуть тебя за язычок, если не хочешь, чтобы тебя за него потянули в буквальном смысле! Где он?!

– Не знаю!

– Да... кажется, ты не врёшь. Тогда опиши, как вы пересеклись и как ты его потеряла, не упуская мельчайших деталей.

Алиса старательно описала всё, что смогла вспомнить, но резколицый не удовлетворился:

– Ещё раз. И подробнее.

– Куда ещё подробнее?! – взвилась было Алиса, но под взглядом собеседника осеклась. – Ну... накрыла я его... овчиной...

– Ага! Что ж ты раньше молчала, святая невинность? теперь понятнее. Ты бы ещё... впрочем, неважно. Спасибо, бэби. Теперь так: встретимся завтра, где обычно. Оденься в чёрное, облегающее и мягкое.

Алиса вскочила, разбрызгивая остывшую тёмную жидкость:

– Ты возьмёшь меня?!

– А ты немножко лишнего веса набрала, малышка! – оценил её юное тело насмешник. – Да не булькай, пока ещё не страшно! Но от пирожных откажись, начиная с сегодняшнего дня. И вообще следи за питанием. Иначе могу и передумать. У нас пышечки не приветствуются. Это тебе не борьба сумо! Схвачено?

– Договор... – привычно пробормотала Алиса, и весёлый собеседник, послав ей воздушный поцелуй, отключился. Погасшему экранчику Алиса своевольно показала язык, после чего он тотчас включился вновь:

– А вот это ты зря, крошечка-хаврошечка! Мне-то, как ты, возможно, догадываешься, до большой зелёной лампочки и твой подростковый слэнг, и твои нежные гримаски, и твои грациозные движения – показывай хоть язычок, хоть не менее розовую попку. Но ты, привыкнув к этакому поведению, можешь примерно так же выступить и в обществе тех, кого мы называть пока не будем, дабы не привлечь их внимания. Так что пусть эта самостоятельность будет в самый-самый распоследний раз. Понятно?

Алиса кивнула.

– Не слышу ответа.

– Понятно...

– Не слышу полного ответа!

– Понятно, гражданин Летописец!

– То-то, деточка. Чмоки-чмоки!

39 [Мы всё ещё в школе]

В тьме преисподних дыр бога теснит судьба.
Жертвой держится мир. Жуйте же плоть гриба.
Гляньте: я гол, как червь. Смыт с меня прежний лик.
Ныне я кол и вервь, бог-страшилище, Игг.

Ю. Стефанов, «Конь-осьминог»

Мунд мрачно глянул на смеющихся собеседников и срифмовал:

– Ваш Яхве-Ваал меня уж достал!

– Ну, уж не говоря о довольно-таки произвольном отождествлении Яхве и Ваала (разве Вы не обратили внимание: абсолютно во всех апокрифах описывается яростная борьба сторонников того и другого?), – Адам рассеянно вертел в руках пустое блюдце, – не кажется ли Вам, что такого рода выстёбывания никуда не ведут? Истину в последней инстанции не знает никто из людей, и самое правильное – стараться никого не оскорблять: ни митраистов, ни манихеев, ни мандеев, ни ишмаэлитов, ни амиабуддистов, ни саббатинцев, ни неоязычников, ни панкорфистов. Мы все всё ещё в школе и пребудем там ещё очень долго.

– Мы всё ещё в школе? – живо переспросила Нинлиль. – Странная, однако, такая школа – с пыточными камерами и всякими интересными штучками для умерщвления. Причем лишают жизни не только за курение в туалете и прочие провинности, но и просто по жребия. И даже круглых отличников. А выпускников убивают в любом случае; это так и называется – Праздник Последнего Звонка. Продолжая аналогию, а что, если мандеи – те самые школьные диссиденты (маленькая группа – буквально из трех человек), которые догадались: и со школой что-то не так, и с директором что-то не так? На парадных портретах – ударник педагогического труда, а на самиздатовских карикатурах – людоед. Исходя из твоей же логики («истину в последней инстанции не знает никто из людей»), нельзя исключить, что правы эти трое фрондеров. Но в этом случае – флаг им в руки: в борьбе против преступной администрации все средства хороши, даже те, что не по вкусу школьному большинству. Какая уж тут к гоблинам драным политкорректность!..

Адам несколько минут разглядывал её, прежде чем ответить. Обычно он видел её во всём чёрном, реже – во всём белом; но в этот день с утра она была в тёмно-синих джинсах и тёмно-красном свитере. Тем не менее в данный момент она каким-то образом оказалась в длинном платье аквамаринового цвета с золотисто-переливающимися спиралевидными знаками и вырезами на самых неожиданных местах – например, на левом колене. Ожерелье из камешков того же цвета и такие же браслеты. И опять – очень-очень короткая стрижка.

– В дзен-буддистских школах, равно как и в саббатинских хедерах в былые времена, учитель непременно бил ученика палкой, нередко и до смерти, и родители ученика не видели в этом ничего неправильного, – спокойно отпарировал он. – Лично я в детстве чёрта с два стал бы вообще хоть чему-то учиться, если бы меня не принуждали, причём довольно жёстко, в том числе и побоями. Зато теперь моя голова хоть как-то отличает правое от левого, а книгу от гамбургера. Так что школа как школа, могло быть и хуже – например, если бы вообще в школу не приняли, а оставили в виде камня на дороге или червя под землёй. Да, лишают жизни как

круглых отличников, так и двоечников, причём отличников, как правило, куда более изощрёнными способами. Нерадостно, что и говорить. Однако есть и такое мнение, что то, что гусеница называет концом света, учитель называет бабочкой. То есть убийство на самом деле – всего лишь очередная инициация, перевод в следующий класс, которых вообще-то бесконечное число. Так ли это, мы пока точно не знаем, есть доводы за и доводы против, и все они друг друга стоят, потому что это доводы учеников, а не учителя. Да и школьных диссидентов не такая уж маленькая группа, явно побольше трёх человек, а порой их вообще становится большинство; впрочем, это и не имеет особого значения, тут не голосованием дело решается. Несомненно, нельзя исключить, что они правы, – как нельзя исключить и обратное; скорее же всего правы и те, и другие, смотря откуда смотреть. Да, вполне возможно, что со школой что-то очень не так, но – если отличник педагогического труда на самом деле людоед, то ему как раз того и надо, чтобы с ним боролись, да притом как можно яростнее, ибо он хорошо знает, что самые яростные своей яростью себя готовят в пищу ему ещё при жизни, а сама их ярость – его любимый аромат над ходячей кастрюлькой. Если же он всё-таки не людоед, а такой вот себе педагог, с точки зрения одних вполне компетентный для учеников на данном уровне развития, с точки зрения других – сам толком не помнящий, о чём учит, но делающий вид, что всё путём, то и тут борьба с ним есть занятие несколько глупое, потому что другой школы пока что не построено. Если и стоит бороться (хотя лучше бы учиться, всё-таки довольно интересно – да, совершенно необязательно по учебникам официальной программы, можно и по самиздату, кому что понятнее; в конце концов всё равно оказывается, что написано и там, и там примерно то же самое, а резкие на первый взгляд расхождения совсем не таковы, если немного над ними поразмыслить), то с теми не в меру ретивыми ученичками, которые вместо учёбы орут друг на друга: «Наш класс выпускной!» – «Нет, наш!!» – «Нет, наш!!!» – «А ваш классный руководитель пьяница!!» – «А ваш!..» – «А ваш!..».

Нинлиль покосилась на Мунда не без гордости, но Адаму ответила дипломатично:

– Что ж, прозрачно и ясно, но по существу у меня чемодан возражений, только не хочется застревать на мелочах. При случае взбунтуюсь по-крупному.

– Да возражений может быть и вагон, не то что чемодан; я и не претендую на истину в последней инстанции, всего лишь пытаюсь описать ситуацию так, как она мне видится. Все наши бесчисленные описания, если их терпеливо складывать, могут дать небольшую часть предположительно истинной картины. А могут и не дать, увы. Продолжая аналогию (хромающую, как все аналогии): бесконечно пишем шпаргалки, а потом не можем найти нужную, потому что её вообще-то пока и нет.

– Гордыня, гордыня, – окончательно загрустил Мунд. – *Итак, смотри: сколь велика земля ассирийцев, она может носить царей, принимать правителей, полководцев, кесарей, вождей, которые есть в ней, не дрогнула и не расступилась при их приходе, а при мне сотряслась, когда я пришёл, и затеяла со мной битвы многие. Поэтому я оставил ассирийцев, пошёл в землю мидян и парфян, играл там на арфе мудрости и высказывал истину живую, сущую у меня. Вся земля мидян и*

парфян дрогнула, поколебалась и не смогла принять надежду жизни, которую я возгласил.

Вот, смотри: сколь велика земля мидян и парфян; много городов в ней, она смогла принять царей и вождей, которые есть в ней, но не смогла принять силу моей истины, дрогнула и поколебалась всевозможным образом.

Неужели не понимаете, майн херр? В манихействе Бог показывает, что Ему действительно не всё равно! Настолько не всё равно, настолько желает Он соединиться с нами, отдать нам навечно всего Себя, что воплощается и идёт на шреклись тодт. Здесь Ему нельзя предъявить претензию: «Тебе хорошо, Ты же не знаешь ужаса жизни, Ты не знаешь, что такое – потерять ребёнка и тому подобное!». А раз Он на это идёт, то, значит, Его замысел о мире действительно настолько потрясающий, что стоит того, и слава, которая откроется в нас, стоит наших нынешних временных страданий. О, йа!

– Простите, но почему, собственно, нельзя? и почему – навечно? – Адам с удовольствием положил себе ещё грибов в меду. – Бог воплощается в человека на определённое время данной миссии, после чего возвращается на недостижимый уровень. И Он знает об этом заранее, не правда ли? Тогда претензии – ничуть не меньшие, если не большие. Например, так: вот, Ты испытал на себе человеческие муки – и продолжаешь допускать их для нас тем не менее?! да как же это возможно? и это – любовь?! это – милосердие?!!

– Интересный ход, – хмыкнул Летописец. – Такое мне ещё не попадалось.

– Не на время! Воплощается навсегда! – загорячился Мунд. – Он, Иисус-Сияние, пресветлый Манда д'Хайе, и сейчас – Человек. А в Конце времён Он вернётся на землю, уже преображённую, и останется тут навсегда. А насчёт «допускать» – это слишком сложный вопрос. Но на общую мысль как раз отвечено давно: Он ведёт мир к преображению, воскресению мертвых, к искоренению зла и страдания, когда Он утрёт всякую слезу и станет всё во всём. *«А вы будете веселиться и радоваться вовеки о том, что Я творю: ибо вот, Я творю Иерусалим весельем и народ его радостью...»*. Но тут встаёт вопрос о серьёзности Его намерений и не являемся ли мы подопытными кроликами для Него. И вот на это же и отвечает Воплощение: не являемся, потому что Он сам входит внутрь реализации этого плана и испытывает на себе всю тяжесть пути.

– Если Он и сейчас человек, то Он не может быть Богом; более того, если Он и сейчас человек, то Он не мог воскреснуть (разумеется, йог высокого класса мне бы многое на это возразил, но пока не будем отвлекаться), – улыбнулся Адам (грибы таяли во рту, и с ними постепенно таяли все окружающие звуки...). – Похоже, что Он как минимум не совсем человек, а следовательно, и критерии данного опыта должны быть другие. Бог может стать человеком, потому что для него нет ограничений, но Бог, ставший человеком, всё равно остаётся Богом. Для полноты воплощения в человека Он должен был бы забыть о том, что Он был Богом. Вот тогда – и только тогда! – можно будет сказать, что Он в самом деле испытал на себе эту муку и эту тяжесть!.. А этот давний ответ на общую мысль меня, к сожалению, никак не устраивает. Хотя бы потому, что и в саббатизме, и в зороастризме, и в манихействе, и в западном митраизме, и даже в панкорфизме мир ведётся сложной дорогой к преображению, искоренению зла и так далее, и тому подобное, всё с той же перспективой утирания слёз и прочего, а как же... А

вот стоит ли оно того, такой-то ценой? А нельзя ли хотя бы не мучить детей, например (взрослые – ладно, а дети за что?)? И ведь это ещё только самый простой вопрос...

– По-вашему, это Он их мучает, доннерн унд блиitze?!

– Хороший вопрос. Давайте подумаем. Мне кажется, что коль скоро ни один волос не слетит с головы человека без воли Его, то и все мучения имеют причину в Нём же. Когда Он позволил Сатанаилу обрушить дом Иова на его детей, – и, заметьте, не воскресил невинных после окончания испытания! – то кто сделал сие, Сатанаил или Он? Меч или Рука?

– Или Вы о том, что Господь дал людям власть и возможность такого влияния друг на друга, что благодаря им мы стали способны на причинение немыслимых зол одними людьми другим? – явно не слушая, обращаясь скорее к самому себе, спросил Мунд. – Или Вы имеете в виду его Тёмного Двойника, Ешу-Ромея?

– И так тоже можно сказать – то есть, видите, причина опять-таки в Нём. Именно Он есть Первоисточник всего, добра и зла; другое дело, что зло – всего лишь низшая степень добра согласно представлениям саббатизма.

– Я думаю, что это мы, люди, просто жутко исказили изначальное предназначение этих возможностей, а они по мысли Бога могли бы – и будут когда-то! – служить для выражения столь же потрясающей дас либе!!

– И опять совершенно с Вами согласен. Но ведь это означает, что Он знал заранее о будущем искажении; следовательно, и о немыслимых страданиях, предстоящих Его созданиям. Например, об опытах над детьми в концлагерях; о детях, болеющих страшными болезнями; о... а подставьте-ка сами, что Вам страшнее всего. И не вмешался, не предотвратил? почему? и почему мы берёмся судить, что так-де и надо? что так нас ведут, совершенствуя?! хорошо, если да – а что, если нет? что мы можем знать о Его путях?!

– Адвокат дьявола... – буркнул Мунд. – Вы же опровергаете то, с чего начали, штурм унд драг!

– Конечно! Противоречу себе – стало быть, мысля! – рассмеялся Адам, и Летописец присоединился к его смеху:

– А мне кажется, легат, что так думать даже достойнее. Легко быть уверенным в конечном результате, подставив в задачу ответ из учебника; труднее пытаться решать задачу, зная о её принципиальной нерешаемости.

– И – нет: из того, что Экспериментатор пробует эксперимент и на себе, никак не следует, что это не эксперимент в принципе, скорее наоборот, – снова вмешалась Нинлиль. – Да, испытывает тяжесть пути (кстати, а всю ли ещё? как насчёт мучительной смерти от лучевой болезни, что явно страшнее крестных мук? впрочем, оставим футурологию – как насчёт страшной смерти Орфея? висеть на кресте, время от времени впадая в забытие, всё же не так ужасно, как быть заживо разорванным на куски толпой обезумевших тёток...) – но не прекращает этот путь. Мы по-прежнему подопытные.

– Ну вот что, хундерт драйсиг гедихтэ... – Мунд встал и налил себе очередную порцию зелёного шнапса. – Сравнивать различные страдания я не буду, цум тойфель! А уж это: «... тогда и только тогда можно будет сказать, что Он в самом деле испытал на себе эту муку и эту тяжесть...» – таких пожеланий Богу,

как бы Ему стоило действовать, было высказано уже миллион. На ум сразу приходит бедняга Ницше: *«...взять на себя не наказание, а вину – вот это было бы божественно!»*. Но Господь не концерт по заявкам устраивает, а делает то, что необходимо для спасения мира. Тем более, я уверен, раз взявшись давать Ему указания, мы никогда уже не успокоимся, будем раз за разом находить у Него неточности. И вообще, я различаю «Бога философов» и Бога Авраама, Который есть Бог Живой. И говорить о том, что Он может или не может, что Ему надо и что из того для Него будет следовать, мы можем только о «Богѣ философов», но Он к моей вере не имеет отношения. В центре моей веры – Господь, Великий и Славный, Иисус-Сияние, Чьи пути – не мои пути, и Чьи мысли – не мои мысли. Я не могу о Нём судить «философски», но только чуть-чуть могу нравственно и по-человечески (потому что Он Сам позволяет так делать). На рассуждения типа *«Он как минимум не совсем человек», «если Он и сейчас человек, то Он не мог воскреснуть»* и *«Он должен был бы забыть о том, что Он был Богом»* я ничего не могу сказать, потому что знаю – у Него всё равно всё совершенно не так, как нам кажется, и наши жалкие умствования только удалят нас от Него... ну, или в лучшем случае будут нейтральны – если мы не станем придавать им слишком много значения. Но одно всё ж скажу: человек как чаша, он предназначен быть наполненным Богом, и такое состояние человека, находящегося в постоянной связи с Богом – это как раз и есть настоящая человечность, а не «не совсем человек». Но что и как именно помнил о Своей Божественности Иисус-Сияние – я даже и представлять не берусь. А философский разговор развивать не буду. Я не делаю это с тех пор, как узнал доказательство теоремы, согласно которой для некоторых случаев числовых рядов сумма от перестановки слагаемых не просто меняется, но даже нужной перестановкой можно получить вообще любой наперѣд заданный результат! Этот факт замечательно иллюстрирует все наши философские построения о Боге, полученные на основе конечного опыта и применяемые к бесконечному: выстроив нужную цепочку рассуждений, можно также получить любой результат! Аллес!!

– Прекрасная речь! Браво, браво! Что ж, Вы имеете полное право не сравнивать и вообще не отвечать мне, поскольку с Вашей точки зрения я кощунствую... но, может быть, кто-то должен кощунствовать, чтобы другие на его фоне ощутили свою праведность? Однако давайте вспомним, с чего мы начали – это было предложение именно сравнить: что такого есть в манихействе, чего бы не было в митраизме и в других верах? И Вы уверенно ответили: в манихействе Богу нельзя предъявить претензии (видимо, подразумевая, что в митраизме или в саббатизме можно?). И я Вам на это возразил, как умел, но Вы все мои возражения отвергаете как недопустимые. Между тем, спорить, даже на грани оскорблений, можно и нужно, как умел, кстати, спорить и сам Иисус-Сияние – если, конечно, верить апокрифам. А сравнивая религии, неминуемо сравнивать и страдания. Свои голгофы есть у всех. Ладно, оставим уж в стороне Орфея и вспомним казнь рабби Акивы, с которого ромеи сдирали кожу раскалёнными щипцами, а праведник в это время молился и успокаивал рыдающих учеников и негодующих ангелов. Думаю, в сравнении с этим распятие – далеко не самое страшное, и Экспериментатор явно не всё испытал из того, что выпало подопытным, так что определённые претензии всё же возможны, нет? Да,

совершенно верно, претензий уже было высказано немало. Но тем не менее всё ещё есть, что высказать – а иначе и спор бы наш не возник. Как учил рабби Нахман из Брацлава, надо разговаривать с Богом, как с самым близким другом – а такому другу МОЖНО И НУЖНО порой претензии высказать, на то он и близкий друг.

Если под «Богом философов» Вы имеете в виду аспект Эйн-Соф, то и в самом деле – служение этому Богу является тяжелым и вредным заблуждением, поскольку Истинный Бог – это сфера Тиферет... по крайней мере, так считают саббатяны. И, да, несомненно, у Него всё не так, как нам кажется, и наши жалкие умствования... короче, готов подписаться под каждым словом. Но тогда давайте уж будем последовательны и признаем, что и Ваше заявление: в манихействе нельзя предъявить претензии – тоже всего лишь умствование. Откуда мы знаем – да, может, именно этого Он от нас требует! да, предъявления претензий! да, активности в соучастии, а не только рабского выполнения от сих до сих!.. А уж рассуждать о Боге, опираясь на математику, – это ли не умствование? хотя сам по себе пример великолепен и работает как раз на мою точку зрения... Так вот, для меня всегда было и остаётся непонятным (и я считаю, что имею право на этот вопрос в рамках данной дискуссии), почему, говоря, что Бог принимает жалкую жизнь и смерть человека, мы оставляем за скобками то, что Бог, помнящий о своей божественности, ЗНАЕТ, что неминуемо воскреснет. А если так, то всё это – по крайней мере отчасти – как бы понарошку. Как в детской игре: ты убит! замри – умри – воскресни!.. А люди умирают без воскресения. Кому тяжелее? страшнее? горше? Не знаю. Тут действительно много неизвестных, и Вы опять-таки правы – даже и представлять не стоит браться. Но не стоит браться представлять и Ваш вариант – он тоже под вопросом, как и мой.

«Человек как чаша», «постоянная связь с Богом» – это прекрасно, говорю без иронии. Но почему Вы считаете, что этого нет в других религиях?

– I am being sausaged, – пробормотала Нинлиль, рассеянно отщипывая и отправляя в рот кусочки своего рукава.

– Wus?

– Меня колбасит. Ты, кажется, пошёл на третий круг.

– А что делать, если по-первому не доходит? – и Адам снова повернулся к Мунду. – Я всё время возвращаю Вас к началу разговора. На мои вопросы я пока не получил ответа. Вообще-то мои претензии не только и не столько к Нему, сколько к людям. В частности, к Вам – но и к себе самому, разумеется. Мы все так или иначе берёмся судить о том, о чём судить невозможно (разве что метафорами и фигурами умолчания); в том числе, сравнивая религии – хотя почему бы не сказать просто: для того и даны разные веры, чтобы люди славили Бога на разные голоса?

– Нравственно же мне совершенно нечего Ему поставить в укор! – не слушая уже совершенно, выкрикнул Мунд. – Я на Его месте вообще бы уничтожил отвернувшееся от меня творение и создал бы новое, послушное. Вир фаллен унтер зайт унзерем гебурт! Но Он не отступает от нас, валандается с нами, с каждым! Ищёт пути спасения и разделяет нашу жалкую жизнь и смерть, хотя совершенно не обязан был это делать. А мы Ему ещё претензии предъявляем: что, мол, Ты попускаешь страдания детей?! – хотя сами же их мучаем. Иисус, Которого я вижу, не похож на Вселенского Садиста. Наоборот, Он – Добрый Пастырь, который со мной до конца. Он – Драгоценная Жемчужина, в Нём я вижу реальное явление

величия Божьего замысла о мире и человеке, воплощённое удостоверение в победе Бога над злом и смертью – то есть над тем, из-за чего всё Творение страдает и мучается... они ещё не уничтожены, но уже повержены!..

– Простите, но это тоже умствование! Вы даже берётесь судить, что бы Вы делали на Его месте – я вот на такое не махаюсь! А что, если давно сбылось по Вашему слову? если Творец именно отвернулся от неудачного Творения (согласно Каббале, такое уже было не раз) и начал новое в другом пространстве и времени? И даже уничтожать уродца не стал – само вымрет. Это многое объясняло бы. Но и это – всего-то умствование.

– В некотором смысле мы действительно эксперимент, – неожиданно успокоившись, согласился Мунд. – Но Такой Экспериментатор, Который явлен нам в Иисусе – настоящее благословение для «подопытных», особенно таких ретивых, как мы. Экспериментатор, Который по Своей свободной воле навсегда соединяет Свою жизнь с жизнью «эксперимента» – настолько он для Него важен! Экспериментатор, Который ничем не ограничен, но Сам Себя ограничивает – чтобы дать пространство свободе эксперимента. У Него не может не получиться! И то, что получится, гарантированно будет самым лучшим с точки зрения эксперимента, потому что Он только для этого его и устраивал. Смотря на Него, на Его участие в жизни этого мира и каждого человека, на Его собственный путь на земле, я могу положить руку на сердце сказать: «Да, Господи, я верю: это стоит того. Я сейчас не вижу этого явственно своими глазами, но раз Ты, Иисус-Сияние, считаешь так, то я Тебе верю». Верю, что живя вечно в полноте жизни после воскресения, мы все вспомним наши страдания на земле и поймём, насколько Господь был прав, что попустил их, чтобы в итоге привести к славе, для которой мы и предназначены! Нихт вар, майнэ херрн?

– Рад, что по крайней мере в этом я Вас убедил – мы действительно эксперимент. И мы можем в лучшем случае предполагать о том, что, собственно, с нами делает Экспериментатор; и такое ли уж это благословение для нас или наоборот – судя по тому, что эксперимент, кажется, слегка идёт вразнос... впрочем, бывало и хуже. Или, как Вы, безоговорочно верить – и благо Вам. Итак, Вы верите, что Бог Авраама есть одновременно Иисус-Сияние, хотя сам Он о себе такого прямо не говорил...

– По-моему, манихеи верят, что Бог Авраама не имеет к Иисусу отношения, – заметил Летописец, – он и вообще не Истинный Бог-Свет, а лишь Демиург, и Иисус-Сияние затем и пришёл, чтобы прояснить эту путаницу.

– Вот-вот! – подхватил Адам. – А ишмаэлиты верят, что Иисус – великий пророк. А дзен-буддисты – что Он бодхисаттва. Саббатианцы... одни – что Он лжепророк; другие – что один из предтеч Мессии, каких немало; третьи – что это литературный герой; четвертые – что это малый пророк, на чью биографию наложился миф об Думузи-Таммузе-Адонисе-Дионисе (имя последнего означает Сын Божий). Катары верят, что Он архангел. Офиты – что Он и Змей суть одно. И так далее. Я же склонен думать, что всё это правда, всё вообще.

– Каким образом, майн готт?!!

– Да вот именно потому, что Его пути – не наши пути.

– Сдавайся, Зигмунд, – весело сказала Ниниль. – Сегодня ты не в форме. Мунд сверкнул на неё глазами и решительно отвернулся к бутылке.

40 [В действительности же]

зачем обнимать
если нельзя задушить

зачем целовать
если нельзя съесть

зачем брать
если нельзя взять навсегда
с собой
туда
в райский сад

В.Бурич

– ...В действительности же нет никакой принципиальной разницы между манихейством и западным митраизмом – потому-то так легко путаются и взаимозаменяются понятия, а гилики вроде Тима просто и естественно переходят от одного к другому – им без особой разницы, Манда д’Хайе или Митра-Хранитель, они фактически не различают их. И это не очень-то удивительно: мать Митры – богиня-девственница Анаит, родился он в пещере в день зимнего солнцестояния, ему пришли поклониться великие мобеды, у него было двенадцать учеников, он был похоронен в гробнице и вскоре воскрес, он обещал своим последователям жизнь вечную... и так далее, и тому подобное. Впрочем, для гиликов даже не столь существенны все эти переклички, дающие повод обеим традициям обвинять конкурентов в заимствовании и сатанинском передразнивании, – как то, что в Конце времён оба они – собственно, те же двойняшки Мифра-Варуна – будут взирать с колесницы на пылающий хаосмос грешников...

Адам отбросил очередной пласт земли и выпрямился хоть на минуту разогнуть спину.

– Ты слушаешь? – осведомилась Линда.

– Угу. И они – тоже, – кивком он указал на грубо сколоченный стол, за которым они недавно завтракали.

В перечнице, в солонке, в рукоятке ножа, где угодно – мог быть встроенный микрофон.

– Знаю, – отмахнулась она. – И плевать. Мне до такой степени надоело прятать свои мозги в чулок...

– А?

– Два. Потом объясню. Ты знай копай. Ещё десять тысяч ведер...

– Угу. И кожа нежная ея терпела тяжесть бытия! – Адам вонзил лезвие лопаты в более светлый слой.

– А это откуда? – осведомилась... снова Нинлиль, не Линда, потягиваясь всем своим осиным телом в гамаке и одновременно поудобнее перехватывая облегчённый вариант «Льюиса», который она ни на секунду не выпускала из рук, методично обводя стволом окружающие заросли.

– Импровиз, – буркнул Адам, и в тот же миг его лопата скрежетнула по чему-то долгому и тяжело залегающему.

– Глуго, – спокойно произнесла Линда и выпрямилась с «Льюисом» наизготовку. – Отложи лопату, сейчас же. Так, теперь возьми нож и кисточку. Шевелись, пожалуйста. Но торопись медленно.

Через двадцать четыре минуты и сорок три секунды – Линда зачем-то засекала время хронометром – находка была расчищена, и их надежды оправдались. Это был, без сомнений, он.

Совершенно не похожий ни на одно из описаний.

Никаких рунических знаков на лезвии.

Никакого секрета в эфесе; строго говоря, вообще никакого эфеса – лезвие и рукоять составляли единый кусок металла.

Никакого древнего наконечника, вделанного в середину клинка.

Видимо, всё это существовало лишь в бесчисленных легендах.

Тем не менее они оба откуда-то знали, что это именно он.

Меч, угрожавший изменить весь ход земной истории.

Как он это уже сделал однажды...

– Ну вот, – невесело сказал Адам, отбрасывая отросшие волосы со лба. – За что боролись, от того реально и погибнем. В натуре.

– Как ты считаешь, – задумчиво спросила Линда, – что безопаснее: бродить по Зачарованному Лесу вдвоём или в одиночестве?

– Смотря как смотреть, – по привычке он сходу включился в их старую игру. – С одной стороны, два человека скорее вляпаются в неприятность, чем один. С другой стороны, человек, бродящий по Зачарованному Лесу, рано или поздно всё равно вляпается в неприятность, так уж лучше, если рядом есть кто-то, кто сможет помочь в случае чего.

– Вот именно. По-моему, нам с тобой стоит начать снова доверять друг другу, – с этими словами Нинлиль перебрала ему пулемёт и, взявшись за откопанное сокровище, варварски выдрала его из раскопа, после чего начала осторожно обматывать вощёной бумагой, затем мешковиной.

– Ты что же, не собираешься сфотографировать его in situ? – ехидно спросил Адам.

– Пошёл, титулярный советник! – скомандовала Нинлиль.

– А поцеловать?

– Через час, не раньше. Когда – и если – нам удастся запутать следы.

– А нам удастся?

– Скорей всего, нет. Но мы сделаем, что можем. И если кто может лучше...

– ...то пусть живёт дольше!

И когда через час Адам попытался оглянуться на покинутый лагерь, она довольно весомо двинула его локтем под дых:

– Не смей!

И тотчас он ощутил лёгкое прикосновение её губ где-то около уха.

– О, так ты у нас к тому же и вампир?

– Нет ещё, – и на этот раз в улыбке участвовали её глаза.

– Впрочем... если тебе нужна моя кровь... – и он попытался церемонно поклониться, насколько позволял пулемёт.

– Не нужна. Но спасибо в любом случае.

– You're always welcome, my lady.

Она снова улыбнулась и ещё раз ткнула его локтем:
– Вперёд! И с песней!
И они дружно замурлыкали вполголоса:

Ты сказала: у вивторок
Поцилуешь разив сорок!
Я прыйшов – тэбэ нэма!
Пидманула, пидвэла!
Ты ж мэнэ пидманула, ты ж мэнэ пидвэла,
Ты ж мэнэ, молодого, з ума-розуму звэла!..

– Знаешь... мы порой ведём себя, как малолетки.
– Ага. И это уже не раз замечено. Don't click the face. And don't brake!
– O, ja, ja. Natürlich.

Через несколько часов (уже смеркалось) она скомандовала привал и ночлег. Разбили палатку, и тотчас, как по команде, хлынул дождь. Осталось лишь залезть в спальники.

Продолговатый свёрток был уложен между ними.

– Всё как полагается, – хмыкнул Адам.

– Ага. Вот только любовного напитка мы не пили.

– Пили, радость моя. Пили, пьём и будем пить. Даже не занюхивая.

– Ну вот, – в темноте почувствовалось, что Нинлиль поморщилась, – опять пришёл Вэл и всё опошлил. Может, мне теперь вспомнить, как я тебя в первый раз вытащила из *пролома*, а на мне тогда было моё любимое белое платье, и тебя на него так удачно вытошнило, что его после этого перформанса осталось только сжечь? Ещё был спор по этому поводу вокруг: насколько это похоже на иные голливудские фильмы...

– Да уж, что бы мы делали без голливудских фильмов. Последний бастион, можно сказать... Подумать только, вроде и не так уж много времени прошло, а я избавился от зависимости. Ни мелфиат, ни обетрол, ни альцион, ни даже *прах ангела*... только шоколад остался. Надо же. Не поверил бы ещё полгода назад...

Нинлиль тихонько засмеялась:

– Погоди, избавлю и от шоколада.

– Не надо!.. Впрочем, как скажешь. Но, знаешь... одна суровая зависимость всё же осталась. Будешь ещё не так смеяться – мне не хватает мерзавца О'Хэры.

– Во-первых, никакой он не мерзавец, а несчастный ревенант, его пожалуй впору...

– То-то ты ему руку и голову отрезала! Из жалости, а?

– Так! Во-вторых, про голову – это уж городской фольклор! Только руку! Точнее, кисть руки! Кстати – никакой он не *magister equitum*! Всего лишь *magister militum*!.. В-третьих, почём ты знаешь – может, ему это нравится?! А в-четвёртых...

– ...наша мама...

– Да перестань!.. если уж совсем серьёзно, пойми, наконец: он один из тех, кому можно отрезать голову и всё что угодно не менее четырёх раз без особого вреда для организма!..

– Чьего организма?
– Да ну тебя! Не прикидывайся дураком, погонщик кентавров. Скажи лучше, в чём выражается твоя зависимость?
– Меня тянет продолжать пересказывать ему сны. Смешно?
– Нет, ничуть. Так и должно быть. Он питался этим. Разбух, можно сказать. Как всплывший утопленник. А ты сейчас нуждаешься в ком-то, кого нужно кормить. Собственно, это и было так задумано. Можешь пока пересказывать мне.

Адам замешкался немного:

– Ладно, слушай. Мне снилось, что ко мне пришла странная девушка. В голубом платье, полупрозрачном таком... то есть не полупрозрачном, а... даже не знаю, как сказать, там было много разрезов, лент, фибул... нет, не объяснить... и венки на голове. Тоже голубой. Она была... дочерью фараона, понимаешь?

– Понимаю. Не отвлекайся.

– Я встретил её, специально одевшись подобно ей, тоже в голубую тунику и венки. Венки, правда, я не возложил на голову, а смущённо вертел в руках. Она грациозно прошла по моей комнате и села в специально подготовленное кресло. Я не знал, что ей сказать, и она заговорила первой... и тут влетел мой старший брат... в этом сне у меня был старший брат, и он имел на эту девушку какие-то смутные виды... и, увидев её, он выскочил из комнаты обратно, как ошпаренный, а я, ощущая страшную неловкость перед ней, крикнул ему: «Мог бы и поздороваться!». И тогда он рывкнул из коридора что-то насчёт того, что я посягаю на его права, что вон у нас и дверь закрыта...

Тут я выскочил в коридор вслед за ним и пониженным голосом, но чрезвычайно энергично стал ему втолковывать, как по-детски... чтобы не сказать по-идиотски!.. он себя ведёт... что она – дочь фараона, пусть и не от царицы, а от одной из наложниц, но тем не менее нас обоих могут казнить, причём мучительно, за один факт разговора с ней, за один только её приход в наш дом, а уж тем более за его грубость...

Не знаю, откуда я всё это взял – ведь ещё минуту назад у меня всего этого и в мыслях не было. Не знаю, проникся ли он, да и неважно. Но она... её лицо изменилось... – Адам замолчал на минуту.

Дождь усиливался; становилось всё яснее, что палатка недолго ещё будет защищать их от воды снизу и сверху.

– Знаешь... ты опять будешь смеяться, но я, кажется, счастлив.

– Знаю, – спокойно ответила Нинлиль. – Мне ли не знать. The pepper is clear.

– Wus?

– Ясен перец. И хорошо бы это продлилось хоть ещё немного. Ты ведь, надеюсь, понимаешь, что мы у них на ладони и что они не сжимают кулак только потому... а как по-твоему, почему?

– Вероятно, они сами не могут взять меч, и им нужно, чтобы мы куда-то его доставили, – предположил Адам.

– Молодец, фишку рубишь, как ты мне когда-то сказал в аналогичной ситуации. Можешь также не сомневаться, что они скорее всего видят нас сейчас и слышат каждое наше слово.

– И ты так спокойно об этом...

– Видишь ли, меня уже мало чем можно вывести из себя. Играть по их правилам – почему бы и нет? В открытую? Отлично. Пусть видят. Пусть слышат. Пусть обоняют. Пока что они нас пальцем не тронут. Пока. А что будет дальше – увидим. Можешь меня обнять, шоколожец. Вот так. Как было сказано не помню уж кем, через меч можно перекатиться, и он ничему не помешает... да отодвинь ты пулемёт, снайпер-теоретик!.. И если им это интересно – пусть наполнят глаза свои.

– ...очередная калька... – пробормотал Адам. – Как и всё, что у нас есть. I'm being platted.

– You have steamed me...

41[Да почему бы]

Ну, а если бы Авраам действительно принёс Исаака в жертву, разве это значило бы, что он поэтому оправдан в меньшей степени?

С.Кьеркегор, «Страх и трепет»

Летописец, как всегда, ехидно улыбался, играя ножом:

– Для традиции как таковой замаранные пелёнки не опасны (ибо «во всём нам подобен, кроме греха»), а вот на уровне личного пиэтизма кал Иисуса – соблазн огромный. Хорошо, что до него не додумались средневековые фабрикатеры святынь

– Вот чего я никак не могу понять, – заметил Адам, роясь по карманам в поисках своей «выкидухи», – почему из этого делается такая проблема? Одно и то же: «Как может Бог воплотиться в человека, который нуждается в поглощении пищи и выделении шлаков?!». Подумаешь, шарада Бомбаста! Да почему бы и нет? Если Создатель не имеет лимитов, то Ему, разумеется, доступно и это. Он может быть одновременно в человеке и вне его. Более того, Он может одновременно существовать и не существовать, так что атеисты тоже правы – в своих пределах, как прочие – в своих. Не так ли? Но, не могу не отметить, Вы перекликаетесь тут с одним моим любимым романом, в котором герой находит определение, как опознать вочеловечившееся божество: есть и пить бог может – например, для удовольствия, как своего, так и своих друзей и учеников, а вот посещать туалет он не станет, он организует свой метаболизм иначе.

– Ну, я думаю, соблазн тут оттого, – снисходительно ответил Летописец, пробуя остроту лезвия на ноге, – что человеку весьма легко представить себе живого бога, Аполлона или там Гермеса, такого идеального красавца на пять голов выше всех, каковой не ест, а вкушает, не ходит, а шествует, не говорит, а изрекает, и весь в сиянии, и вокруг млеющие красавицы, рождающие от него полубогов, и вопящие толпы, которые он одним прикосновением своего глютеус максимус исцеляет от всего на свете, этсетера, этсетера... это и понятно, и близко, и отвечает чаяниям масс, и очень по-язычески. А вот представить себе бога... Бога!.. некрасивым, малопрезентабельным человеком, фактически бомжом, у которого нет ни дома, ни семьи, а компания такая, что в приличный дом не пустят, и человек этот ест и пьёт, потеет, чихает и ходит в сортир, у него по утрам, извините, случается эрекция, он кричит, когда ему делают больно – а ему делают очень больно на протяжении очень долгого времени, и все его друзья разбегаются по щелям... тут нет красивого трагизма умирающего и воскресающего Аттиса или Адониса, а есть лишь кровь, пот, слёзы и тот самый пресловутый кал. Вот в такого бога поверить довольно трудно. А уж если даже и поверил, то очень тянет заслонить эту картину благостным зрелищем Всеблагого Всесильного Всепрекрасного Вседержителя. Просто потому, что во Вседержителя верить комфортнее. Если не Свет Пресветлый, то хотя бы Сияние. Павел это очень хорошо понимал, отсюда его постоянный мотив безумия креста. И именно от этого постаралась избавиться церковь, растворив реально страдающего Бога в массе второстепенных вещей. И с точки зрения теодицеи, как я думаю, имеет моральное право на существование только такой Бог.

Как бы ставя точку, он воткнул наваху в стол.

– Мммм... нет, извините, не могу согласиться решительно ни по одному пункту! – строптиво помотал головой Адам и бережно положил свой нож рядом. – Аполлон, знаете ли, не всегда был идеальным красавцем – боги, как и люди, растут, меняются и стареют, – он начинал в качестве демона-мыши, затем стал тотемом-волком, затем туповатым парубком-курсом, то есть таким же безусым юнцом, как и Иисус, ещё не Сияние, а Пастырь, или юный Митра. Орфей, ещё один предтеча Иисуса, тоже спускался в ад, дабы вывести оттуда свою любовь; и нет ничего красивого в его мерзкой мучительной смерти...

– И если уж выбирать, то, как по мне, предпочтительнее висеть на столбе с перекладиной, чем быть заживо раздираемым на части толпой вопящих женщин и до самого конца видеть это... – заметила Нинлиль. – Впрочем, я это уже говорила.

– Опять же Аттис и Адонис красиво умирают в искусстве, но в искусстве-то и Распятие красиво и трагично – а вот попробуйте представить себе, каково тому, чей живот пропорол кабан, как вываливаются бесконечные кишки... всё с тем же калом, между прочим! – продолжал Адам. – А красива ли и трагична ли кастрация? По-моему, ужасна и отвратна. И так далее. Все они в начале своих «карьер» точно так же ходили, а не выступали, ели, а не вкушали, потели и кашляли, все были вполне земными, как и подобает богам, потому что других человек и не знает – даже если это чудища вроде Хуавы или Молоха. И лишь постепенно их, что называется, окультурили и облагородили, переформатировали из кровавого и зловонного мифа в пристойную и удобную религию. Та же история произошла и с Иисусом, что никак не делает его хуже.

– Язычество проникает всюду, нравится вам это или нет, – гордо выпрямилась Нинлиль, – и иначе быть не может, если речь идёт о людях, которые верят в то, что могут вместить. Лично мне как раз труднее поверить в ВВВВ – в бога-человека несравненно легче.

– Да, хоть тут мы с тобой вполне согласны, – усмехнулся Адам. – И можно бы ещё очень многое сказать, но пару слов о теодицее: опять-таки, если это такой Бог (именно Создатель Всего, а не какое-нибудь там божество растительности или огня), Который дал Себе труд познать на своём страшном опыте, каково же созданному Им человеку, то как же Он может после этого НЕ переделать немедленно всё и вся, дабы убрать из мира страдание?! да, Он-то воскрес (так ведь и знал, что воскреснет!) – но сколько тех, кто не воскресает (или, во всяком случае, не уверен в этом), но кого пытаются не меньше и даже больше, чем Его! и ведь Он теперь знает, что это такое! знает не изначальным Знанием, а на опыте... и что?!! всё остаётся по-прежнему? Хороша теодицея!

– Asenfäule¹²... – пробормотала Нинлиль.

– Интересно, что литературные тексты порой показательнее сакральных – которые, впрочем, тоже литературны... А помнишь, ты утверждала, будто булгаковский Бал Сатаны доказывает, что Воланд есть не кто иной, как Демиург? И я тогда ответил, что ничего не имел бы против такой интерпретации, если бы это было хоть как-то видно из текста – но там этого, на мой взгляд, нет; разве что с некоторой натяжкой можно посчитать подтверждением сей гипотезы другой эпизод: вспышку Левия на Голгофе. Да ведь и финал «Приглашения на казнь»

¹² Тление богов (герм.)

может читаться и иначе. Помню, смотрел в детстве фильм: человека, обвинённого в шпионаже, вздергивают на перилах моста – веревка обрывается – он падает в реку – плывёт под градом пуль – выбирается на берег – бежит – добирается до своего дома – жена выходит на крыльцо и видит его – вспыхивает яркий свет... И обрыв веревки, и побег, и всё прочее – лишь иллюзии гибнущего от недостатка кислорода мозга. То же самое можно прочесть и в набоковском финале: отрубленная голова героя ещё некоторое время живёт и продуцирует видения.

Я, собственно, хочу этим сказать, что все наши спекуляции на такие темы можно воспринимать как минимум двояко. Теоретические трудности – это трудности нашего сознания, а что там (и тут) на самом деле... и что такое это «самое дело»... вот именно... Да, с точки зрения манихея – нет проблем. Но я лично не манихей – хотя весьма интересуюсь этим сводом взглядов. Ну так и вы все ведь не манихеи. Так что проблема все же есть. И даже манихей, между прочим, признаёт, что свет и тьма смешаны... и, в частности, каждый из нас есть наглядный пример такого смешения.

И вот ещё что. Предполагается, что благой Бог не убивает – а почему, собственно? и – кого (что)? Если убить бессмертную душу нельзя, то убийство тела... по крайней мере, с точки зрения манихея (я беру именно крайний вариант как наиболее наглядный) как раз и есть разделение тьмы (материи) и света (духа), не так ли? то есть в конечном счете то, что надо. Если же убить душу можно, то и манихейская теодицея провалена, ибо чего стоит благой Бог, позволяющий недоброму Демиургу убивать души? так ли уж Он благ? То есть – и это я пытаюсь сказать давным-давно! – перенесение ответственности с Творца на творца ничего не меняет по существу дела. Нам остаётся только одно: пытаться понять устройство нашей тюрьмы, она же школа, она же подвал пыток, она же диснейлэнд, она же неизвестно что, чего мы пока не можем и вообразить. Или – можно пытаться сбежать с уроков. Мани запрещал это своим последователям, поскольку это приведет лишь к новой инкарнации (садист-директор поймает и притащит за уши на урок). Ладно-ладно, ты можешь не верить в реинкарнацию – но это ничего не меняет: если она есть, она действует независимо от того, верят ли в нее; если её нет, то тем хуже для прогульщиков, правда? Да, есть ещё вариант: те, кто понял, КАК НАДО, могут и с урока сбежать, и директору больше не попасться, у него над ними не будет власти. Так? Ну так ведь это как раз и есть то, с чего мы начали: мистическое освобождение, окружающими воспринимаемое как гибель, потому что они-то пока НЕ ВИДЯТ.

– Никто не запретит читать финал «Приглашения» как поток видений агонизирующего мозга, хотя, мне кажется, если бы автору был интересен такой акцент, это нашло бы более внятное воплощение в тексте, – пожалуй оголёнными плечами Нинлиль. – Но даже если поток видений (или, тогда уж, система видений, поскольку здесь не бессмысленный калейдоскоп образов, а «хорошо темперированная» история о той самой стальной клетке и выходе из неё) – сама по себе форма, в которой дано нечто прежде не сознаваемое, не может дискредитировать содержание опыта. Видение, сон, что угодно... эстетическое потрясение, личная трагедия или просто упорное возвращение к одной и той же мысли, необходимость додумать которую ощущается как жизненная потребность. Ищите и обрящете. Стучите, и откроют. Допустим, голова потом приросла, или её

вообще не рубили, а глюки промелькнули от страха. Ведь в дальнейшем Цинциннат, скорее всего, смотрел бы на всё другими глазами – помня, что за картонными небесами скрывается иное небо (может быть, тоже не «окончательное» – даже скорее всего не окончательное, но принципиально отличное от предшествующего). В финале «Камеры Обскура» герой «прозревает» (относительно прежней слепоты) именно в последние секунды жизни. Ну и замечательно, другим везет меньше. Мне очень «до души» одна сквозная для его творчества мысль (не знаю, насколько очевидная): о страдании как единственно возможном пути к... – и здесь не столько у меня многоточие, сколько у автора... Возможно, ему просто нечем восполнить это многоточие, но какие-то его интуиции кажутся очень верными. У того же Достоевского о необходимости страдания тоже много, но... быр-быр-быр... он так топит свои прозрения в идее со-страдания, что получается совсем другое кино. Там, где Иван бьется головой о «стальную стену», – Фёдор Михалыч впереди планеты всей. А похороны мальчика в финале... ужас-ужас-ужас! То же и с Булгаковым. Ершалаимские главы, да и все события, произошедшие с героями, могут быть, конечно, прочитаны как видения умирающего... с подачи Воланда или без. Могут-могут, но это надо совсем отвернуться от текста. Образ Иешуа – абсолютно провальный, но из этого печального факта никаким образом не следует, что Булгаков намеревался изобразить демона. Можно ведь считать, что и Бородинская битва у Толстого приглючилась умирающему князю Андрею. Почему нет? Вся наша жизнь – некоторым образом система видений. Практически мы говорим о критериях истинности. И, кажется, ты последовательный агностик. А это очень сильная философская позиция, которую оспаривать бесполезно. Могу только известить, что я не агностик.

– Разумеется, едва ли Булгаков намеревался изобразить демона (хотя, повторяюсь, как тебе не запрещается видеть Демиурга в Воланде, так и Киряеву – демона в Иешуа, у каждого своя тусовка, верно?), но дело всё же не в этом. Действительно, вся наша жизнь – некоторым образом система видений, и мы не очень можем быть уверены, что именно на самом деле видим, а что лишь додумываем; есть, конечно, путеводители, декодеры и инструкции, но их тоже ещё надо уметь читать правильно, даже если они верны (а они, как мы тут видим, у всех свои, и все кричат, что только их декодер самый декодирующий!). Свет смешан с Тьмой, хотим мы того или нет, и спорить тут стоит разве что о том, возможно ли разделение. Мне лично думается, что возможно, но не до конца. Или скажем так: до конца, но не вполне. И, нет, я не агностик – агностик НЕ БУДЕТ пытаться понять устройство тюрьмы-школы. Но я не считаю, что совсем сбрасывать агностицизм со счёта уже пора. По-моему, иногда он ещё работает. То есть когда с декодером сомнения, надо сказать себе: то ли пёс там, то ли бес, а идти вперёд всё равно придётся. А вот когда и мне дадут некий опыт (если, конечно, дадут), тогда и декодер не нужен будет, наверное.

Нинлиль вдруг отвернулась и пробормотала:

– AsaTor ot AsaTor ot reper epen

Nepe reper Tor ot asa Tor ot asa

– Что-что?

Она застывшим взглядом смотрела куда-то поверх их голов, словно медиум:

– Мы верим, что срушение Порядка Света, основное воздействие Тления Богов на человечество отразилось в неумолимом исчезновении присущих ему духовных способностей. Прежде всего – способностей связи с миром воли, в котором обитают светлые асы. Возможность проникать своим тонко-материальным телом в духовный мир сменилась лишь личностной возможностью связываться с ним с помощью кристаллов воли. Затем связь с космическими ритмами уступила своё место воспоминаниям о некогда наличествовавших духовных способностях детей света. Причина постепенной утраты способности связываться с миром воли крылась в вызванной Тлением Богов блокаде поставки тонкой материи, из которой состояли тела детей света и которую они должны были постоянно пополнять, в противном же случае их настигало непрерывное уплотнение тел, что и сблизило их в конце концов с детьми камня. Но у всего в нашей Вселенной есть своя причина – единая, отражающая единый Исток всех вещей; всё детерминировано, ничто не случайно, всё подчинено Космическому Закону. Согласно единой Причине и был образован наш мир – мир необходимости, страдания и судьбы. В этом-то мире Один распыл себя на Древе Жизни и висел на нём в страданиях девять дней и девять ночей. Таким образом, наш мир подчиняется мистерии цикла кольца Драупнир – мудрости, правящей этим миром. Один образовал наш мир из двух изначальных колебаний Вселенной – прасилы-Urkraft и прасвета-Urlicht, уплотнив их до трёх изначальных потоков – силового Aithar, оживляющего Odh и целевого Meth. Каждый из них сформировал свой вид материи...

– Caque? Eauneau jaestscheau eeh rhaszghowarehevatj? – презрительно скривил рот Летописец и выдернул нож из столешницы.

Адам посмотрел на него с возрастающим интересом, Линда же и ухом не повела:

– Изменяющийся в согласии с Единой Причиной, мир состоит из совокупности миров, в каждом из которых обитают существа особого вида, обладающие различной властью и возможностью воздействия на обитателей и события своего и других миров. Миры составляют иерархическую последовательность снизу вверх. Сначала – миры представлений: мир представлений пространственных существ – Мидгард; мир представлений существ времени – Йотунхейм; мир представлений целевых существ – Хель; мир представлений мировых правителей – Фогльхейм; мир представлений магов, придающих форму жизни, – Ванахейм. Затем – переходный мир между мирами представлений и мирами воли – Валхалла. И, наконец, миры воли: мир существ воли – ангелов-альф – Альфхейм и сверхволевой мир Одина с обитающими в нём асами Асгард – мир ритма Необходимости и Судьбы как единого причинного ритма нашего мира. Основной закон этой иерархии гласит: ничто не может быть сделано либо изменено на более низкой ступени миров, то есть в мирах представлений, если оно не существует в мирах воли – в кристаллах воли и их сиянии, согласно древнеарийскому учению. Отсюда единственная возможность существования человека в согласии с единой Первопричиной состоит в познании и полном подчинении воле Творца, в переводе её своими усилиями и действиями из мира воли в мир представлений; при этом каждая отдельная воля должна быть согласована с волей Единой Причины – волей Одина!..

Она толкнула коленом стол, и нож Адама упал на пол.

- Слушай... а ты во всё это в самом деле веришь? – спросил он.
- Нинлиль внимательно посмотрела на него и вдруг рассмеялась:
- Конечно же, нет. Я и не в такое не верю.
- Ихъ вайс нихт, вас золь эс бедойтэн! – подытожил Мунд.

42[Мыть ли посуду?]

В Крыму эмпуза (Емпуза) заселяет предгорья. Очень подвижна и активна круглый год и практически круглосуточно. Количество самок в популяции невелико. Размножение происходит в воде. Под убежища использует подземелья, гроты и трещины в скалах. Перелётный вид.

«Редкие животные Крыма»

На столбе косо болталось полуотклеившееся объявление:

«Потерялась СОБАКА! 10 апреля, в районе 9-11 Парковой, от ул. полковника Шмидта. ПОРОДА – БЕРНСКИЙ ЗЕННЕХУНД! (большая. МОХНАТАЯ. ТРЁХЦВЕТНАЯ – ЧЁРНЫЙ ОСНОВНОЙ. МОРДА – БЕЛАЯ, БЕЛО-КОРИЧНЕВЫЕ ЛАПЫ). Отзывается на кличку ТАНЕЧКА! Кобель. Тел. 649-40-15».

– Позвонить, что ли? – вяло спросил Адам. Летописец усмехнулся и, гибко нагнувшись, подобрал верхнюю книжку из аккуратной пачки книг рядом с мусорным ящиком:

– Гляньте-ка!

Адам глянул. На яркой глянцевой обложке было:

«Апостат Петров-Золотарь, “Легионы просят греческого огня”».

– Ну и что?

– Ну вот и знак! Открывайте и читайте.

Адам пожал плечами, взял странно тяжёлую книгу и раскрыл. Внутри было совсем не то, чего он ожидал – на очень обтрёпанных листках чёрного цвета светились ярко-оранжевые буквы:

«...Когда естество бессмертных завершилось в бесконечности, тогда из Веры истекло величием немислимым, пребывая в середине между бессмертными и возникшими после них по подобию вышних, как завеса, разделяющая людей и подобие, названное Софией. Она пожелала стать творением, подобным предвечному свету. И тотчас явилось её желание, будучи образом небесным...

5 Эон же истины, нет тени, ибо повсюду в нём неизмеримый свет. Вне Него – тень, названная тьмой. Из неё сила явилась над тьмой. Тень же, – силы, возникшие после этого, назвали её бездной бесконечной. Из неё все роды богов возросли, и всё место, так что и тень последовала за первым творением, явившимся из бездны благодаря Вере, о которой мы говорили.

6 Тогда тень почувствовала, что есть тот, кто сильнее её. Она позавидовала и, забеременев от себя самой, тотчас породила Зависть. С того дня явилось начало зависти во всех эонах. Зависть же эта оказалась выкидышем без духа в нём, она стала подобной теням в великой сущности водной. Тогда желчь, возникшая из тени, была выброшена в часть бездны...

8 И когда это произошло, тогда пришла Вера. Она явилась над веществом бездны, которое было брошено как выкидыш, ибо в нём не было духа, ибо всё это тьма бесконечная и вода бездонная.

9 И когда Вера увидела то, что возникло из её изъяна, она взволновалась. И волнение явилось как ужасная тварь и пришло к ней в бездне. Она же обернулась к ней, она дунула в её лицо в бездне, пребывающей под всеми небесами.

10 И когда Вера София пожелала, чтобы тот, у кого нет духа, принял образ подобия и начальствовал над веществом и над всеми силами его, сначала из вод явился архонт в образе льва, двупольный, имеющий в себе великую власть, но не знающий, откуда он появился. Вера же София, когда увидела его движущимся в глубине вод, сказала ему: "Юноша, проникни в эти места", – истолкование чего "Ялдаваоф".

11 С того дня явилось начало слова, того, которое достигло богов, ангелов и людей. И созданное словом завершили боги, ангелы и люди.

12 Итак, архонт Ялдаваоф – не знающий о силе Веры. Он не видел её лица, но он видел её отражение, говорившее с ним в воде. И из-за этого голоса он назвал себя Ялдаваофом. Совершенные же называют его Ариэлем, ибо он был подобен льву.

13 Когда же он появился, имея власть над веществом, Вера София удалилась в свой свет.

14 Когда архонт увидел своё величие, – и он видел только себя самого, он не видел ничего иного, кроме воды и тьмы, – тогда он подумал, что он сам – Сущий. И мысль его исполнилась в слове, она явилась как дух, носящийся над водами. Когда же этот дух явился, архонт отделил сущность водную в одну часть, и сушу он отделил в другую часть. И из вещества он сотворил себе обиталище, он назвал его небом, и из вещества архонт сотворил подножие, он назвал его землёй.

15 После этого архонт задумал в своём естестве, он сотворил словом андрогина. Открыв свои глаза, он увидел своего отца и сказал ему: "И!" – и его отец назвал его Иао...»

– Эй! – окликнули их.

Адам оторвал глаза от книги. Перед ними стояла невысокая светловолосая девушка, очень похожая на Хильдегард Кнедл-Загрисс.

– Рад видеть! – приветливо кивнул ей Летописец и церемонно представил её Адаму:

– Познакомьтесь, это Чебурашка.

– Мыть ли посуду? – спросила его Чебурашка, одновременно улыбнувшись Адаму.

– Посуда не улетит, а самолёт улетит! – немедленно ответил Летописец. – И вообще, оставь посуду врагу.

– Оставь посуду всяк сюда входящий, – подытожила девушка.

Адаму было уже не привыкать к непосредственности знакомых Летописца, но тем не менее он пару минут ещё раздумывал, называть ли своё настоящее имя или назваться каким-нибудь Пьеро. В поисках подсказки он оглянулся. Они стояли у входа в Водяную Башню. Надпись на фронтоне мерцала:

«Когда нет дождя, то найдётся утешительница, вечно юная, вечно девственная, чтобы излить на землю чашу обеих полярностей...».

– Адам, – решительно представился он.

– Очень приятно, – отозвалась она, продолжая широко, хотя и несколько рассеянно улыбаться. – Именно человек с таким именем достоин оттенить мою неземную красоту.

И она повернулась к нему в профиль – действительно, впечатляющий.

Адам любовался им и, сделав короткий вдох, повернулся к Летописцу:

– Я всё-таки хотел бы понять, что же случилось с Нинлиль!
– С Линдой, хотите сказать? Да не переживайте, ничего с ней не случилось такого, чего не случилось бы раньше.

Адам медленно поднял левую руку и сбил с Летописца кепку. Тот усмехнулся:

– Незачёт. Пока Вы всё равно больше ничего не узнаете.

– Да? А когда?

Летописец перевёл взгляд на Чебурашку:

– А вот спросите у неё.

43 [Да. Это он.]

А вообще-то я потомок пражского голема.

М.Шалев, «Русский роман»

– Хочешь побрататься?

– Это и есть наш долгий разговор?

– Да. Это он. Кажется, он окажется очень коротким.

Она вытащила из причёски стилет и бесстрашно чиркнула острием по руке, а затем бросила клинок ему. Он поймал на лету и повторил её действие, глядя, как на её руке медленно разворачивается кожа ранки, но кровь не выступает. Он перевёл взгляд на свою руку, уже зная, что он там увидит, и почти не удивился.

– Ты знала?

– А ты?

– Н-ну... догадывался, скажем так.

– Молодец. Об этом не так-то просто догадаться. Никто из предыдущих не догадался.

– Предыдущих?

– А ты думал, что ты и в самом деле первый?

– Ну...

– Ага. Читай! – и она протянула ему пожелтевший обрывок газеты:

«...Кто такой Демиург и как с Ним бороться?

Это – Создатель, слепая Стихийная Созидательная Сила Творения. Такие Состояния Нисходящего Логоса описываются в Духовных Учениях всех Религий.

Это Варуна – Великий Бог Ригведы, Бог Ужаса и Смерти.

Это отвлечённая от Имен и Свойств Идея Творения в Изменяемом Логоса.

Это Перворожденный.

Это Качественный Коллектив Множества Архитекторов Вселенной или Дхиан-Коаны (Состояния, соответствующие Архангелам), Высшая Сила, Отображение Ветхого Днями Старца Старцев.

Это Пта – Отец Богов, Господин Истины, Создатель Первоматери, Зародыш Света, Мировое Яйцо.

Это Родовое Имя Творцов Мира, которое дано как Элохим – Творящий Бог.

Это Второй Логос, Владыка Духов-Охранителей и Третий Проявленный Логос, или Второй Бог Платона.

Это Единство Отец-Мать (Второй-Третьей Божьих Эманаций, Каббалистически).

Это Аспект Ноуса в Человеке.

Он – Двойственен, как все Имена нашего мира, ибо вмещает в Себя все Потенции Творения...».

Экранчик вспыхнул.

– Вы свободны, – пробурчал с него Летописец. – Как всегда, впрочем.

44 [Некое разветвлённое помещение]

– Ну теперь-то я наконец понимаю, – вскричал Ника. –
Сначала христиане убили колдунов, потом красногвардейцы убили
христиан, а теперь кто-то убил красногвардейцев!

А.Пятигорский, «Философия одного переулка»

Ползти было ещё далеко.

– Хотите, расскажу свой сон? – неожиданно предложил Летописец.

Адам глянул на него очень выразительно, что тот, видимо, принял за знак согласия:

– Я нахожусь в каком-то огромном торговом центре. Люди ходят туда-сюда, смотрят на витрины, заходят в магазины и выходят из них, толкая перед собой тележки с покупками. Внезапно между ними проходит обнажённая молодая красивая женщина, и я каким-то образом ощущаю, что эта нагота не странна и не сексуальна, а скорее ужасна. Она входит в небольшой проулок между магазинами, такой как бы узкий тупичок с рекламным постером в торце. Справа неприметная дверь, обитая кровельным железом и окрашенная в желтовато-кремовый цвет. Дверь снабжена запорами, как в бомбоубежище. Женщина входит в эту дверь, и та за нею медленно закрывается. И я понимаю, что дверь ведёт в газовую камеру. Спустя недолгое время сквозь толпу покупателей проходит второй, затем третий человек, тоже голые, тоже входящие в эту неприметную дверь в закоулке с рекламой косметики. Я припоминаю, что где-то уже видел всех этих людей и даже знаю о них что-то, но не могу вспомнить, что же именно. Спустя какое-то время бородатый невысокий человек (из одежды на нём – лишь синий клеёнчатый фартук и клеёнчатая же маска) вывозит, толкая, из той двери низкую тележку вроде тех, какие бывают у вокзальных носильщиков. На ней лежит тело женщины, которая первой вошла в дверь камеры. Человек провозит свой груз через толпу покупателей, они расступаются, не обращая внимания ни на толкающего тележку, ни на мёртвую женщину. Затем я почему-то я оказываюсь в церкви, где идёт отпевание. Посреди храма стоит закрытый свинцовый гроб, формой и массивностью напоминающий саркофаг. Мне кто-то говорит: «Хоронят священника!». И я понимаю, что бородатый человек в фартуке и был тем самым священником, которого сейчас хоронят. «Зачем нужен закрытый гроб? – недоумеваю я. – Ведь лицо его и так закрыто!»...

Перед ними возникла маленькая дверь. Именно неприметная, хоть и не кремового цвета. Они толкнули вдвоём, и она открылась. Они ввалились в царство биоморфов, хотя Адам ни секунды не сомневался, что лучше бы сюда не влезать.

– Придётся и мне рассказать Вам сон, – прошептал он. – Это, похоже, теперь единственная защита.

– Для кого?

– Для того, кто рассказывает, конечно. Пока мы рассказываем, нас никто не может тронуть.

– Не хотел бы я проверить сей постулат на практике, – ухмыльнулся Летописец. – Ладно, валяйте.

– Сон, приснившийся в жуткую ночь, когда диким усилием воли стараешься не расчёсывать уже разодранные укусы мошкары, и от этого начинает бить дрожь,

и помнящийся до сих пор; сон, который порадовал бы старину Хорхе: я вхожу в некое разветвлённое помещение вроде метро, которое осознаю как «вокзал», но никак не могу попасть на перрон, а всё время вновь и вновь оказываюсь перед входом, как в бутылке Клейна. В конце концов плюю на своё первоначальное намерение, поворачиваю в другую сторону, попадаю в большую комнату, которая оказывается душевой. Почему-то я решаю, что мне того и надо (на перрон не попал, так хоть помоюсь!); сбрасываю одежду и залезаю под душ, не заботясь о том, что дверь не запирается: почему-то я уверен, что кому не надо, тот не войдёт.

Однако входят именно те, кому, видимо, надо: некие террористы – во всяком случае, так воспринимает их моё сознание; они в чёрном, как ниндзя, в кожаных шлемах с блестящими металлическими забралами без щелей, так что вообще непонятно, как они хоть что-то видят – я-то не вижу ни миллиметра их лиц; скорее инопланетяне, чем террористы. Наводят на меня оружие (и на оружие-то не очень похожее, но явно угрожающее), заставляют выйти из-под душа и рассматривают мои вещи: одежда, что-то ещё по мелочам и книга – непонятно откуда взявшаяся. Я не помню, чтобы она с самого начала была со мной, но ни секунды не сомневаюсь, что она моя. Небольшая, на серой бумаге, на непонятном мне языке, она явно служит в их глазах чем-то вроде аргумента в мою пользу. Во всяком случае, без слов (они не говорят ни слова) становится понятно, что меня покамест не убьют и даже вроде не сделают заложником.

Тут в помещение, окружённые ещё одной группой таких же «террористов», входят, одно за другим, два странных существа: огромные, в человеческий рост, пингины. Я сразу вижу, что это резиновые костюмы (большие оттопыренные брюха); один из них снимает «голову» – шлем-маску – и оказывается молодой женщиной, довольно миловидной, но в то же время становится понятно, что милосердие, сочувствие, жалость ей не свойственны абсолютно, это как бы и не человек, скорее киборг с примитивной программой, без понятий о добре и зле. Её задача – руководство самоубийственной миссией группы, не больше и не меньше.

Она в свою очередь просматривает мои вещи, и повторяется та же ситуация: книга на непонятном языке служит как бы пропуском, и я теперь уже даже не нахожусь под прицелом их странного оружия. То есть я могу попытаться выскользнуть из помещения, что я и делаю (не могу вспомнить, есть ли в нём ещё захваченные, кроме меня – возможно, но не уверен).

Далее я вижу, как подтягиваются «антитеррористические силы», намеренные атаковать – и в этот миг из помещения раздаётся мощный взрыв (или залп), который разносит дверь и уничтожает половину осаждающих. То ли тот же взрыв, то ли ответный залп уничтожает всех без исключения террористов, в том числе и «пингинов».

Я, по-прежнему голый, оглушённый, брожу среди трупов, отыскивая свои вещи. Мне никто не препятствует.

Следующий кадр: я уже полуодет, сижу перед мужчиной средних лет в штатском, явно работником спецслужб, с грустно-туповатым выражением лица. От меня ему мало чего удаётся добиться, но книга на непонятном языке снова служит мне спасительным аусвайсом...

– Ничего себе сон, – покачал головой Летописец. – Кошмар покруче моего. Я бы проснулся на самых ранних его этапах. Книга-то на каком языке была? Надо бы прикупить на всякий случай.

– Если бы я умел просыпаться по желанию, то проблем бы вообще не было. Это ещё что, сегодня мне приснилось, что я кого-то убил в поединке – на метательных ножах, но мы их не метали, а фехтовали ими. Кажется, я должен был кого-то защитить таким образом – видимо, Линду; и она мне во сне бережно рассказывала потом, как было дело, потому что мне снилось, что моя память отказался запомнить момент убийства, сохранив только подготовку к дуэли и странное время после: вроде бы худшее позади, но...

А книга, я же и говорю, на неизвестном языке, даже буквы неузнаваемые. Возможно, это как бы Книга вообще.

– А не пробовали прижимать во сне язык к нёбу?

– Чего не пробовал, того не... а, чёрт! – Адам зацепился штаниной за один из острых выступов, торчавших из стен через каждые несколько метров.

– Freeze! – беззвучно скомандовал Летописец. – Сейчас-сейчас...

Он, медленно, невыносимо медленно двигаясь, освободил Адама и выразительно глянул на него:

– Если отравлено – а скорее всего, что так, – то дальше мне пришлось бы тащить Ваш труп.

– Угу. Надо срочно рассказывать следующий сон. Ваша очередь.

– Пропускаю пока. Я устал немного, Вас спасаючи.

Адам хмыкнул и перекатился на бок:

– Ладно. Ещё один сон с поединком. Мне приснилось, что я гладиатор. Амфитеатр небольшой, где-то на пару сотен зрителей. На арене две стены, ограничивающих как бы закрытое от публики пространство, в котором бойцы могут как-то отдохнуть и обменяться парой слов. Мы с противником сначала должны биться на кулаках, порой переходя к борьбе. И мы, в закрытом пространстве, успеваем договориться, что постараемся не бить изо всех сил и вообще беречь друг друга. И выполняем это, не расходимся во всю силу – так что после получасового колошмаченья у нас только несколько синяков и ссадин, но никакого серьёзного вреда мы друг другу не нанесли. И тут служители нас останавливают и выдают нам шлемы, кожаные нагрудники и короткие самнитские мечи. И я говорю противнику (мы снова проходим по закрытому пространству), что будем и дальше придерживаться той же тактики: стараться не нанести серьёзных ран. Но он мне отвечает: нет, теперь уж это невозможно, аудитория ждёт настоящего поединка, всерьёз и до конца, так что я буду стараться убить тебя, ты уж прости!

И я возмущённо восклицаю в ответ: «Да как ты можешь так говорить, ты же советский человек!!».

В этот момент мы как раз выходим на открытую арену, и он принимает угрожающую позу, готовясь к атаке. И я изо всех сил отмахиваюсь рукой с мечом от него, стоящего довольно близко.

И попадаю куда-то ему в лицо. Меч входит легко и беззвучно.

Я рефлексивно выдёргиваю меч, неумышленно повернув клинок в ране.

И мой противник падает.

И лежит без движения.

Скорчившись.

Такой крохотный.

С расцветающим кровавым цветком вместо лица.

И амфитеатр взрывается воем и аплодисментами!..

– Да-а... – протянул Летописец. – У Вас не сны, а просто круг третий. Ладно, моя очередь. Передвигайтесь сюда... Оп-па, а это ещё что?

В полутьме они увидели светящуюся зелёным надпись-граффити:

«Из слепой безумной бездны мы провозглашаем по всей Вселенной наш яростный, разрушительный, разжигающий Манифест. С этим манифестом мы учреждаем сегодня и навеки Хаос, потому что хотим освободить Вселенную от зловонной гангрены Демиурга и его приспешников. Слишком долго Вселенная была пристанищем тварей Демиурга. Мы намереваемся освободить её от бесчисленного количества врагов Непознанного Пространства во имя ползущего Хаоса. Будь проклят навеки, Демиург!

Земля – абсурдное вместилище бессмысленных ничтожных существ. Они все обречены на неминуемую гибель. Во имя Хаоса и Древних Богов мы собираем легионы под чёрным знаменем Ненависти, Разрушения, Безумия, Смерти! Мы не желаем иметь с прошлым ничего общего, мы великие творцы Хаоса! Пусть же они придут, воины смерти, чтобы разрушить мир, чтобы провозгласить имя Хаоса, чтобы убить всех, кто встанет на нашем пути! Какой восторг будет увидеть, как проклятый Демиург падёт к нашим ногам! Наши сердца не знают пощады и страха, ибо они заполнены огнём и ненавистью. С нами благословение Древних Богов! Смерть тому, кто против нас. Смерть всем живым тварям на земле! Мы внимаем Непознанному и бросаем вызов Космосу!».

– Ваши? – спросил Адам.

– Скорее ваши... Ну-с, мой сон...

Но этот сон Адаму в тот раз было не суждено узнать – мимо проскользнуло стремительное существо, нечто среднее между змеей и тысяченожкой.

– Мы совсем близко, – констатировал Летописец. – Эти твари... Можем встать в полный рост – нас теперь всё равно видят.

– Думаете?

– Нет, знаю. Обычно эти гады выполняют роль носителей видеокамер. Нет смысла ползти.

Он поднялся и стал отряхиваться. Встать в полный рост, впрочем, было невозможно из-за довольно низкого потолка.

Впереди в стене было чёрное пятно – не дверь, а пролом.

– Туда нам не надо, – спокойно сказал Летописец. – Там колодец-ловушка. А мы двинемся во-он туда...

– Каким образом Вы так хорошо ориентируетесь здесь? – спросил Адам, на полусогнутых передвигаясь в указанном направлении.

– Информация от Мунда, разумеется, – пожал плечами Летописец. – Кстати, если я не вернусь отсюда, а Вы – наоборот, то запомните: моё настоящее имя...

Но и это узнать Адаму на сей раз не удалось – из-за поворота им навстречу вышли три приземистых существа, мало похожие на людей...

45 [И войдя в сказанный дом]

В широких сенях нашли мы кумиры девяти муз, у дверей
стояли два кентавра.

А.С. Пушкин, «Повесть из римской жизни»

– ...И войдя в сказанный дом, я нашёл там мою Анджелику, каковая учинила мне самые непомерные ласки, – бормотал Адам с весельем обречённого, – кои только можно вообразить. Так я пробыл с нею от двадцати двух часов до следующего утра с таким удовольствием, что равного не имел никогда. И пока я наслаждался, мне вспомнилось вдруг, что в этот самый день истекал месяц, который мне был предсказан демонами в круге. Так что пусть посудит всякий, кто с ними путается...

– Я посетил телесный дом, изгнал того, кто был там изначально, – поддержал Летописец, – и вошел в него. И все множество архонтов встревожилось, и вся материя архонтов и силы земного рождения взволновались при виде смешанного образа. А я – тот, кто пребывал в нем, не будучи похож на того, кто был там сначала. Ведь это был мирской человек. А я, происшедший из мест, находящихся над небесами, казался нижним частям чужим...

Их собственным нижним частям, как, впрочем, и верхним, было весьма неудобно, потому что они лежали ничком, а под ними было что-то холодное, жёсткое и угловатое – возможно, оружие или орудия пытки. И хотя руки не были связаны, пошевелить ими пока не представлялось возможным.

– А Вы говорите: големы... – пробормотал Адам.

– Я, собственно, ничего подобного не говорю. Хотя это действительно были големы. Отрицание мира именно в силу убеждённости стало его приятием. Проклятие пола и тела, которое, как известно, тешит до известного предела, проклятие имени и безыменности удивительным образом превратилось в благословение. Мы сейчас подпитываемся определёнными силами...

– Вы сейчас пойдёте на корм здешним биоморфам.

– Возможно. А может быть, они – на корм нам. Тут ведь откуда смотреть. Мы свободны. Даже на эшафоте мы свободны. Неограниченно свободны, как ни странно Вам покажется.

– Простите, но «свободны» – означает: СВОБОДНЫ. Когда на близких вроде бы ни в чём не повинного человека рушится дом, а сам он превращается в мутанта, то говорить о том, что его свобода ничем не ограничена, несколько, я бы сказал, цинично. Примерно такое же «неограничение свободы» было на входе в Дардан: германцы, вы можете выбрать быть расстрелянными немедленно – или вас будут бить железными прутьями, пока вы можете стоять на ногах; тех, кто упадёт, опять же расстреляют; а уж тех, кто выстоит, будут морить голодом, пока они не потеряют все силы, и расстреляют только тогда... Можно принимать, что человек не видит Всего Плана и не знает, что всё это зачем-то нужно – но говорить о неограниченной свободе, право же, не стоит. Свобода, да ещё неограниченная, означала бы, что Создатель не вмешивается в дела человека никаким образом. Хуже от этого было бы или лучше – другой вопрос.

– Германцы... как о них говорил Зардушт: это же трихины, глисты, вши, которых нужно уничтожать, как чуму, до последнего микроба, потому что против них нет никакого средства, разве что ядовитые газы.

– Что?!

– Да это ещё не всё! Германцы – как мухи и крысы: чем больше вы их уничтожаете, тем больше они плодятся. Германская раса родилась как враг человечества и всего человеческого. И пока последний германец не будет уничтожен, человечество не сможет спать спокойно. Спать и видеть сны. Сны разума...

– Кто Вы такой, Летописец? – как можно спокойнее спросил Адам и внезапно почувствовал, как пальцы рук обрели чувствительность.

– Абруктеры, азарпы, айгандзии, аламаны, ангригуарии, ардинги, аскунги, байбиры, бангионы, бердулы, бастарны, батавы, бургунды, вандалы, виктобалы, визиготы, витунги, галдигаствы, гамбризии, гепиды, герулы, геруски, гревтунги, гугерны, дулгитубины, игуллионы, интуэрги, канненефаты, кантамбры, квады, кимбры, костобоки, лакринги, ланционы, лонгиберды, мархумоны, мутилоны, нуитоны, остроготы, протинги, росомоны, руги, селинги, сигамбры, скререпенны, тайфалы, теоринги, трансмонты, тритунги, флузионы, франки, хайтуоры, эрагнарии, юутунги... и это ещё лишь малая часть наименований их!! – веселился Летописец. Адам впервые услышал, как тот хохочет.

– Это всё?

– Какое там! Ещё гольтескифы, тиуды, инаунксы, насинабронки, колды, имнискары, тадзансы, атаулы, бубегены... несть им числа и клички! – Летописец уже ржал во весь голос. – И с ними их gods, heroes, dwarves, giants, nymphs, warrior maidens, flying horses and dragons! А также theft, incest, fratricide, drowning, murder, revenge, immolation, and twilight of the gods!.. И необходимо, конечно же, изыскание научным путём средств для вымирания сей паразитарной и вредной для мира народности...

Адам приподнялся и сел. Голова кружилась невыносимо, как после изрядной дозы *праха ангела*. Он с трудом выдавил из себя:

– А Гёте?

– Что Гёте?

– Das Wahre ist von laengst gefunden, /Hat edle Geisterhaft verbunden; /Das alte Wahre, fass es an!¹³ – не очень уверенно процитировал Адам.

– Да подите Вы с Вашим Гёте! – Летописец тоже заворочался, хотя довольно вяло. – *Известно, думал он /о Фаусте, что тот и в муках Фауст, / а тот был превращён в фаустпатрон!*

Он тоже сел, по-прежнему улыбаясь, как майская роза:

– А вообще дело не в том, чтобы стать победителем, а в том, чтобы не стать жертвой. Вы этого не понимаете, потому что покамест никогда не пробовали на

¹³ Правда найдена давным-давно
И связала союзом благородные души;
Крепко держись ее – этой старой правды! (*герм.*)

себе роль жертвы. Вот послушайте тот мой сон, от которого нас отвлекли эти уродцы.

Я провожу летние каникулы в деревне у бабушки. Лежу на спине в поле, поросшем высокой травой. С двух сторон поле окружено озером, с одной лесом, а четвёртая выходит на деревню. И вот я лежу и смотрю в небо. Потом, будто что-то толкнуло, приподнимаюсь над травой, оборачиваюсь и вижу: с берега озера по направлению к деревне идут чёрные солдаты, растянувшись в цепь через всё поле от леса до озера. Как мне с моим зрением удалось рассмотреть их форму, уж и не знаю, но я понял, что это солдаты армии современной Германии.

– Как Вы сказали?

– Да-да, Германии! Идут они этак неспешно, а я, почувствовав опасность, начинаю ползти к деревне, чтобы не показываться из травы. Ползу, ползу, как вдруг чувствую, что мне в спину упирается какой-то металлический предмет – и понимаю, что это ствол автомата...

Затем во сне как бы провал, и вот я в Санкт-Петербурге. Уже осень. Общежитие Госунивера на пятой линии Васильевского острова. Германия, значит, напала на Россию. Вермахт семимильными шагами продвигается по европейской территории страны и уже на подступах к нашему городу. Но жизнь в Питере идёт себе своим чередом. Студенты, живущие в общежитии, ходят на лекции и семинары, занимаются спортом. Только каждый день задают друг другу один и тот же вопрос: «Ну что, они уже вошли в город?». И вот однажды они вошли в город. В общежитии появляются германцы в чёрной форме, укрепляют решётки на окнах, баррикадируют вход, выставляют охрану на вахте – короче говоря, превращают нашу общагу в тюрьму. На следующий день появляется человек в штатском – мужчина средних лет, полненький, лысый, в целом безобидной такой наружности – однако все называют его «Ликвидатор». Он входит в кабинет к комендантше, и больше мы её не видим. Зато видим на доске объявлений список: все жители общежития разбиты на группы по двенадцать человек (шесть девочек и шесть мальчиков), и их фамилии стоят под датами, на которые этим людям уготована смерть. В нашем общежитии – две душевые, по шесть кабинок в каждой, Германцы превращают их в газовые камеры, где из душа вместо воды подаётся газ. Каждый день уничтожению подвергаются двенадцать человек. Моя фамилия – в группе, которой суждено погибнуть второй. Поэтому в первый день казни я в числе нескольких зевак спускаюсь вместе с жертвами и палачами в подвал, где находятся наши душевые. Казнь происходит на моих глазах. Приговорённые к смерти двенадцать ведут себя абсолютно спокойно, не оказывая ни малейшего сопротивления. Они разделяются на две группы, девочки и мальчики расходятся по разным душевым. Раздеваются в предбанниках и нагими входят в газовые камеры. За ними закрывают дверь, и Ликвидатор опускает рычаг, пуская по трубам отравляющий газ. Меня такая смерть, безусловно, пугает. Я подхожу к Ликвидатору и спрашиваю: «Скажите, а это вообще мучительная смерть?». И он с виноватым видом отвечает: «Вы знаете – да, очень мучительная!». Тогда я замечаю у него на поясе кобуру и прошу отдать мне пистолет, чтобы я мог покончить с собой. К моему удивлению, моя просьба удовлетворяется, и я получаю в руки пистолет. Отойдя в сторону, извлекаю из него магазин и обнаруживаю, что всего там патронов шесть. «Отлично! – решаю я. – Можно ещё кого-нибудь осчастливить

лёгкой смертью!». Дело в том, что в нашей общаге живёт (в моём сне, в реальности её там не было) одна моя одноклассница, в которую я был влюблён, когда учился в школе. Её фамилия в списке лиц, подлежащих ликвидации, стоит в самой последней группе. А я-то должен был отправиться в газовку уже на следующий день! И вот я иду к ней с этим пистолетом и долго-долго убеждаю её умереть от пули вместе со мной. Наконец, она соглашается. И на следующее утро мы с ней спускаемся в подвал, к душевым комнатам, чтобы там наши мёртвые тела потом и нашли (кровь и мозги с кафеля легко убирать). Мы заходим в один предбанник. Она раздевается и, полностью раздевшись, идёт в душ. Тогда я тоже раздеваюсь и следую за ней. Пистолет оставляю рядом с одеждой на полу. Я нахожу её в кабинке – обнажённую и невероятно соблазнительную, – и мы начинаем заниматься любовью стоя. Спустя несколько минут я слышу, как захлопывается дверь в душевую, и кто-то со скрёжетом опускает рычаг подачи газа. Из душа у нас над головами слышится шипение...

Адаму удалось, наконец, встать и выпрямиться. Откуда-то послышалось отчётливое хихиканье.

– Нечего хихикать! – возмутился Летописец.

– Да это не я. Это...

Распахнулась дверь, и в помещение вошли... вбежали... вгарцевали... два существа, которых они ожидали и побаивались увидеть.

Кентавры.

Вернее, кентаврёныши-подростки. Грациозная девочка и угловатый, нескладный мальчик, смеющиеся, симпатичные, как все дети, и совершенно непохожие на то косматое страшилище, которое запомнилось Адаму, хотя он не мог бы сказать с уверенностью, глюк то был или нет.

– Есть хотите? – спросила, слегка шепелявя, девочка.

– Пить, если можно, – как ни в чём не бывало ответил Летописец, точно ему было вполне привычно общаться с кентаврятами каждый день.

Девочка что-то сказала мальчику, и он, после короткого обмена невнятными междометиями, исчез за дверью.

Адам рассматривал юную кентаврессу во все глаза. Копна (грива!) светлых волос, широко расставленные глаза, хрупкость и ощущение внутренней силы.

– Не правда ли, она похожа на Чебурашку? – невозмутимо спросил Летописец.

– Я её двоюродная дочь, – смущённо ответила девочка.

– Племянница, в смысле?

– А, ну да... – девочка ещё более смутилась. – Мне не очень... привычны эти ваши... обозначения родства... у нас не так.

– У вас? Вас здесь много?

– Где «здесь»?

– Там, где мы находимся.

– А где вы находитесь?

– Может быть, Вы нам это скажете? – предложил Адам.

– Ну пожалуйста. Вы находитесь в Институте Высокого Ветра.

Вернулся мальчик, неся в руках что-то вроде небольшого трехгранного аквариума. В зелёноватой жидкости плавали бесформенные существа, похожие на маленьких медуз.

Летописец спокойно взял из рук кентаврёнка аквариум и припал к краю. Адам смотрел на него во все глаза.

Оторвавшись, Летописец подмигнул ему и протянул сосуд:

– Ну, не говорил ли я, что биоморфы пойдут нам в пищу? Вперёд! Утоляет и жажду, и голод!

– Нет уж, спасибо, пейте-ешьте сами! – Адам содрогнулся.

– Как угодно, как угодно, – и Летописец ещё раз отхлебнул из сосуда, причём плавающих существ стало явно значительно меньше.

Кентаврята смотрели на них с интересом, к которому явно примешивалось ещё что-то.

– Что с нами будет? – напрямик спросил у них Адам.

– Это полностью зависит от вас самих, – безапелляционно ответила девочка, явно бывшая главной. – Если захотите, можете остаться здесь навсегда. Если захотите, можете...

Мальчик толкнул её локтем.

– Да, действительно, – она опять очаровательно смутилась. – Я слишком много говорю. Вы можете ходить? Тогда следуйте за нами, и всё сами увидите.

Они по очереди шагнули в дверь, за которой открылся не коридор, как можно было ожидать, а залитая солнцем полянка в лесу. Два сатира (один весьма похожий на Мунда) утомлённого вида наигрывали на сирингах что-то весёленькое, и несколько полуголых загорелых нимф лениво пританцовывали, явно ожидая приятного развития событий. Окружающий лес, как водится, шумел и пересвистывался. Журчал, разумеется, ручеёк. Птички весело чирикали что-то подходящее к случаю. Бродил павлин, и сложенный хвост его был закрыт для обозрения.

– На фиг! – сказал Адам, отворачиваясь от этой олеографии.

46 [Их отражения в зеркале]

Этой зимой они полюбили друг друга. Ели одной вилкой по очереди, и она пила из его рта вино.

М.Павич, «Хазарский словарь»

Они сидели перед зеркалом, на котором был нарисован круг, вписанный в треугольник. Другой такой же символ был изображён мелом на полу перед ними. По его периметру горели свечи, распространяя запах сандала, однако в зеркале они почему-то не отражались.

Адам попытался выяснить причину этого, но Нинлиль нетерпеливо отмахнулась:

– Если ты будешь спрашивать о таких мелочах, то мы никуда не продвинемся. Смотри внимательно, сам поймёшь.

Их отражения в зеркале сместились и как будто задымились по краям, словно были вырезаны из бумаги, к которой поднесли спичку. Вот Нинлиль в зеркале придвинулась к Адаму в зеркале ближе, привстала и вдруг пересела к нему на колени. Её губы шевелились.

– А что она говорит, можно узнать? – любопытствовал Адам.

– Ты не слышишь? – с нарочитым сожалением протянула Нинлиль. – Ну, изволь. Она говорит примерно следующее: «I see our symbol of my Yoni being charged with the energy of your Vajra!».

Нинлиль в зеркале стала ритмично раскачиваться на коленях партнёра, словно кукла.

– Вот этого всегда в кино терпеть не мог, – заметил Адам, – когда персонажи изображают пылкое совокупление, забыв при этом раздеться...

Он прикусил язык буквально на полуслове: их отражения уже были обнажены, и мягкая порнография неторопливо, но уверенно перетекала в жёсткую.

– Ну что, мой сладкий... о, прошу прощения, *amargo*¹⁴!... ты всё ещё сомневаешься, что управляешь ими?

– Только ими?

– Да конечно же, не только – вообще всеми подряд! Ты привёл к нам эту троицу безопасников, ты вызвал рейд полиции, ты создал организацию Летописца, ты населил город кентаврами – отнюдь не биоморфами!.. и этому никак не противоречит то, что твои создания немедленно выходят из-под контроля! Это же големы второго и третьего уровня!

– Довольно бегать голыми! /Натягивай штаны! /Мы молодые големы /советской стороны... – задумчиво пробормотал Адам.

Отражение Нинлиль в зеркале обернулось к нему и почти беззвучно расхохоталось. С небольшим запозданием к смеху подключилась и сама Нинлиль. Адам увидел, что отражения уже снова одеты и ведут себя вполне целомудренно. Пожав плечами, он сообщил:

– О Шимоне бен Гамлиэле рассказывают, что во время праздничного веселья он брал в руки восемь факелов и так ловко жонглировал ими, что ни один из них в воздухе не касался другого. Склоняясь в поклоне, он касался земли

¹⁴ Горький (*исп.*)

большими пальцами рук, целовал камни двора и выпрямлялся. Никто другой не мог повторить этот поклон!..

– У него был шлем-страшило, которого боялось всё живое, – подхватила Нинлиль.

Адам обнял её и вполголоса сказал в ухо:

– Именно вы, риторы, не в обиду вам будь сказано, первыми загубили красноречие!

– Так... чур, в зеркало больше не смотреть! – потребовала Нинлиль. – Используй лучше образ рычащего льва, храбрость и силу льва, чтобы выразить то, что ты чувствуешь сейчас!

– А если я предпочитаю образ кентавра?

– Ну, ты и размышлялся, amargo...

Свечи полыхнули и погасли.

– Кинжал... – пробормотал Адам.

– Меч! – возразила Нинлиль.

– Угу... старина Фрейд был бы в восторге от нашего диалога.

– Брось, amargo. Иногда меч – это просто меч. Вот как в нашем случае, – и она подбородком указала на свёрток, занимавший в комнате то самое кресло.

– В нашем... почему нам не позволяют видеться, когда мы хотим?

Нинлиль вдруг резко оттолкнула его:

– Потому! Don't ask!

– В смысле?

– В прямом, да станешь ты добычей троллей! Не моя вина, если ты так и не понял: нам позволяют видеться ровно столько, сколько ты хочешь – смеешь! – пожелать! Твоя сила несоизмерима с моей, и я не буду тебя вытягивать бесконечно, даже если бы и могла. А я и не могу уже. Возьми на себя ответственность! Посмей, наконец!

– Хорошо. Тогда почему бы нам не уйти вместе в Институт Высокого Ветра? И пусть они тут хоть на ушах ходят!

За его спиной раздался еле слышный смех отражений.

– А как насчёт ключа от квартиры? – осведомилась Нинлиль. – Не прыгай через три ступеньки. Ты мог остаться там – ты не захотел. И это был правильный ход. Think what it is to see the sins we sin, the tempting look, the word idle or unkind – even the selfish thought or struggle – multiplied ten thousandfold and more eternal than ourselves...

В комнате становилось всё темнее.

– Голые гойдаются тела. /Грустно голему в его углу. /Голема заглатывает мгла. /Комната заглублена во мглу... – сызнава симпровизировал Адам, и снова тихий смех отражений был ему ответом. Нинлиль тоже усмехнулась.

– Скажи... а Летописца самого тоже я создал?

– В каком-то смысле – да.

– А... тебя? Или... это ты – меня?..

Последовала пауза. Долгая.

– А вот этого, amargo, тебе узнать, видимо, не придётся, – Нинлиль встала и отступила к чернеющему окну.

Адам резко обернулся. Их отражения мирно сидели рядом и улыбались до ушей. Но едва они поймали его взгляд, как их улыбки исчезли, а затем исчезли и лица – остались чистые овалы. Как на некоторых картинах Матисса или в японских легендах.

И тут же увесистая оплеуха ожгла его затылок:

– Сказано было тебе: в зеркало больше не смотреть!

– Ладно... – пробормотал Адам. – Прости. С техникой безопасности у меня всегда плоховато...

Он набрал в грудь воздуха:

– Считаю, что я тоже сделал Выбор.

Нинлиль внимательно посмотрела на него:

– Ну что ж. Твоя очередь.

47 [Ты пишешь неправильно]

Я слышу ля-ля-ля-ля,
я счастлив ля-ля-ля-ля.
Ты слышишь ля-ля-ля-ля,
ты счастлив ля-ля-ля-ля.
Он слышит ля-ля-ля-ля,
он счастлив ля-ля-ля-ля.
Мы слышим ля-ля-ля-ля,
мы счастлив ля-ля-ля-ля!

Л.Аронзон

tor@yahoo.com

Я не утверждал, что ты пишешь неправильно, но, к сожалению, наш компромисс достигнут только потому, что я взял как неизбежное: ты не принимаешь мои более чем скромные замечания, я уже не говорю о внедрениях и новациях. Приходится выкручиваться с помощью собственных средств. Но я не жалею. Единственная настоятельная просьба: убери фразу «схаменуйся, хлопче» – выглядит как контекстуальная дикость...

Если ты думаешь, что я переставляю главы только для игры, то это не так. Мои герои движутся из некоторого актуального будущего к исходным точкам, что позволяет избавиться от детективности любого сюжета, в котором акт преступления обязателен. Преступление я хочу заменить узловыми моментами, к которым устремлено желание героя.

И еще... Там, где я заменяю прошедшее время на настоящее, это имеет важное значение, так как указывает, что на героя оказывается внешнее психологическое воздействие в рамках несанкционированных воздействий психоделической цивилизации.

Это также касается эпизодов, где сон, галлюцинации и бред. Ключ к пониманию таких эпизодов с непривычным временным рядом эксплицирован в истории Крога.

el@hotmail.com

Ты таки да утверждал, что я пишу неправильно – например, что нельзя создавать героев из себя. Мое же глубочайшее и многолетнее убеждение, что только из себя их создавать и нужно (да ни из чего другого и невозможно, это наш единственный материал!). Но это мы уже дебатировали, верно? Главное, что компромисс достигнут. Твои замечания и новации я как раз принимаю – а что не все, так и ты мои не все, не так ли? Вот и фраза «схаменуйся, хлопче» для меня совершенно не выглядит как контекстуальная дикость (герои свободно владеют славянскими и иными оборотами речи, они у меня ещё и на латыни заговорят, дай срок, не говоря уже об английском; но если она тебя так уж царапает, могу убрать, только вопрос, понравится ли тебе то, на что я её заменю). Точно так же совершенно естественна фраза «...ваших зморовичей» – в **этом** мире Зморович известен не менее Моцарта, только и всего. И так далее. Мне вон тоже кажутся дикостью твои перебивки с гейшей и многое другое, но я же не возражаю –

вероятно, ты знаешь, что делаешь; так почему бы тебе не предположить то же самое обо мне?

Вполне верю, что ты переставляешь главы не просто так, а со смыслом – но мои-то герои движутся несколько иначе, все-таки в основном из прошлого в будущее, и не всегда твои перестановки их движению соответствуют, поэтому не все перестановки меня устраивают. Думаю, что и это вполне возможно решить в рабочем порядке. Например, какие-то главы могут повторяться с некоторыми изменениями, а?

С временами мне надо смотреть каждый конкретный эпизод, так сходу не могу ни возразить, ни согласиться. Где-то, вероятно, меня это устроит, а где-то нет, потому что стилистическая целостность для меня гораздо дороже смысловой. Сны и галлюцинации у нас, строго говоря, практически везде (как и в жизни), разве не так? В истории Крога я как раз ничего не менял, как мне кажется, но вот насколько это ключ – пока не знаю. Было бы вообще-то неплохо, если бы ты побольше рассказал о своих замыслах, дабы я поменьше ломился в открытые двери. А?

tor@yahoo.com

Я не против иностранных фраз, но против стилистической глупости (которой ты из зазнайства так гордишься). Старик, надо быть скромнее. Фраза «схаменуйся, хлопче», возможно, имела бы смысл, если бы разговор дальше был продолжен на украинском...

Между прочим, я не утверждал, что **нельзя** создавать героев из себя, я всего-навсего протестовал против твоего утверждения, что Я создаю героев из себя. Протестовал, потому что это не так. Допускаю, что это самый примитивный способ писать прозой, но, если тебе нравится, я не против...

Что касается Зморовича и его предполагаемой известности «в этом мире», то на этот счет ты бы лучше справился у него. Упоминать Зморовича в твоём контексте звучит как насмешка. Если ты это не понимаешь, то я могу только сожалеть. Ты считаешь себя стилистом, но, как это ни парадоксально, именно стиль твоё самое слабое место, зато ты твердо придерживаешься «смысла» и последовательности «сказывания», которую я тебе «порчу» своими временными инверсиями.

Что касается снов, галлюцинаций и т.п., то я тебе не о том писал. Я имею в виду, что когда я неожиданно для тебя меняю прошедшее повествовательное время на настоящее диалоговое, то это означает в эпизоде внешнее психологическое воздействие. В первом разделе с Крогом я сделал это более ясным. Там воздействие на Крога психотерапевта совершенно очевидно. Подобные конструкции теперь в дальнейшем повествовании будут восприниматься в соответствующем контексте. Воздействовать, между прочим, могут не только психотерапевты...

el@hotmail.com

Друже, давай согласимся, что у нас могут – и даже должны – быть неодинаковые представления о стиле и обо всем прочем, и это правильно, потому что никому на фиг не нужен второй ты или второй я. То, что ты считаешь стилистической глупостью, я считаю нормой. Мне нередко случается именно так

начать разговор – украинской фразой – и продолжать по-русски или по-английски, и ни у кого это не вызывает протеста. Продолжать разговор по-украински в данном случае совершенно не обязательно (хотя не исключено, что в дальнейшем герои и заговорят по-украински). Где ты тут видишь мою нескромность и тем более зазнайство, не знаю, и замечь, что я все-таки не позволяю себе разговаривать с тобой в таком тоне. Охотно верю, что мой стиль тебе кажется слабым, и даже не исключаю, что ты прав; я всего лишь нахожу его целостным.

Ты именно утверждал, что героев НЕЛЬЗЯ создавать из себя (твой дополнительный аргумент был: «Дай людям жить, как они хотят!»); а вот когда я тебе возразил, что ведь и ты делаешь то же самое, ты стал протестовать против этого, не ранее.

Относительно Зморовича – прекрасная идея, я сегодня же спрошу, что он думает по этому поводу, и если он тоже считает, что это насмешка, я немедленно уберу его фамилию, но если он так не считает, то мы, надеюсь, не будем к этому возвращаться, а будем работать дальше.

Работать так, как мы вроде бы договорились: каждый из нас имеет право вписывать что-то в текст и каждый имеет право убирать что-то; если же один из нас настаивает на своем и возвращает выброшенное, то оставлять пока – до окончательного редактирования (до которого, к сожалению или к счастью, еще весьма далеко). И замечь, что мне хотелось бы убрать очень многое из твоих вставок, но я делаю это по минимуму, потому что надеюсь рано или поздно понять твой замысел (хотя уже НЕ ПЕРВЫЙ РАЗ прошу тебя раскрыть карты полностью, как это с самого начала сделал я).

Итак, жду твоего продолжения :^)*

tor@yahoo.com

Удивляюсь, что ты беседуешь со мной как с глухонемым, надеюсь, что я воспринимаю только твои дружественные жесты. Никогда в жизни я не думал превратить тебя в меня (ты бы просто не выдержал) или самому превратиться в тебя (что у меня получилось бы не без удовольствия).

Мои стилистические вмешательства в твои тексты минимальны и касаются только фразы «схаменуйся, хлопче» (которую я ранее и не настаивал убрать, но оправдал в речи Алисы в другой главе, что ты вычеркнул – поэтому и возник этот разговор вновь). Другое мое неудовольствие было связано с беседой Адама и Нинлиль в самом начале. Я и сейчас убежден, что степень индивидуального реализма, связанного с твоими возможными впечатлениями и воспоминаниями, не соответствует общему тону повествования. Было бы лучше, если бы ты прислушался к этому моему замечанию. Нигде позже эти твои герои не обнаруживают такой степени инфантилизма и сентиментальности. В первую очередь это касается Нинлиль. Но я не настаиваю на исправлении. Считаю, что в состоянии сам найти выход из этого положения (хотя проще было бы сделать совсем небольшую стилистическую правку).

В «миру» контексты строятся по другому принципу, нежели в романе: говори как хочешь – я не в претензии. Но в тексте произведения герой, даже, если в нем присутствуют биографические черты, никак не является ни историческим, ни псевдо-, ни квази-историческим персонажем, хотя бы потому, что обращение к

биографии вызывает синхронное переосмысление, которое ты можешь и не замечать. Именно это переосмысление и является необходимым для автора, когда он обращается к биографии. Как психотерапевт я постоянно с этим работаю, помогая, например, завершать незавершенные гештальты и в других случаях. Поэтому не ты, конечно, но твои персонажи как бы оказались у меня на сеансе. К сожалению, случай более тяжелый, чем я вначале думал. Оказалось, что тебе легче убить персонажа, чем допустить его психологическое развитие. Тем более интересно мне показалось продолжить этот литературный эксперимент, в котором одни субъекты почти абсолютно ригидны, в то время как другие эмоционально толерантны к культурологическим внедрениям. Согласись, что предложенная мной мимика Нинлиль (с помощью воспоминания Адамом гейши) делает ее образ более загадочным и объемным, позволяя не заглядывать в ее сознание (как ты того и хотел)...

Если ты думаешь, что мне ясен твой замысел, то это не так. Мало того, я и не хочу его постигнуть: это мешало бы моему развитию в романе. Мне и мой-то замысел еще до конца не ясен. Хотя некоторые особенности выкристаллизовались довольно ярко (к сожалению, это пока не сюжет, в построении которого я ранее был наиболее силен). Правда, сюжетопостроение я сознательно отодвинул «на потом», учитывая, что это может мешать твоему развитию.

В настоящее время я занят анализом «мнительностей» (галлюцинаций, бреда, снов и т.п.), уже возникших в романе, и приведения их в некоторую доступную пониманию систему. Также пытаюсь немного развить эпизодические образы.

Не обращай внимание на стилистические погрешности новых текстов: я так пишу: вначале набросок, затем рисунок, затем отделка штрихи, идеи, объем, etc. И не обижайся на критику, как юноша, не помышляющий исправиться в виду отсутствия средств. Такому зрелому, как ты, автору это просто неприлично...

el@hotmail.com

Старик, извини, но совершенно не припоминаю, чтобы я вычеркнул что-то из речи Алисы – однако тебе ничто не мешало и сейчас не мешает вернуть вычеркнутое, и далее мы этот спорный момент, если он есть, опять-таки оставим до окончательного редактирования. Относительно мимики Нинлиль – нет, не соглашаюсь, мне это, да еще с гейшей впридачу, кажется столь же неоправданным и ничего общего с Нинлиль не имеющим, как тебе – «схаменуйся, хлопче!»; но я не вычеркиваю это, так как, повторяю не в первый и не во второй раз, надеюсь понять твой замысел. Т.е. то же самое – до окончательного редактирования.

Сеанс психотерапевта – это вообще-то совершенно не то, о чем мечталось, но у каждого, как ты сказал, свои методы. Героя я НЕ убил – его самоубийство, разумеется, лишь наркотический глюк, да и задумано им не в качестве самоубийства. Инфантилизм и сентиментальность мои персонажи ещё будут, полагаю, проявлять не раз – им виднее, когда и как. Как ты и советовал, я стараюсь дать им жить так, как они хотят. Что такое "ригидны", не знаю. Не беда, узнаю со временем.

Мой замысел я тебе излагал достаточно подробно в самом начале.

На критику я не обижаюсь – хотя не понимаю, почему критику надо проводить с обличениями в зазнайстве, глупости и т.п.

Зморович в полном восторге от упоминания его фамилии в данном контексте и желает нам и далее творить столь же гениально! Так что по крайней мере этот вопрос, надеюсь, решён.

P.S. Кстати, не кажется ли тебе самому странным твое предложение не обращать внимания на твои стилистические погрешности и одновременное недовольство моим стилем? Естественно, у меня тоже надо будет многое менять, но пока меня устраивает то, что получается – в первом приближении.

48 [Только для простых чисел]

Вглядитесь, сколько вокруг необыкновенного: один слышит дальние голоса, другой принимает участие в работе Тонкого Мира, третий видит земными глазами сущностей Тонкого Мира, четвёртый светится, пятый поднимается в воздух, шестой ходит по воде или сидит на ней, восьмой поглощает яды без всякого вреда для себя, девятый не нуждается в сне, десятый – в пище, одиннадцатый видит сквозь непрозрачные тела, двенадцатый пишет одновременно двумя руками различные тексты, тринадцатый может привлекать к себе животных и разговаривать с ними, четырнадцатый понимает любой язык без знания его, пятнадцатый читает чужие мысли, шестнадцатый читает закрытую книгу закрытыми глазами, семнадцатый не испытывает болевых ощущений, восемнадцатый среди льдов и снегов исходит жаром, девятнадцатому не знакомо чувство утомления, двадцатый может лечить людей своим биополем, двадцать первый предсказывает будущее...

А.Тер-Акопян, «Агни Йога – небесный диктант»

– Однажды мне приснилась некая математическая теорема, – неторопливо рассказывала Чебурашка, одновременно деловито добавляя в свой кофе ложечку за ложечкой сливочное мороженое. – Я проснулась и прекрасно всё помнила: и условия, и доказательство. Разбудила мужа и рассказала ему. Но он-то, математик хренов, ничуть не был впечатлён и сказал только, что это-де теорема Гаусса, её сегодня каждый школьник знает, да и доказательство моё работает только для простых чисел!..

– Ну и муж у Вас, однако... – покрутил головой Адам.

– Уже не у меня. Я его немедленно выставила. В буквальном смысле притом – среди ночи и без штанов. Надеюсь, его следующая супруга окажется более толерантной.

Летописец вдруг процитировал:

– «...Город Петра неприступен частью из-за моря, частью из-за обрывистых скал, на которых он расположен. Из-за них он и получил своё название. Те, кто вначале строил город, позаботились о том, чтобы стена в том единственном месте, где к городу подходит дорога, не была удобной для нападения, и возвели здесь как можно более высокие стены. По обе стороны стен они выстроили башни, но не так, как обычно, а иначе. В середине постройки они нигде не оставили пустого пространства, но от земли до самого верха целиком возвели башни из огромных камней, соединённых друг с другом так, что их невозможно было разрушить тараном или какой-либо другой машиной. Однако парфяне, тайно сделав подкоп у основания, оказались под одной из башен и, вынеся оттуда много камней, вместо них положили дрова, которые затем подожгли. Пламя, постепенно поднимаясь, разрушило крепость камней и, раскачав всю башню, внезапно в один миг обрушило её на землю. Ромеи, находившиеся на башне, почувствовали, что происходит, ещё до того, как она упала на землю, и, убежав, оказались внутри городской стены. Врагам, штурмующим по ровному месту, без всякого труда удалось бы захватить укрепление. Посему ромеи, устранившись, вступили с

варварами в переговоры и сдали добровольно себя самих и город. Так парфяне захватили Петру. Ромеи же, сохранив, что у них было, присоединились к мидийскому войску...».

– Не тратьте зря силы, – посоветовал Адам. – На каждую Вашу цитату у меня найдётся три контрцитаты. Закажите лучше себе среде khgacharuri – хотя к настоящим хачапури они имеют весьма приблизительное отношение, тем не менее в целом довольно вкусно.

Летописец впервые проявил некоторое самолюбие:

– А ну-ка, проверим! Хотя бы одну контрцитату!

– Да пожалуйста! – пожал плечами Адам. – «Из всех этих разрушений, из пришествия новых народов возникают новые языки, как показывают те, на которых стали говорить во Франции, Испании, Италии. Изменились наименования не только областей, но также озёр, рек, морей и людей. Так, например, По, Гарда, острова Архипелага, чтобы не упоминать многих других, носят теперь новые названия, представляющие собой сильнейшие искажения старых. Людей теперь именуют не Цезарь или Помпей, а Пьетро, Джованни и Маттео. Но из всех этих перемен самой важной была перемена религии, ибо чудесам новой веры противостояла привычка к старой, и от их столкновения возникали среди людей смута и пагубный раздор. Люди, живя среди стольких бедствий, во взоре своём отражали смертную тоску своих душ, ибо, помимо всех горестей, которые им приходилось переносить, очень и очень многие не имели возможности прибегнуть к помощи Божией, надеждой на которую живут все несчастные: ведь по большей части они не знали толком, к какому Богу обращаться, и потому безо всякой защиты и надежды жалостно погибали. Тем временем Юстиниан заключил с парфянами мир и уже задумал было послать новые войска на освобождение Италии, как ему воспрепятствовали в этом славяне, новые пришедшие с севера племена, которые переправились через Дунай и напали на Иллирию и Фракию, так что Тотиле удалось завладеть почти всей Италией...».

Летописец вскинул руки вверх в безмолвном жесте признания.

– Да это ещё что! – легкомысленно заявил Адам. – В юности я зарабатывал себе на жизнь, сочиняя стихи на заказ по опорным рифмам и теме за три минуты!

– Ой, а это как? – Чебурашка оторвалась от своего кофе-гляссе.

– А очень просто. Дайте мне несколько слов, которые будут опорными рифмами, и тему стихотворения – и подождите три минуты.

– Так! Позвольте мне! – вновь загорелся Летописец.

– Нет уж! Теперь моя очередь, – возразила Чебурашка. – извините, шеф! Вот рифмы: коньяк, текила, пиво! А тема...

– Ну хоть тему-то дайте мне задать! – потребовал Летописец. – А? А то я подумую, что Вы с ним в сговоре!

Чебурашка пожала плечами:

– Ладно, валяйте, босс!

– Итак, тема... Любовь и ревность... нет!... любовь, ревность и бешеная скачка!

– Элементарно, Ватсон, – ухмыльнулся Адам. Он допил свою безалкогольную «Маргариту», сделал вид, что весьма сосредоточился, и начал:

Горы снежные белеют.
Утру радуется всяк.
Скромно вышел на аллею
конь по имени Коньяк.

Чебурашка рассмеялась. Адам без запинки продолжил:

Сразу юная кобыла
гордой масти золотой
с пылким именем Текила
закрутила головой!

Летописец скривился. Адам строго глянул на него:

Всё сложилось бы красиво:
смех, любовь, законный брак...
Но кентавр, зовомый Пиво,
вдруг покинул свой овраг!..

– Да так-то я и сам могу насочинять! – возмутился Летописец. – Это ж по анекдоту: встречаются в желудке коньяк и пиво, и пиво заявляет: «А ну давай выйдем, поговорим!...».

– Ну так и сочиняйте, кто ж мешает? – пожал плечами Адам.

– А по-моему, классно, – возразила своему начальнику Чебурашка. – И я, кажется, знаю продолжение:

Зачем ты явился не в добрый час?
Быть может, задумал месть?
А может, ты
Поздравишь нас
И выпьешь в нашу честь?..

– Точно! – согласился Адам. – Сам того не подозревая, я сочинил песню. Только припев надо ещё. Сейчас...

Эй, лей, не жалея,
да закусывать умей!
А кто пьян, да пригож,
на кентавра тот похож!

– Песенник! – буркнул Летописец. – Братвурст Молодший! Да кто сможет спеть слово «всяк», а?

– Завидуете, шеф! – поддела Чебурашка. – А ведь тут скрыта та глубокая мудрость, которой учили пращурь: «Девочки и мальчики! Не пейте! Но уж если пьёте, то не напивайтесь! Но уж если напиваетесь, то не смешивайте напитки! Но

уж если смешиваете, то хотя бы не понижайте градус! А то ой как плохо потом будет!...».

– Вот именно! – раздался голос от двери.

Голос, который Адам узнал бы из тысячи других голосов.

Он обернулся.

На пороге стояла Линда.

Не Нинлиль.

Она сделала короткий шаг вперёд – так, как будто её толкнули в спину. И за нею обнаружился тот, кто действительно её толкнул – О’Хэра. В штатском.

– Они разгромили-таки орден, – бесцветным голосом сообщила она Адаму.

– Ну что, Junior, – торжествующе спросил ревенант, – не пора ли Вам снова и на сей раз всерьёз призадуматься над моим вторым предложением?

Но прежде чем Адам успел ответить, вмешался Летописец:

– Pardon me, magister militum, но Ваш подопечный уже работает у меня. Мы вот как раз сейчас пропиваем его первый аванс.

– Пропиваете? – ехидно переспросил полиглот в штатском. – Это непьющие-то?

– Ну почему же сразу «непьющие»?

– А что это Вы так, вопросом на вопрос? Вы что, тоже еврей?

– А идише гой, с Вашего разрешения, – невозмутимо отвечивал

Летописец. – Жну там, где не пахано, и охочусь там, где не ступала нога биоморфа. Так что присаживайтесь, magister, you’re always welcome. May I buy you a drink?

– У нас с собой было... – пробурчал бывший капитан, садясь и извлекая заветную флягу.

49 [Та же параллель]

К этому приходится добавить, что в настоящее время работающие на памятниках Хазарии археологи вообще имеют поверхностные знания по истории культа иудаизма, в том числе его материальной стороны: авторы имеют в виду и себя.

В.С. Флеров, В.Е. Флерова, «Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников»

– ...Кстати – правомерно ли видеть переклички между этой концепцией и манихейским взглядом на мир, как на пленение Света силами Тьмы? Та же параллель – между разбиением Сосудов и манихейским разрушением Первочеловека...

Бормоча всё это себе под нос, Адам взвешивал на руке меч, проверяя его баланс. Но Летописец, как всегда, слышал всё и отвечал немедленно:

– Разрушение Первочеловека как сосуда Света – это не оригинальная манихейская традиция, а скорее саббатинская, отражённая в Герметическом Корпусе и других текстах. Мидраши толкуют сотворение Света как сотворение сияющего Первочеловека. И Первочеловек этот будет восстановлен в конце времён.

– А вот Вы задумывались когда-нибудь: почему парфяне отказались от митраизма, и он утвердился у их противников? – Адам несколько раз взмахнул мечом слева направо и вверх.

– А о чём тут задумываться? Ромеи, не раз битые парфянами, решили в конце концов, что стоит взять на вооружение их мощное божество, после чего парфяне сочли своего бога как бы осквернённым и постепенно отвернулись от него. Это, в свою очередь, впоследствии ускорило победу ишмаэлитов над ними.

– Сугубо временную. Хотя и внушительную.

– Это ещё как сказать. Панцирная конница Эраншахра бежала от лёгкой арабской кавалерии, как от чумы... такое не забывается.

Лезвие описало сверкающую дугу над головой Летописца:

– А зря Вы не поели – кто знает, когда удастся подкрепиться в следующий раз! И удастся ли вообще...

– Видите ли, я исповедую правила Ямы и Ниямы, – спокойно ответил Летописец.

– А это ещё что?

– А это свод положений, связанных с внутренним усовершенствованием...

– Хорошо хоть, не наружным.

– Очень смешно!.. Так вот, начинается свод с Ахимсы. Это стремление не причинить никому вреда, будь то человек или куст, в поступках, словах и мыслях. Сюда также входит освобождение от страха и гнева.

– Вот это как раз то, что мне надо... Одну минуту, как будем драться – до первой крови?

– Вот именно. Вашей притом.

Заявление это в устах безоружного человека, стоявшего против Адама, вооружённого двуручником, могло бы показаться нелепым бахвальством. Но Адам

уже не раз имел случай убедиться, что Летописец не так прост, как пытается порой показаться, и только кивнул.

– Итак, начали!.. – Летописец резко ушёл влево. – Статья: искренность и правдивость в словах и делах. Клевета, ложь, оскорбление, глумление над ценностями других – исключены. Контроль над речью, что ведёт к освобождению от злобы. Свобода же от злобы – путь к милосердию.

– Звучит заманчиво... – Адам повёл клинком в сторону противника и не удивился, когда понял, что тот опережает его секунд на семь, не переставая при этом говорить и даже не сбивая дыхания:

– Далее – Асхей: запрет на любые форму злоупотребления. Это освобождение от алчности, зависти и всевозможных лживых соблазнов. Затем – Брахмачарья...

– Знаю, это... прекращение... сексуальной жизни! – Адам сделал резкий выпад. Мимо.

– Не обязательно и не только. Это вообще умеренность во всём. В мыслях, делах, словах. Если Вы воздерживаетесь от секса, а в мыслях у Вас сплошные оргии, то уж лучше не воздерживайтесь, но и не фиксируйтесь на этом. Стремление к наслаждениям должно быть поставлено на место...

– А!.. – Адам снова сделал выпад и снова мимо, – ...а где же оно, это его место... а?

– Да именно там, где оно не ведёт к ненужной трате сил и отходу от гармонии. Ну вот, потом – Алариграха: неприятие накопительства, даров, подношений. Это всё – ступень Яма. А уж следующая, высшая – Нияма... – ладонь Летописца прошла очень близко от Адамовой головы, и было вообще непонятно, как он смог и посмел проникнуть за линию достижения клинком.

– Так... это Вы мне... расскажете... немного позже... Скажите покамест: Вы... с тех пор... видели снова... живого кентавра?

– Настоящего или биоморфа?

– Вот это номер! – Адам чуть не выронил меч. – То есть Вы... допускаете, что есть и «настоящие»?! Помимо биоморфов?!

– Ага! Я не напрасно начал Вам рассказывать о своде правил. Ничего не бывает случайным! Позвольте уж рассказать дальше, и тогда Вы поймёте...

– Валяйте, что с Вами поделаешь... Только, please, не тяните резину, хватайте суть... – клинок почти коснулся плеча Летописца. Но именно почти.

– Итак, Нияма. Начинается с Шаочи: духовного и телесного очищения. За ним следует Сантоша...

– Тоттоша и Кокоша... – Адаму хотелось выругаться, но он постарался собраться и снова атаковал. Снова безуспешно.

– Это удовлетворённость от уничтоженной алчности и стремления к соблазнам. Здесь просыпается настоящая щедрость, пожертвования от себя самого, а не просто от избытка.

– А!..

– Затем – Тапас: строгость, самодисциплина. Включает выполнение необходимых гигиенических процедур, закаливание и тренировку тела, а также культуру речи и правдивость, ежемесячное молчание в течение определённого времени...

Неожиданно Летописец схватил Адама за кисти рук, одновременно ударив его в бок коленом. И тут же отпустил и отскочил, продолжая говорить без остановки:

– Свадхьяв: самообразование, познание своей души, самовоспитание, расширение кругозора. Йшвара-пранидхана: преданность высшим идеалам, посвящение себя добрым делам, искреннее служение избранной иерархии ценностей...

– Чёрт!! – лезвие почти уткнулось в грудь Летописца. Но опять-таки почти – он снова ускользнул.

– ...если они не противоречат другим положениям свода Ямы-Ниямы!

– Как Вы... это делаете?!

– Хотите перерыв? – невозмутимо спросил неуловимый. – Tell a story, erect a mythology, walk the walk. Заметьте, я ещё даже ни разу не ударил Вас всерьёз. Хотя мог бы уже не раз.

– Но ведь и я ни разу не пытался рубить – только колол! Так что...

– А не бойтесь – рубите! Хоть рубите, хоть колите – Вам меня не достать. Вот будь у Вас в руках рапира, тогда бы я не поручился...

Адам, мысленно взмолившись Метатрону о помощи, со всей возможной силой и скоростью нанёс удар сверху и справа вниз, по голове Летописца. В тот же момент его руки оказались снова зафиксированы, а колено противника снова ударило, на сей раз сильнее. Правда, этого Адам уже ждал и встретил удар своим коленом, а секундой позже и руки высвободил. Но именно этой секунды Летописцу хватило, чтобы сильным ударом головы сбить Адама, так и не выпустившего из рук меча, с ног.

В дверях возник Мунд, как обычно, в подпитии, и меланхолично пропел:

Alles geht vorueber, alles geht vorbei.
nach jedem Dezember, kommt ein Mai...¹⁵

– Девочки, выведите-ка этого потомка вандалов и вестготов, – распорядился Летописец, – он нам мешает!

Алиса и Чебурашка, разминавшиеся на соседнем ковре, молниеносно переместились к двери, и Мунд шарахнулся от них, как альраун от эльфов, с отчаянным воплем:

– Ich fühl euch alle durch die matten Räume!¹⁶

– Всё-таки, как Вы это делаете? – спросил Адам, тяжело поднимаясь.

– У меня секретов нет – слушайте, детишки. Говоря в общем и целом, и против колющего оружия, и против рубящего схема одинакова: уход корпусом с линии атаки в мёртвую зону. То есть при нападении правши – в левую, и наоборот. Далее: стараться выбить оружие, но бить при этом не по оружию, а по атакующей руке с оружием. Либо фиксация оружия и вход с ударами. Рубящее оружие имеет ту особенность, что вооруженный им работает циклично: ударил – отвёл руку, как бы заряжаясь на повторный удар. У профессионала соотношение длительности

¹⁵ Всё всегда проходит, всё опять пройдёт,

После декабря к нам снова май придёт... (герм.)

¹⁶ Я чую вас сквозь тусклые пространства!.. (герм.)

первого и второго цикла – один к одному, потому что, нанося удар, он забирает руку назад; у непрофессионала же оружие выносит вперед, за счет чего короткий удар сменяется длительным заряданием. Соответственно, моя задача сводится к тому, чтобы опознать направление и траекторию удара; уйти с них на стадии удара; войти в контакт с противником на стадии зарядания. После чего необходимо фиксировать руку с оружием – весом собственного тела, например, нанося при этом град ударов максимальной силы, лучше всего в голову, и не освобождать оружия до тех пор, пока противник способен оказывать сопротивление. В идеале он должен выронить его, теряя сознание.

– Размечтались!

– Да, с Вами это не прошло бы, пожалуй. Тем не менее сбить Вас с ног, как видите, было не так уж сложно. Контакт с противником облегчается тем, что длинное оружие – это рычаг, максимальное усилие которого на конце; у кисти, держащей оружие, оно существенно меньше, а при прихватывании руки – минимально. Конечно, бьёт не оружие, а человек: если противник тренирован, он встретит меня коленями и локтями. Вы об этом догадались не сразу, из чего легко было заключить, что Вы не очень-то тренированы. Будете спорить?

– Не буду.

– Правильно делаете, – Летописец протянул руку и коснулся лезвия меча. – Ваша железка весьма длинная и увесистая, что создаёт проблемы нам обоим, конечно. У длинного оружия максимальное усилие на конце и минимальное в руке – значит, моя задача войти в Ваш цикл и на мертвой фазе захватить руки. Опять же, многое зависит от траектории удара. При вертикальной или горизонтальной это проще, но и меченосец устает меньше, а значит, дольше способен наносить удары. А вот если траектория вначале вертикальная, а потом горизонтальная, контакт гораздо опаснее. При такой траектории я постоянно рискую получить клинком в голову или в грудь. Зато и Вам на подобной траектории долго работать не удастся. Так что для меня проще всего было держаться на дальней безопасной дистанции, рассчитывая на то, что Вы скоро вымотаетесь, и цикл пропорционально удлинится.

– Ещё раз: кто Вы такой?

Летописец ухмыльнулся:

– Не задумывались, почему, собственно, в нашей организации Вы – единственный мужчина? Не считая меня, конечно. И к слову о кентаврах...

– Кентавров не существует... – заорал уже из коридора Мунд. – Их нет, никогда не было и никогда не будет!!

– А вот святой Антоний считал иначе, – возразил Летописец, не повышая голоса и, видимо, не сомневаясь, что Мунд услышит и так. – Он видел их и разговаривал с ними. И Франциск Ассизский тоже. Да если уж на то пошло, то и царь Соломон, которому, как это хорошо известно, кентавр – Китоврас – помогал строить Храм... Не так ли? – обратился он за подтверждением к Адаму.

Адам предпочёл промолчать.

50 [Открывается школа магии]

Ю с т и н и а н. Первый Рим пал! Второй Рим – это мы! И будем
стоять вечно! А третьему – не бывать!

А.Плоткин, «Рождение империи»

– ...и тут я увидела объявление, что-то такое: «В Москве открывается школа магии. Для школы требуются преподаватели по следующим предметам: 1. Тайны древних цивилизаций. 2. Мифы народов мира. 3. Сверхъестественные существа...». И я, перечитывая это объявление, поняла, хотя и смутно: кажется, империя кончается!

– Кончается, но не кончилась. Она ещё лет триста будет кончаться, как минимум. Миф не может кончиться, вот в чём дело. Он долго, практически бесконечно, может работать...

– ...в аварийном режиме? Как с Храмом, когда он разрушен, да?

– Смотря что ты называешь аварийным режимом. Это как считать бороду дополнительной антенной для связи с космосом, как будто длинных волос недостаточно...

– Назореи.

– Угу. Ну вот, а потом – Храм никогда не был и не мог быть разрушен полностью.

– Второй или Первый?

– В смысле? Храм бывает только Первый, он же Единственный. И когда его – по видимости – нет, то, да, якобы наступает время аварийного режима управления Вселенной.

– Какой?

– В смысле, которой из Вселенных?

– Ну да, – Нинлиль рассеянно шурилась, глядя на улицу, спешащих прохожих, скачущий рысью отряд конной стражи, барражирующий вертолёт-беспилотник, тающее в её стаканчике мороженое, обрушившийся фронтон библиотеки имени Синей Бороды. Командир конников приостановил коня и послал Нинлиль из-под пернатого шлема ухмылку всепобеждающего мачо.

– Начистить бы тебе хохотальник... – пробурчал Адам.

– Услышит – получишь удар шокером, – предупредила Нинлиль. – А подслушки у них ого-го, ты в этом уже убедился, верно?

– Верно-верно. Да вообще посмотреть, так даже вроде порядка у них прибавилось. Вот взгляни на их знаки различия: вон тот, судя по всему, descent armaturae, то есть инструктор для новобранцев; вот эти – signifier, optio, tubicen...

Запищал ноутбук. На экранчике появилось недовольное лицо Летописца:

– Учишь вас, учишь... какой там tubicen! Эту должность отменили ещё при лысом! Tesserarius это!

Нинлиль лизнула капающее мороженое, откровенно смеясь. Адам же, как всегда, заспорил из одного желания спорить:

– А не Вы ли утверждали недавно, что уместнее называть это не реконструкцией, а маскарадом?

– Утверждал и буду утверждать. Потому что облачиться в восстановленный до мелочей костюм, но при этом болтать на современном волапюке – нонсенс. Если реконструируешь нечто внешнее, реконструируй и внутреннее. Если ты восстанавливаешь всю систему легиона, то будь любезен с соратниками беседовать...

– На золотой латынской мове, да-да! Когда-никогда переходя на сабинский диалект! А которые не способные, те шагом марш в ауксиларии! И пушай там по-гаэльски ругаются!..

– Нет, не на золотой, а как раз таки на вульгарной, но суть от того не меняется. Научись, облачаясь в историческую одежду, не просто переодеваться, но и входить в образ: люди прошлого держались иначе, иной была походка, осанка, поворот головы, выражение лица. Иными были произвольные реакции – их надо реконструировать тоже. Короче говоря, почувствуй время прежде, чем восстанавливать жившего в нём человека. Одного человека. Тем более целую Империю.

Адам глубоко вздохнул:

– Вот это то, в чём мы с Вами никогда не сойдёмся. Для меня самая идея восстановления Империи, пусть с каким угодно человеческим лицом, брегова и кошмарна по определению. Имперцы делят мир на своих и чужих, они убеждены, что являются носителями истины в последней инстанции, а все прочие заблуждаются. Более того, они полагают, что гонимы за эту истину. И то, что они страдают, является для них указанием, что истина с ними! Иначе с чего бы их преследовали? И они отчасти желают даже пострадать, желают получить в торец – это же ещё одно, очередное доказательство, что истина с ними. Имперец почти всегда существо, пребывающее в убежденности, что враги собираются сделать ему бо-бо. И где-то он склонен форсировать события, как бы жаждет, чтобы ему кто-нибудь дал по морде – а тогда уж можно развернуться во всю ширь таланта, греметь, громить и грабить! Приговаривая при этом что-нибудь вроде: о, мы, имперские, долго запрягаем, но зато уж как быстро едем!.. И тут уж туши свет и прячь детей в подвале – надвинулся inferнальный ужас: имперец в ярости!.. ох, третьеримская особая тройка, и какой же кретин тебя выдумал...

– И как, очень похоже это описание на меня? – любопытствовал
Летописец.

– Пока нет, а завтра кто там знает.

– А завтра нам помогут кентавры!

Адам захохотал так, что Нинлиль чуть не выронила мороженое. Летописец вдруг улыбнулся слегка смущённо:

– Конечно, в чём-то Вы правы. Я бы сказал по-борхесовски кратко: Третий Рим – это плод противоестественного сожительства поручика Ржевского с Победоносцевым, привидевшийся Андропову в наркотическом сне.

– Борхес завистливо облизывается в своём касталийском раю, я же скажу по-катоновски настойчиво: а не говорил ли я Вам, что империя есть хрен знает что?!

– Империя империи рознь.

– Знамо дело. Вот ежели вызвать империю в сенат на ковёр, да продраить её с песочком, так оно и ничего себе будет, да? Никаких тебе там живых факелов для

освещения арены и протчего душегубства – так, обнаковенное утопление в Тибре.
И то не всех подряд.

- А исключительно по рапортчке Квиринальского райкома.
- Именношто, как говорят в районе Субуры.
- Вы долго ещё собираетесь развлекаться? – поинтересовалась Нинлиль.
- А что, лейтенант, мы куда-то опаздываем?

51 [Оружие выдавалось всем]

Ubi sunt, qui ante nos
In mundo fuere?
Vadite at superos,
Transite ad infernos,
Ubi jam fuere!
«*Gaudeamus igitur*»

– Но согласитесь: военная реформа – это было смело, это было ново! Войны уничтожались на корню. Оружие выдавалось всем воюющим условное, без патронов и с просверленными замками, а после битвы расстреливался определённый процент участников. По жребию, – Адам почему-то облизнулся. – Военачальники обеих сторон обменивались расстрельными списками, и арбитражный международный суд решал, кто тут победил!

– Было уже, было, – Летописец пожал плечами, забывая, что этого в темноте не видно. – В том числе в глубокой древности: радуйтесь, ромеи, вы победили, ибо этруски потеряли на одного человека больше!.. Да это же всего лишь утопическая попытка придать политический смысл метафизике возможных миров. Разумеется, каждый возможный мир может породить из себя новый возможный мир, словно очередной гностический эон: например, мечты и особенно сны персонажа литературного произведения образуют вокруг себя особый мир, а из предметов и примет этого мира опять же может родиться мир и так до бесконечности. Но это порождение миров сдерживается простым решением: воля человека к действию, в том числе политическому, определяет этот первый возможный мир либо как близкий, либо как чуждый. Если мир оказывается близким, то соответственно, он начинает приобретать черты самого субъекта, имеющего дело с этим миром, а если чуждым, то тогда он ограничен в своих проявлениях и сводится только к одному какому-то «сюжету». Скажем, фантазия героев оказывается направлена только на постижение этой реальности – только и всего. Здесь интересно не то, что субъективность превращается исключительно в цензурную инстанцию, которая в свою очередь полностью зависит от притяжения и отталкивания, а то, что различие между автором и читателем только в том, кто первый ощутил к этому миру симпатию или антипатию и завещал другим разобраться с этой своей эмоциональной реакцией. Нет, войны не уничтожались, какое там – они просто загонялись вглубь! Утопия на короткий срок... и вскорости снова – вместо муляжей настоящие бомбы...

– Пожалуй, Вы правы...

– Знаете, я поймал себя на мысли, что воспринимаю средние века как глобальный период советской власти со своей манихейско-митраистской партийностью, ГУЛАГом и навеки заведенной пирамидальной устойчивостью бытия, – Летописец вытянулся на траве, глядя в звёздное небо. – Еще, из числа тех же обобщений: настоящим наследником Римской империи оказалась не выморочная Священная Римская империя кельтской нации и уж точно не Византийская, а скорее Британская! Ну, а России-Азиопе по этой шкале более всего соответствует

почетное место наследницы Эраншахра. Собственно, даже непонятно, как это так вышло, что Парфия доселе не присоединила Россию...

– ...и Туран заодно...

– Точно! – Летописец перевернулся на живот. – Однако снова мой черёд рассказывать сон. Итак: я приехал в Петербург в гости к бывшему однокласснику, и мы с ним пошли гулять. Район напоминал окрестности проспекта Обуховской обороны. Мы вошли в вестибюль метро, который снаружи был похож на станцию «Елизаровскую», а внутри скорее на «Васильеостровскую». Когда мы стали спускаться вниз по эскалатору, в нашей компании появился ещё один парень, не знакомый мне. Потом – ещё один и так далее. Мы спустились, уже всемером, на станцию метро – и ею вдруг оказалась «Площадь Александра Невского», где стены выложены золотыми «чешуйками», типа символизирующими кольчугу. На платформе людей было немного, и это были преимущественно налысо стриженные молодые люди в чёрном и в тяжёлых ботинках. Внезапно со всех сторон нас окружили люди в пятнистой униформе и уложили всех, в том числе и меня, мордой лица в пол. Я был в панике, не понимая, что происходит. Затем менты разобрали одну из стен, покрытых золотой чешуёй – и там внутри оказался алтарь: вся ниша была застлана красными знамёнами, повсюду стояли золотые орлы, портреты вождей, наградные знаки лежали, горели чёрные свечи! Для меня это был страшный шок – меня приняли за одного из тех, кто исповедует крайние имперские взгляды! Это было мне во сне крайне обидно – я-то в то время был буддистом и убеждённым пацифистом, я же просто в метро спустился и оказался здесь среди этой банды совершенно случайно!! И вот меня за шиворот подняли на ноги, и молодой мент очень вежливо попросил меня протянуть руки и заковал их в наручники – почему-то не у меня за спиной. И сказал: «Поднимайся по эскалатору в вестибюль и жди там!». Я подошёл к эскалатору и к своей досаде увидел, что они его выключили! Пришлось подниматься пешком. А оказавшись наверху, я с удивлением обнаружил, что вестибюль метро никем не охраняется, и выход тоже. Я осторожно вышел на улицу, но и там никто из полиции не стоял. Недолго думая, я решил дать дёру. Но бежать по улицам со скованными руками было стрёмно. Я забежал в какой-то двор и об торчавший из стены кусок металлической арматуры разорвал цепочку наручников, и спрятал браслеты под рукава куртки. Однако идти-то мне было некуда. Домой к своему другу я не решился возвращаться, хотя там были все мои вещи и деньги, без которых обратно я уехать не мог. Подумав, я решил вернуться на квартиру к другу на следующий день. А пока мне нужно было где-то переночевать. Тут я увидел одно старое здание непонятного назначения и решил посмотреть, что внутри. Дом, похоже, раньше был фабрикой, теперь заброшенной. И я решил подыскать себе здесь место для ночлега. Вошёл в один зал, а там из одного конца до другого на верёвках развешено серо-белое постельное бельё. Справа от меня тусклый дневной свет пробивался сквозь матовое непрозрачное стекло. А окно такое большое: от пола до потолка и на всю стену. Я шёл по комнате, раздвигая перед собой простыни. И я увидел, как рядом с этим окном на диване, обтянутом чёрной кожей, сидит девушка и читает книгу. Девушка стройная, загорелая, рыжеволосая, одета в чёрные джинсы и чёрный топ, обнажающий её плоский живот и сильные красивые руки. Но лица я не видел – словно его и не было. Я опустился на пол рядом с диваном, прислонившись к нему

спиной, и через плечо говорил с девушкой. Взял у неё эту книгу: какой-то массовый женский роман. Возвращая ей книгу, я сказал: «У меня есть книги получше. Надо будет дать тебе почитать!». Потом я почувствовал, что очень устал от приключений этого дня и хочу спать. Задремал и откинул голову назад – она склонилась прямо на животик девушки, которая этого вроде и не заметила. И я запомнил это ощущение: прикосновение кожи моей гладко выбритой головы к коже девушки. Дело в том, что этом сне я был пророчески бритоголов, почему меня и спутали с этой компашкой скинхедов – хотя в реальности носил тогда хайр до плеч. Когда же я проснулся, за окном было уже темно, в помещении горел болезненный электрический свет, и девушка, отложив книгу, о чём-то думала. Я спросил её, не останется ли она здесь ночевать. Она ответила, что нет, ей пора домой. Тогда я сообщил, что мне некуда сейчас пойти, и рассказал ей свою историю. Она немедленно предложила мне пойти с ней к ней домой. Я с радостью согласился. Не помню, спросили ли мы, как зовут друг друга.. Когда мы пришли к ней, она представила меня своим родителям, как своего парня, с которым она их давно хотела познакомить. Я смутился, но догадался, что она сочиняет мне легенду, которая хоть как-то сможет объяснить её родителям, кто я такой и что делаю в их доме. Её родители оказались лёгкими в общении либерально настроенными людьми, и я получил их согласие на то, чтобы переночевать вместе с девушкой в её комнате. Мы ещё болтали некоторое время, и вдруг раздался звонок в дверь. Открыли дверь – и на пороге встал тот самый молодой полицей, который меня задержал. Он с невозмутимым видом произнёс: «Я ж тебе сказал, поднимайся наверх и жди там!». На этом месте я проснулся.

– Нет, не так! – резко возразил Адам. – Сон продолжался, это было пробуждение в следующий сон, я уже знаю такие сны. Вы шли по улице в ярком солнечном свете, вспомните. Впереди Вас шли юноша и девушка, весело болтавшие на неизвестном Вам языке. Возможно, это был сарматский или таврский. Юноша был Вами и одновременно Вашим сыном – хотя наяву у Вас есть только дочь. Девушка же была...

– Ладно! Я и сам знаю, кто была эта девушка! Давайте Ваш сон.

– Сны меня сейчас преследуют более чем своеобразные. Например, кролик, который умел говорить. Правда, сначала ему удавалось только одно слово: «Тавки!». Но потом он разговорился, да еще там возник Митра. Вот откуда бы в моих снах мог появиться Митра?!

В другом сне я был одновременно собой и подростком, который шутки ради выстрелил из дуэльного пистолета и убил почтальона. Наповал. Как обычно в моих снах с убийствами, была мучительна даже мысль, что надо ждать, пока найдут, поймают... поэтому я-подросток решил идти сдаваться. Но кто-то (возможно, я теперешний?) присоветовал ему помолиться. Молиться подросток не умел, просто из всех сил пожелал, чтобы убийство не случилось. И эта молитва, видимо, была услышана – почтальон пошевелился. Оказалось, пуля попала в фирменную пуговицу и, контузив его, отскочила...

– Все бы проблемы так легко решались! – вздохнул Летописец.

52 [Может быть, счастье]

Demetrios looked at her with curiosity; and like her, two nights ago on the pier, he said:
– What oath will you make?
– By the Aphrodite, too.
– You do not believe in the Aphrodite. Swear by the Sabbath's Jegovah. The Galilaean paled:
– No one swears by Jegovah.
– You refuse?
– It is a terrible oath.
– It is the one I must have.
She hesitated for some time, then, in a subdued voice, said:
– I make the oath by Jegovah. What do you ask of me, Demetrios?
Pierre Louys, «Aphrodite»

– Может быть, счастье как раз в ненужности о нём думать? – лениво пробормотал Адам.

Они лежали на чём-то более чем странном, так что описывать его не имеет ни малейшего смысла, всё равно никто не поверит. Достаточно лишь сказать, что оно было покрыто разноцветными пятнистыми шкурами неких неизвестных существ.

«Биоморфов?» – предположил в полусне Адам.

– Чудак ты... – Нинлиль уткнулась носом в его плечо, она тоже дремала, но это не мешало ей читать его мысли. – С биоморфа невозможно снять шкуру. Не советую пробовать.

– Чучело изготовить можно, а шкуру снять нельзя?

– Чучело – можно. А шкуру – нельзя. Насколько мне известно, по крайней мере. Биоморфы подчиняются другим законам. Совсем другим.

Она приподняла руку и вполглаза посмотрела на часы:

– Времени у нас ещё навалом. Давай я расскажу что-нибудь. Мой черёд, кажется.

– Уум... – сонно согласился Адам.

– Много-много лет тому назад в Китае был изобретён новый вид флейты. Некий заезжий японский мастер игры на флейте приобрёл и привёз новый инструмент к себе на родину. Проходя через некую деревню, он выступил там и сыграл небольшой музыкальный отрывок. Когда он закончил, наступило молчание. Наконец, оно было прервано голосом самого старшего среди публики. «Это была, – сказал он, – ...песнь богов!».

На следующий день, когда мастер собирался покинуть деревню, селяне привели к нему их самого одарённого юного музыканта, прося мастера взять его в обучение игре на этой странной флейте. Мастер согласился и взял юношу с собой в свой дом в столице.

Он задал ученику играть очень простую мелодию – ту самую, которую он сыграл в деревне, – потребовав практиковаться в ней постоянно. И каждый раз, когда юноша играл, мастер сперва одобрительно кивал, но затем выражение его лица менялось. «Нет, – он тряс головой, – тут чего-то недостаёт!». Ученик умолял

мастера позволить ему сыграть что-то другое, хотя бы раз, но учитель был неумолим: «Нет! Научись сперва играть эту!».

Ученик практиковался недели, месяцы, годы, пока не понял, что ему никогда не удастся сыграть так, чтобы наставник остался доволен. Тогда он однажды вечером собрал свои вещи и покинул дом учителя. Но вернуться домой проигравшим он не мог и решил оставаться в городе, пока есть деньги. Он начал пить, вести хаотическую нелепую жизнь, мучаясь ужасным чувством поражения. Когда деньги кончились, он поселился в какой-то заброшенной хижине за городом. Он жил впроголодь, одевался в рванину, порой обучал простым песенкам детей окрестных земледельцев и охотников. Так шло время.

Однажды утром в его дверь постучали. Музыканты из его деревни нашли его. В этот вечер в деревне должен был состояться концерт, и они не считали возможным, чтобы это произошло без участия его, ученика великого мастера. Он был так пристыжен, что даже ничего не смог возразить им, взял флейту и пошёл за ними.

Концерт начался, и музыканты играли самые разные мелодии на флейтах старого типа, но все ждали выступления владельца новой флейты. Под конец было объявлено его имя. Он, по-прежнему одетый в лохмотья, вышел на сцену, поднёс флейту к губам и сыграл ту единственную мелодию, которую знал. В конце концов, ему нечего было терять и не к чему стремиться. Когда он закончил, наступила долгая тишина, какой не было много лет. Наконец, старший среди публики, теперь уже в самом деле старик, негромко сказал: «Песнь богов снова с нами!»...

– Я вот чего не понял, – задумчиво произнёс уже почти проснувшийся Адам, – он что, покидая дом наставника, прихватил его флейту с собой?

– The stump is clear.

– Wus?

– Ясен пень, говорю. Как бы приватизировал.

– Понятно. А что, если бы действие происходило не на Востоке?

– Что ж, запросто: Дитрих Букстехуде и Иоганн Пахельбель, германские органисты. Второй был наставником первого, и... – она приподнялась на локте, глянула в его смеющиеся глаза и резко оборвала себя: – Пожалуй, я лучше расскажу тебе что-то другое! Кое-что о себе, чего ты не знаешь.

Потянулась тяжёлая пауза, во время которой Адам проснулся окончательно, с тоской подумав, что это была не самая хорошая идея.

– Мне было лет... неважно сколько. Очень немного, поверь. Я шла в полной темноте, не помня дороги и не видя ничего впереди. Я не сомневалась, что меня сейчас схватят, будут унижать, терзать, мучить и бесконечно долго казнить. И мне далось по вере моей. Впереди возникла огромная фигура без лица и без рук. Она не произнесла ни слова и не двинулась в мою сторону. Но я знала, что бежать нет смысла – некуда. И я медленно-медленно, как можно медленнее, даже не в страхе, а в каком-то холодном оцепенении, шла к этой фигуре. И подойдя ближе, я увидела, что за ней стоит ещё одна такая же фигура, а за той – ещё и ещё... их было без числа. И все были безликие и безрукие – но они видели меня и без глаз и могли держать меня и без рук. И вот, они взяли меня и мучили, и терзали, и жрали меня, и пили, и впитывали – бесконечно, бесконечно долго. Можно сказать, что они насиловали меня – но это не было изнасилованием в вашем смысле. Им не нужно

было проникать в моё тело – да у них самих и тел не было. У них было другое. Они отняли моё незнание о себе, и вот, это было самое страшное, что только можно вообразить...

– Понятно. Дальше я знаю: «...тогда, увидев, что он собирается взять её силой, Лилит произнесла тайное имя своего Бога, поднялась в воздух и улетела на берег Красного моря, известного своей дурной славой и огромным количеством похотливых демонов. И там Лилит принадлежала всем демонам без разбора, и родила тысячи новых демонов, по шестьсот каждый день. Тогда Бог послал за ней трёх ангелов, которые вскоре обнаружили её в волнах на том месте, где в будущем народам моря предстояло сразиться с народом суши. Ангелы передали Лилит послание Бога, но она не пожелала вернуться. Когда же они пригрозили, что утопят её в море, она возразила: «Ну уж нет, ведь я была создана, чтобы отбирать силы у детей!». Ангелы продолжали стоять на своём, и Лилит, чтобы они отстали от неё, поклялась именем Бога: «Если я увижу вас, или ваши имена, или ваши изображения на амулете, то не трону ребенка!». Более того, она согласилась на смерть ста своих собственных детей ежедневно – и поэтому так много демонов умирает изо дня в день...».

– Ну да, примерно так. Но точнее вот как: «Тогда Смерть, будучи двуполой, совокупилась со своим естеством. И она породила семерых детей двуполой: Страх, Гнев, Стыд, Стон, Громкий Плач, Раздор, Вопль, их же имена женские: Печаль, Страсть, Зависть, Злоба, Горечь, Борьба, Скорбь. Они соединились друг с другом, и каждый породил семерых, так что это составляет сорок девять двуполой демонов. Их имена и их действия ты найдёшь в «Книге Адама». Но до них Жизнь, пребывающая с Господом Сил, создала семь благих андрогинов. Имена их мужские таковы: Независтливый, Блаженный, Радостный, Истинный, Неревнующий, Верный, Возлюбленный; женские же: Мир, Блаженство, Радость, Истина, Ликование, Вера, Любовь. И от них пошло множество духов благих и непорочных. Их значение и их действия ты найдёшь в «Книге Авраама», которое под двенадцатью...».

За окном стремительно светлело, как будто кто-то решил, наконец, выставить освещение сцены.

– А можно и вот как, – Адам осторожно привлёк её к себе и сделал паузу. – Отрывок из неизвестного стихотворения неизвестного обэриута на недошедшую до нас картину неизвестного прерафаэлиты:

кто голышом смеётся до поры
дриада девочка чудачка валентинка
глядящая сквозь трещины коры
и нежное плечо отвердевает
прикидываясь узловатой ветвью

придурковатый рыжий фавн-подросток
кружит вокруг ствола
и дёргает свой стебель машинально
грызёт свирель свою
и подвывает

и слыша смех дриады увядает

а два кентавра там за заднем плане
смеются полускрытые в тумане
и бьётся в воздухе бессмысленное слово
лишь для тебя ни для кого другого

– Хмм... мне здесь больше всего нравится слово «отвердевает», – заметила
Нинлиль, высвободилась из его рук и поднялась с ложа.

53 [Боги являются людям]

Я начинаю вновь творить своих богов.

П.Валери, «Юная парка»

"Прозрачные дома казались исчезающими, непрозрачные – исчезнувшими".

Боги являются людям вовсе не для того, чтобы сообщить им какую-то мудрость или научить философии, но чтобы испытать их самыми изощрёнными способами, ввести в заблуждение, свести с ума и уничтожить, или же превознести. В античных богах отражались не идеалы, а мнимые и опасные представления. К каким бы историческим темам ни обращался художник или писатель, к нравам римских матрон или «вечному возвращению» средневековых тамплиеров, он везде видит одно – богов создаёт не страх и не тоска по идеалу, а мстительность и самые яростные комплексы.

Они ехали верхом уже около часа. Адам никак не мог запомнить имя своего коня, зато лошадь Нинлиль носила легко запоминающееся имя Текила и явно привыкла никуда никогда не спешить.

Впрочем, они и не очень-то спешили.

Справа вода розовела от начинающегося рассвета.

– Смотри, смотри! – Нинлиль привстала на стременах. – Видишь?

Из волн на несколько минут высунулась серая с зелёными полосами масса, бесформенная, но несомненно живая. Мощный фонтан – и она скрылась в воде, как бы подчёркнуто медленно.

– Левиафан, – спокойно сказал Адам. – Он здесь нередко виден.

Pitchakhchi